

История
Общество
Политика
2017
№2(2)

Брянский
государственный
университет
имени академика
И.Г. Петровского

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИКА

**№ 2(2)
2017**

ББК 63/66
И 90

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2017. №2 (2)

Сетевое научное периодическое издание.

Точка доступа: <http://www.clio-brgu.ru>. Размещено на официальном сайте журнала: 03.07.2017

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов**.

Главный редактор: **С.В. Артамошин** - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: **А.В. Федин** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

С.Ф. Блуменау - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.И. Золотов - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.В. Сагимбаев - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.А. Чубур - кандидат исторических наук, профессор и почетный доктор РАЕ, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского», 2017
© Коллектив авторов, 2017

**HISTORY
SOCIETY
POLICY**

N 2 (2)
2017

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2017. №2 (2)

Network scientific periodical.

AP: <http://www.clio-brgu.ru>. Placed on the official website of the journal: 03/07/2017

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

Chairman of the Editorial Board: doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

Editor in Chief: **S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, professor, Dean of the Faculty of History and International Affairs of the Bryansk State University. Acad. IG Petrovsky.

Deputy Editor: **A.V. Fedin** - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

S.F. Blumenau - doctor of historical sciences, professor, head of the department of general history, international relations and international law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.I. Zolotov - Doctor of historical Sciences, Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.V. Sagimbayev - Candidate of historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.A. Chubur - Candidate of historical Sciences, Professor RANH, an assistant professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

© Bryansk State University named after Petrovskii, 2017

© Authors, 2017

Содержание

Интеллектуальная история

- Артамошин С.В.* Консервативный национализм в Веймарской республике в сравнении Мёллера ван ден Брука и Э. Юнгера 7
- Цеунов И.А.* Палеолитические штудии Кирилла Ефимовича Коршака 14

Культурная история

- Акимов Ю.Г.* «Укорениться в Новых Землях»: попытки создания французских поселений в Канаде в последней четверти XVI в. 21
- Шафенкова Ю.В., Чубур А.А.* Голубевы и Тенишевы: состязание на ниве ктиторства 30

Археология и история древностей

- Первашова М.С.* Символика украшений раннесредневекового Тохаристана 47
- Скирда В.В., Нестеренко М.С.* Глиняные кружки салтовского могильника Красная Горка 54

Вторая мировая война

- Соловьев Ю.П.* Колхозы, немцы и партизаны. О некоторых особенностях эксплуатации мирного населения Брянского края в 1941-1945 гг. 65
- Арещенко А.М.* Военные операции немецкой армии против партизан: антипартизанская операция «Зеленый дятел» 1942 года 79
- Мисник М.Ю., Паршикова А.М.* Псковская Православная Миссия и немецкие оккупанты (проблема коллаборационизма) 85

Первые шаги в науку

- Егорова К.В.* «Террор как добродетель». Проблема террора в представлении лидеров якобинства 1793-1794 гг. 90
- Лахтикова С.А.* «Фракция красной армии» - террористическая группировка в Германии 96
- Нагорный А.А.* Проблема черноморских проливов во внешней политике начала XX века 102

Историография

- Федин А.В.* Современная историография иезуитской миссии в Новой Франции первой половины XVII в. 108
- Синицын Р.В.* Об оценках урожайности зерновых органами статистики Российской Империи и СССР 121
- Д.И. Шендыгаев* Проблема роли британских командующих эпохи Первой мировой войны в англоязычной историографии 128

Рецензии

Блуменау С.Ф. Рец. на кн. Д.Ю. Бовыкина: Король без королевства. Людовик XVIII и французские роялисты в 1794-1799 гг. М.: РОССПЭН, 2017, 718 с. **134**

Золотов В.И. Рец. на кн.: Кризис и трагедия континента. Тридцатилетняя война (1618-1648) в событиях и коллективной памяти Европы. Научные редакторы и составители Ю.Е. Ивонин, Л.И. Ивонина. – М.: ТрансЛит, 2015. 564 с. **137**

Чубур А.А. Рец. на кн.: К.Н. Гаврилов. Верхний палеолит бассейна Десны. Преемственность и вариабельность в развитии материальной культуры. – СПб.: Нестор-история, 2016. – 132 с. **141**

О сетевом издании «История. Общество. Политика» **147**

Интеллектуальная история

УДК 943.085.2

С.В. Артамошин

КОНСЕРВАТИВНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ В ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В СРАВНЕНИИ МЁЛЛЕРА ВАН ДЕН БРУКА И Э. ЮНГЕРА

Аннотация: В статье исследуется трансформация консервативной мысли Германии в годы Веймарской республики. Анализируется роль националистического компонента в политических идеях «консервативной революции» путем сравнения политических концепций Мёллера ван ден Брука и Эрнста Юнгера.

Ключевые слова: «консервативная революция», национализм, Веймарская республика, Мёллер ван ден Брук, Э. Юнгер.

Artamoshin S. V.

Conservative nationalism in the Weimar Republic in comparison of Moeller van den Bruck and E. Jünger.

Abstract: the article investigates the transformation of conservative thought in Germany during the Weimar Republic. Examines the role of the nationalist component in the political ideas of "conservative revolution" by comparing political concepts of Moeller van den Bruck and Ernst Jünger.

Key words: "conservative revolution", the nationalism of the Weimar Republic, Moeller van den Bruck, E. Jünger.

Веймарская республика была государством множества вариантов политического развития, государством, в котором политические столкновения сочетались с проявлениями социального протеста. Однако наиболее существенным было наличие в государстве политических сил, которые стремились к ее политическому свержению. Стремление избавиться от республики выразилось не только в многочисленных попытках мятежей правых и левых сил, оказавшихся в общей массе неудачными, но и создании альтернативной политической идеи, находившей большое количество своих сторонников среди веймарских немцев.

Веймарский консерватизм приобрел революционные черты в силу того, что требовал решительного изменения существующей политической системы и ликвидации веймарского государства как такового. Вместо следования монархическим принципам он выработал националистический проект государства, верность монарху должна была уступить место верности нации. В этом прослеживался идеологический контртезис либеральным принципам демократической системы формирования политической власти, универсальности прав и свобод личности, которым противопоставлялся принцип германской нации, имеющей собственную государственность, систему политических ценностей и традиций. Конечно, в «консервативной революции» присутствовал сильный национальный компонент, который имел существенные идеологические разновидности во всей Европе после Великой войны. То, что он стал центром политических взглядов консерваторов, было нетипично для германского консерватизма XIX в. Акцент на национализм служил важным компонентом ревизионистских взглядов веймарских консерваторов на новую политическую систему мира. Борьба с Веймаром объединялась в их глазах с борьбой с Версалем. Важно подчеркнуть, что для них было невозможным отделить их друг от друга, поэтому противостояние условиям Версальского мира было невозможно сделать, поддерживая Веймарскую республику.

Мёллер ван ден Брук видел в утверждении республики признание германского поражения в Великой войне, что было белым знаменем поражения на фоне национальных знамен победы [6. 11]. Германская революция стала либеральной революцией, несмотря на социали-

стические принципы, которые она провозглашала. Революция превратилась в мятеж, направленный на захват власти и неспособный к глубинным изменениям государства и объединению народа. Мёллер ван ден Брук писал, что “революция была только мятежом. Она была как единственный звук, который в те дни вырывался из глоток демонстрантов, это было: прочь! Они могли выйти на улицы. Они могли срывать флаги. Они могли срывать погоны. Они больше ничего не могли – но этого достаточно, чтобы испортить народ и страну и рейх” [б. 161].

Конформизм политических деятелей германской социал-демократии привел к сочетанию либерализма и социализма в политических принципах республики, что позволило подчинить социалистическую энергию изменений политической статике либеральной политики. Германская революция, с которой изначально связывалась перестройка германского государства на основе новых принципов, перестройка, искореняющая либерально-демократическую модель, превратилась в “либеральную интермедию” [б. 250]. Германской революции, считал Мёллер ван ден Брук, недоставало национального компонента, поэтому ее действия установили политическую систему государства, в которой институциональные вопросы преобладали над национальными интересами. Он был убежден в том, что только такой подход мог привести к капитуляции германского правительства перед ультимативными требованиями стран Антанты на Парижской мирной конференции. Фактически, здесь немецкий консерватор вступал в область политической мифологизации реальной действительности. Он стал утверждать о том, что современная германская государственность является оковами на руках немецкого народа, поэтому противостояние ей представляет собой освободительную борьбу против антинациональных форм. Слияние Веймара как формы антинационального господства в дальнейшем стало одним из сегментов праворадикальной мысли Веймарской республики.

В политических представлениях Мёллера ван ден Брука революционная динамика должна была привести к формированию национального государства, проводящего националистический политический курс, который не был связан с версальской политикой. Он ставил в основу государства национальный компонент, который бы создавал “государство для нации” [б. 254], а не избежавшую германского национализма республику. Современные консерваторы должны были овладеть революционными формами политической борьбы, что преобразовывало консервативную идею в консервативно-революционную. Консерватизм сейчас должен превратиться в “хранителя и бунтовщика” [б. 246], что делало его не выразителем сословных интересов, а позволяло ему претендовать на отстаивание национальных интересов всего германского народа. В условиях веймарской политической системы это позволяло превратить консерватизм в революционное движение. Мёллер ван ден Брук утверждал, что “в Германии революционные и консервативные идеи проникают друг в друга” [б. 230], и это составляет суть современной консервативной мысли, стремящейся к «консервативной революции».

Таким образом, революционная динамика, направленная на изменение германского государства не во имя прошлого, а во имя будущего стали отличительной чертой веймарского консерватизма. Революционная эпоха позволяла достичь политического успеха только используя инструментарий революционного времени, то есть консерватизм должен был соответствовать современности. Революционные средства были просто необходимым оружием достижения цели становления национального государства, так как “с революционными средствами можно достичь консервативных целей” [б. 231]. Поэтому современный консерватор склонен к действию и готовности политических изменений. Однако при этом консерватизм сохраняет политическую взаимосвязь с традицией, что позволяет преодолеть разрыв, возникший в истории германского государства и выразившейся в Веймарской республике. Это создавало основы для восстановления германского государства на основе германского национализма.

“Традиции постоянно разбиваются катастрофами, за которые мы ответственны – и революциями, которые мы не можем избежать. Но традиции неизменно вновь становятся сами собой” [6. 273-274]. Мёллер ван ден Брук был убежден в том, что политические претензии консерватизма на политическое лидерство массами определялись его связью с духовными ценностями германского общества. Цель «консервативной революции» состояла в национальном объединении на основе этих ценностей и преодолению классового мышления, и как следствие его классовой вражды.

Мёллер ван ден Брук выделял надпартийность и национализм как составные компоненты «консервативной революции». Он подчеркивал, что консерватизм ориентирован на служении целому в виде народа и государства, и его политические цели направлены на обеспечение процветания своего народа и государства [6. 260]. В отличие от националистических объединений Германии начала 1920-х годов, которым не откажешь в обладании энергией деятельности и готовности к совершению решительных поступков, облаченных в “путчистскую тактику”, “консервативная революция” стремилась придать этой энергии конкретную направленность и четкие политические очертания. Она указывала на необходимость первоначального духовного воспитания, которое, будучи соединенным с готовностью к политическим действиям, позволит достичь конечной политической цели. Консерватор, “которому всегда было предписано действовать, будет не только готов мужественно действовать, но и также способен духовно” [6. 257]. Поэтому современной задачей “консервативной революции” должно стать стремление обратиться “к человеку в немце и к немцу в человеке” [6. 298-299]. Таким образом, консерватизм совершал поворот к нации и осуществлял объединение консервативного и националистического компонента.

Немецкий народ в годы революции 1918 г. в Германии оказался в плену чар революционности. Он не смог достичь реализации национальных интересов. Веймарские политики не смогли выдвинуть национального лидера, вокруг которого смогли бы объединиться немцы в тяготах послевоенного мира. Напротив, общество устойчиво скатывалось к гражданской войне и политико-партийной раздробленности. Мёллер ван ден Брук давал отрицательную характеристику веймарским политическим деятелям: “Однако навсегда характерным признаком немецкой революции будет обезличенность ее представителей, которые вряд ли могли превзойти в Германии уровень депутатов рейхстага, партийных секретарей и функционеров и прочих заурядных политических людей” [6. 10]. Политическим деятелям Веймарской республики недоставало “немецкости и склонности к разрешению политических проблем с помощью национального решения” [6. 164]. Одним из главных недостатков веймарской системы Мёллер ван ден Брук видел отсутствие решительности, которая бы позволила внести революционность в германскую жизнь. Революционная энергия была энергией деятельности, способное подвести германское население к разрыву с установившейся системой послевоенного мира и создать условия для решительной деятельности. Мёллер ван ден Брук понимал ту степень риска, которая последует за этими решительными действиями, и он надеялся на то, что внутренняя сила немцев проснется, когда иноземная опасность постучится в каждый дом. Однако эта революционная энергия была потушена веймарскими политиками, перешедшими к политике выполнений и сумевшими перенести революционный накал в спокойное парламентское русло.

Однако, отвергая настоящее, Мёллер ван ден Брук указывал на возможность будущих изменений, если немецкий народ повернется к национализму. Он видел в революционном времени “наложение чар” на немецкую нацию, исчезновение которых окончательно пройдет со сменой революционного поколения, “с которым мы находимся в духовных противоречиях, пока не закончится смена, давшая преимущество новому роду людей над старыми, нация во всей своей совокупности будет вынуждена вновь принять решение” [6. 8]. Политическую борьбу против Веймарской системы Мёллер ван ден Брук определял как “освободительную

борьбу” против ценностей победителей в Великой войне, которая “может вестись только силами всего народа” [6. 241]. Им провозглашался лозунг этой борьбы: “Ни один немец не может жить, если не живет Германия!” [6. 205].

После Великой войны сформировалось новое поколение, поставившее в основание своей жизни “сознание не класса, а нации”, и готовое к решительному изменению социального положения немецкого народа, которое “недостойно ни человека, ни немца” [6. 195]. Антидемократическая борьба консерватизма была борьбой за германское будущее, основанном на авторитарном правлении, и предполагавшей создание широкого политического фронта против демократии, объединявшего бы в себе как правые, так и левые политические силы Германии. Мёллер ван ден Брук писал, что “пролетарские массы являются социалистическими, а не демократическими”, поэтому для “консервативной революции” всегда остается возможность придать этому тяготению к социализму националистическое звучание [6. 134].

Осознание идеи нации должно произойти через осознание национальных проблем. После окончания войны таковой проблемой стала Версальская система. Однако невозможность ее ревизии в данный момент вынуждало обратиться к решению внутригерманских вопросов консолидации государства. Мёллер ван ден Брук писал, что “не может быть справедливости для людей, если нет справедливости для народа. Люди могут жить, если может жить их народ” [6. 26]. Политическое развитие германского государства возможно через национальное сплочение немецкого народа на основе понимания важности национальной идеи. Призывы Мёллера ван ден Брука к политизации нации были стремлением выработать консервативно-национальную альтернативу утвердившимся политическим принципам веймарской демократии. Она должна была позволить достичь консолидации нации. Мёллер ван ден Брук считал, что консервативные интеллектуалы должны возглавить этот процесс. “Мы должны руководить процессом, начатым еще революцией, который должен привести к нашей национализации или мы больше не будем нацией” [6. 23-24].

Процесс националистической политизации масс связывался с пробуждением в нем националистической воли. Мёллер ван ден Брук рассматривал волю нации в качестве двигателя процесса политической трансформации. Он довольно четко обозначил тот смысл, который вкладывал в понимание воли нации. Воля нации заключалась в том, что нация “знает, что она хочет, и делает то, что она должна делать, чтобы стать вновь свободной” [6. 153]. Мёллер ван ден Брук отмечал, что под “политизацией нации мы понимаем национализацию народа”, и это должно “сделать из нашего народа одну политическую нацию – жизнь, которая охватывает нас всех, принадлежит нации” [6. 280, 213]. Он выделял первичные и вторичные признаки, характеризующие нацию. Первые отражены в крови и духе народа, вторые же связаны с внешними признаками государственной принадлежности и языка. “Нация – это народ, который живет осознанием своей национальности. Мы должны уяснить сами для себя, что мы никогда не были такой нацией. Мы жили в осознании нашего государства” [6. 253]. В объяснении этого Мёллер ван ден Брук указывал, что “жизнь в сознании своей нации означает жизнь в сознании ее ценностей”. Взаимосвязь нации и национализма заключалась в осознании этих ценностей. “Нация – это общность ценностей. Национализм есть осознание ценностей” [6. 303].

Подчеркивание Мёллером ван ден Бруком националистического элемента веймарского консерватизма может быть рассмотрено в качестве элемента преемственности, столь необходимого для политической идеи, претендующей на то, чтобы стать объединительной для немецкого народа, стремящейся к формированию нового государства. Нация и национализм “консервативной революции” были не только отличительным компонентом веймарского консерватизма, но и выступали в качестве современной идеи. Таким образом, ей удавалось соединить консервативную традицию и современность. Мёллер ван ден Брук писал, что “консерватизм нации намерен сохранить эти ценности: сохраняя традиционные ценности,

поскольку они сохраняют у нации способность роста – приобретая все новые ценности, поскольку они приумножают жизненную силу нации”. В свете новой проблематики идейная ось консерватизма изменялась, смещаясь к приоритету интересов нации. “Консерватизм должен стать новой волевой точкой, и он направлен не на сохранение государства, а на сохранение нации” [6. 303].

Немецкий национализм заявлял о своем единстве с европейской культурой и Европой. Это единство рассматривалось Мёллером ван ден Бруком в гётевском духе, не как стремление “всецело раствориться” в Европе, а как склонность германского национализма “утвердить нацию как особенность”. Германская нация должна понимать, что “ее германство проистекает из задач, которые не предназначены для другого народа”. Германия, в представлении немецкого консерватора, являлась центром Европы, опираясь на который, последняя может сохранить свое равновесие. Немецкий национализм, выступая как проявление немецкого универсализма, стремился к установлению взаимосвязи с европейской культурой, при этом сохраняя особенность германской природы. Немецкий национализм “хочет воплотить немецкое в грядущем, в преходящем, в революционных событиях предстоящей эпохи” [6. 302]. Мёллер ван ден Брук подчеркивал, что “то, что неразрывно связано с нацией является немецким и обладает ценностью: историей немецких людей.<...> Если погибнет нация, то, как это мы видим у других народов, погибнет и Германия, а с ней все, что когда-либо было сотворено немцами” [6. 319].

Рассмотрение проблемы национализма и его объединения с консерватизмом у Мёллера ван ден Брука в целом сводилось к приданию консерватизму новой цели – нации, которая должна была занять лидирующее положение по отношению к традиционной для консерватизма проблеме государства. Начиная с середины 1920-х гг. националистическая проблема как аспект консервативной мысли получила новый импульс развития в работах Э. Юнгера.

Толчок развитию веймарского национализма был дан германской революцией. Э. Юнгер позитивно оценивал ее значение, но в том смысле, что он принимал ее как свершившийся факт, что не означало признания ее ценностей. Для консервативного национализма, который представлял Э. Юнгер, значение ноябрьской революции состояло в том, что “она очистила для него дорогу, сделав за него ту работу, на которую у него тогда просто не хватило бы сил” [1. 289].

Особенностью политической позиции Э. Юнгера в 1920-е гг. было стремление к решительному противодействию Веймарской республики не только в форме призывов к утверждению нового германского государства, основанного на националистических принципах и возглавляемого поколением Великой войны, но и указанием на необходимость свержения режима через серию насильственных действий. В отличие от консервативного анализа современности, характерного для Мёллера ван ден Брука, в идеях Э. Юнгера прослеживается подход консервативного анархиста, состоящего в постоянной борьбе с временем [7. 14]. Воинская решимость и способность к решительным действиям, которые Э. Юнгер приобрел на полях Великой войны, отразились в его призывах к конкретным действиям против республики. Он писал, что “протест должен осуществляться не в виде докладов о смысле немецкой миссии или книг, анатомирующих труп марксизма, а размеренно и трезво с помощью гранат и пулеметов на уличной мостовой” [4. 224].

Э. Юнгер считал национализм характерной чертой современной эпохи. Окончание войны завершило эпоху монархического общества и утвердило либеральную республику, которая стремилась вернуть общество к спокойствию и стабильности мирного буржуазного состояния. Республика несла не себе печать поражения и не находила признания среди радикальной части фронтового поколения. Э. Юнгер, призывая к возрождению национализма, указывал на то, что он должен быть отличен от республиканских ценностей современной Германии. Он противопоставляется буржуазному миру спокойствия в качестве динамическо-

го мира изменений и деятельности. Э. Юнгер видел в энергии изменений компонент, которым не могла обладать республика в силу своей либеральной основы. “Национализм <...> в целом является небуржуазным чувством, радикально отличаясь от патриотизма предвоенного времени, он динамичен, вспыльчив и полон витальной энергии наших больших городов, в которых он – и это еще одна типичная черта – переживает бурный рост в отличие от консервативного чувства жизни. В своей основе он не реакционен, а революционен” [3. 218]. Таким образом, революционный национализм представлялся в качестве антилиберального явления, отличного как от демократического республиканизма, так и монархизма.

Германский национализм призван сплотить немцев в противостоянии Веймарской республики и должен был послужить основой для формирования новых ценностей. Э. Юнгер связывал эти ценности с ценностями фронтового братства. Национализм в его понимании был проявлением новой нравственности. Он ставил перед собой задачу вывести нацию “за пределы дискуссии”, освободив силу нации для дальнейших свершений. Этим действием национализм подчеркивал свой разрыв с буржуазной эпохой. Фронтовой солдат “понял, что его позиция лучше всего характеризуется словом национализм. Это слово выражает не отвращение к партиям или определенным группам людей, а отвращение ко всей эпохе, времени, которое нужно просто пережить и не растрчивать внутренние резервы, так как в нем невозможен прочный ценностный стержень” [5. 410, 409]. Таким образом, юнгеровский национализм отличается от кайзеровского национализма отрицанием ценностей буржуазного мира и стремлением к решительным действиям как таковым.

Новый национализм являлся выражением наступающей новой эпохи. “Новый национализм – это центральное движение нашего времени, к которому должна примкнуть любая организация, если она хочет действительно примкнуть к жизненным силам эпохи” [1. 285]. Современный германский националист не может соглашаться с существующей республикой, и разделять националистическую позицию “означает поднять знамя революции за счастливую и великую Германию” [2. 216]. Это требует образования широкого националистического фронта. Он писал о необходимости “укрепить наше влияние в боевых союзах, так как революционизация их является первой необходимостью. Меньше удобства, меньше членов, больше активности! Централизованное руководство! Надо привлекать рабочих! Путь со всеми отвергающими обманщиков мирового хозяйства! Мы не тюремщики рабочих. Будем расширять и централизовывать националистические профсоюзы, к их руководству должны прийти рабочие националистической чеканки. На националистических баррикадах они добьются большего, чем марксизм за все пятьдесят лет” [2. 211, 212].

Решительный консервативный национализм Э. Юнгера был нацелен на пропаганду ценностей фронтовой общности, рассмотрение политической жизни Веймарской республики как поле политической борьбы, в которой следует действовать с полной воинской решимостью, нацеленной на объединение фронтовых союзов и рабочих объединений для изменения веймарского государства и пересмотра послевоенного устройства.

Осуществляя сравнительную характеристику подходов Мёллера ван ден Брука и Э. Юнгера к проблеме национализма, следует отметить, что их позициям характерен общий элемент, выражающийся в подчеркивании национальной черты консерватизма как политического движения, противостоящего ценностям веймарской системы. Они отмечали, что в современных условиях национализм выступал объединяющим элементом общества в противостоянии Версальской системе. Однако отличие их друг от друга состояло в том, что Мёллер ван ден Брук делал акцент на необходимости политического воспитания германского народа и его подготовки к совершению национальной революции, в то время как Э. Юнгер призывал к использованию решительных действий против существующей системы. Их призывы не предполагали парламентской политической борьбы, способной предоставить политическим правым силам политическую власть в Германии. Тем самым они оставались аутсайдерами

политической жизни, оказывающих влияние на умы националистически мыслящих немцев, но не способных политически овладеть их телами.

Библиографический список.

1. Jünger E. Der neue Nationalismus// Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart, 2001.
2. Jünger E. Die nationalistische Revolution // Jünger E. Politische Publizistik...
3. Jünger E. Schliesst euch zusammen! // Jünger E. Politische Publizistik ...
4. Jünger E. Schliesst euch zusammen! Schlusswort // Jünger E. Politische Publizistik...
5. Jünger E. Zum Jahreswechsel // Jünger E. Politische Publizistik...
6. Moeller van den Bruck. Das dritte Reich. – 3. Auf., bearb. von Hans Schwarz. – Hamburg; Berlin, 1931.
7. Schwarz H.-P. Der konservative Anarchist. Politik und Zeitkritik Ernst Jüngers. – Freiburg im Breisgau, 1962.

Сведения об авторе:

Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, artamoshinsv@mail.ru

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ШТУДИИ КИРИЛЛА ЕФИМОВИЧА КОРШАКА

Аннотация: В статье идет речь об интеллектуальной биографии К. Е. Коршака. Личность К. Е. Коршака интересна, как минимум, тем, что расцвет его научной деятельности пришелся на 1932-1937 гг. (в 1932 г. он окончил аспирантуру и получил возможность полноценно заниматься научной деятельностью, в 1937-м был репрессирован). Официально К.Е.Коршак был историком материальной культуры и специалистом по доистории в общем. В течении 1932-1937 гг. наука археология была раскритикована как «буржуазная» в Советской Украине в частности и в Советском Союзе в целом. Противоречивость – это главный посыл статьи. Противоречие ученых в том, что они клеймили использование «буржуазной» терминологии и пользовались ей в одно и то же время, к примеру. Жизненный путь К.Е.Коршака показателен для украинских археологов 1930-х гг.

Ключевые слова: К. Е. Коршак; интеллектуальная биография; история материальной культуры; палеолит.

Tseunov I.A. Kirill Yefimovich Korshak's paleolithic investigations

Abstract: This article presents the information on K. Y. Korshak' intellectual biography. The personality of K. Y. Korshak is of our interest. We should admit that the 1932-1937: in 1932 he finished his postgraduate studying and became a scientist; in 1937 he was repressed. According to official data, K. Y. Korshak was historian of the material culture and expert in prehist 1932-1937, the "archaeology" was criticized as "bourgeois" science in Soviet Ukraine in particular and in the USSR in whole. Double speaking conveys the main message of this paper. E.g., double speaking of scientists who use "bourgeois" terminology and at the same time criticize it. Korshak's way of life is illustrative of Ukrainian archaeologists during 30-th of XX.

Keywords: K. Y. Korshak; intellectual biography; history of material culture; Paleolithic.

Кирилл Ефимович Коршак – незаурядная личность в советской интеллектуальной истории 20-30-х гг. XX в. Но на сегодняшний день говоря об этом человеке у нас остается больше вопросов чем ответов. Статья посвящена интеллектуальной биографии К. Е. Коршака, а точнее той ее части, когда ученый исследовал палеолитическое прошлое территории Украины. Сегодня в обществе активно идет дискуссия о пересмотре взгляда на советское наследие. Но насколько мы это наследие хорошо знаем, чтобы пересматривать? Надеюсь, что данная статья поможет пролить некоторый свет на непростые и неоднозначные 30-е гг. прошлого столетия при взгляде сквозь призму интеллектуальной деятельности отдельного ученого.

Литература о личности К.Е. Коршака немногочисленна, поскольку в Украине процесс раскрытия общественных фигур 1930-х гг. идет небыстрыми темпами. К сожалению, стоит констатировать факт, что по сей день мы не имеем ни единой работы, в которой комплексно были бы собраны сведения о «расстрелянной украинской археологии». Фактически вся имеющаяся литература, где описывается жизнь и деятельность К.Е. Коршака приводится в статье А.С. Яненко [12, с.369]. В большинстве сведения о нем имеют энциклопедический характер. Исключением стала упомянутая работа А.С. Яненко, которая посвящена промоционной работе киевского интеллектуала.¹ В статье Т.Н. Радиевской, С.А. Сорокиной и О.Н. Завальной идет речь об истории музейной коллекции Национального музея истории Украины в 30-х гг. XX в., в которой исследователи проследили историю перемен музейных организаций: от Всеукраинского музея истории им. Т.Г.Шевченко до Археологического музея Всеукраинской Академии наук (ВУАН). Авторы проследили историю палеолитических коллекций с Искорости, Киево-Кириловской стоянки, а также трипольских коллекций с которыми работал К. Е. Коршак [10, с. 325-332].

¹ Пользуясь возможностью, хочу выразить признательность А.С. Яненко за устные сообщения касательно истории организации археологических организаций в 20-30-х гг. XX в., а также за сведения о деталях жизненного пути К.Е. Коршака.

Источники представлены документами, связанными с научной деятельностью исследователя, а также рукописными работами по археологической тематике. Документы о защите промоционной работы хранятся в Центральный государственный архивы высших органов власти и управления Украины (ЦГАВООУ) и были опубликованы А.С. Яненко. Рукописные работы, которые непосредственно касаются археологии, хранятся в Научном архиве Института археологии Национальной Академии наук Украины (далее – НА ИА НАНУ) и объединены в персональный фонд им. К.Е. Коршака (№ 13).

Работы «Украинский палеолит», «Кремневые орудия Киево-Кириловской стоянки по материалам экспозиции музея им. Шевченко» [4] и «Палеолитическая стоянка в местечке Искорость» [1] написаны от руки, но ровным аккуратным почерком, без помарок. Это говорит о том, что данные работы либо давались кому-либо на прочтение, либо готовились к публикации. Напечатана на машинке лишь работа «Исследования Чулатовской палеолитической стоянки» в виде короткого отчета и рецензии на работу Д. Галича.

Так случилось, что историк материальной культуры незадолго до гибели собирался защищать диссертацию в Ленинградском государственном университете. В связи с этим в Ленинград был направлен список печатных работ диссертанта (Рис.1). Документы по защите диссертации датируются летом-осенью 1937 (Рис.2). А уже 22 декабря 1937 года Кирилл Ефимович был расстрелян. Таким образом, список трудов, поданный в Ленинград, стал посмертным перечнем опубликованных работ.

С П И С О К

научных работ К.Е. КОРШАКА.

Н а п е ч а т а н ы .

1. З приці семінару при Археологічному Відділі Всеукраїнського Історичного Музею в Києві. Хроніка археології та мистецтва. № 14
2. Палеолітична стація в м. Іскорості. Там же № 2.
3. Черешанка як первісне ганчарське знаряддя. Там же № 3
4. Землеробське знаряддя найдавніших родових громад на Україні. "Наукові Записки" Інституту Історії матеріальної Культури 1935 р. № 1.
5. Класове коріння географічного матеріалізму. Там же № 2.
6. Роль географічного оточення в історії докласового суспільства. Там же № 3.
7. До питання про вародки обміну в докласовому суспільстві на Україні.
8. Хліборобство родових громад на Україні.
9. Селянство давніх родових громад на території Києва.
10. Скотарство часів енеоліту та бронзи на Подніпров'ю.
11. До питання про наземне трипільське митло.
12. Новые материалы по трипольскому земледелию.
13. Следы собирательства в трипольских поселениях.

Рис.1. Список научных работ К. Е. Коршака. Подан вместе с документами по защите диссертации в Ленинград в 1937 г. НА ИА НАНУ. Ф.13, №13

**В КВАЛИФИКАЦИОННУЮ КОМИССИЮ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА.**

Научного сотрудника Института Исто-
рии материальной культуры Академии
Наук СССР
КОРШАКА Кирилла Ефимовича

З а я в л е н и е .

Прошу организовать защиту моей диссертации на тему
"Скотоводство эпохи неолита и бронзы на Поднепровьи".

Автобиография, список научных работ, рекомендации
общественных организаций и два экземпляра работы при этом
прилагается.

15.УД-1937 г.

г.Киев.

Рис.2. Заявление в квалификационную комиссию ЛГУ от 15.07.1937 г.
НА ИА НАНУ. Ф. 13, № 13.

По сути, диссертация представляла собой развернутую характеристику работ К.Е. Коршака, которые и выступали в роли источников. Наиболее информативной, касательно территории Украины в палеолитическое время, является неопубликованная статья «Украинский палеолит». Стоит отметить, что и название, и содержание перекликается со сборной работой А.А. Спицына «Русский палеолит»² [11]. Работа К.Е. Коршака – это обобщенный каталог палеолитических памятников территории Украины. В целом, «Украинский палеолит» написан в традициях эмпирической дореволюционной «старой» археологии. Аналогичная данной работе – рукописная статья Н. В. Сибилева «Донецкий палеолит»³, посвященная описанию палеолитических памятников на отдельно взятой территории [8]. Характерно, что ни «Украинский палеолит», ни «Донецкий палеолит» не были опубликованы. Что необычного в публикации каталогов памятников каменного века? Действительно, в наше время подобная публикация не носит какой-то сенсационный характер.

Для понимания неоднозначности работы «Украинский палеолит» стоит обратиться к некоторым аспектам интеллектуальной биографии К. Е. Коршака. В 1929 г. исследователь поступил в аспирантуру при Археологическом музее ВУАН, а в 1932 г. успешно закончил ее с присвоением звания историка материальной культуры [Рис.3]. В дальнейшем К. Е. Коршак разрабатывал темы, связанные с древностью: от палеолита до трипольской культуры [Рис.1].

² Работа Александра Андреевича Спицына — известного российского исследователя древностей. А. А. Спицын воспринимал археологию как «науку о развитии внешней культуры народов (...)» на основании изучения памятников древности [9, с. 102]. «Русский палеолит» написан как обобщающая работа по палеолитическим памятникам Российской империи.

³ Рукописная работа написана в эвакуации в Уфе в 1941 г. ныне хранится в именном фонде Н. В. Сибилева в НА ИА НАНУ

В 1937 г. работа киевского интеллектуала должна была увенчаться защитой диссертации в Ленинграде, но ученый попал в жернова сталинских репрессий.

Рис.3. Постановление комиссии ВУАН о присвоении К.Е. Коршаку звания научного сотрудника – историка материальной культуры. НА ИА НАНУ. Ф. 13, № 13.

Хочу заострить внимание на формулировке «историк материальной культуры». В конце 20-х – начале 30-х гг. происходила перестройка принципов и методов изучения древности, что в историографии получило название «методологический перелом». Описываемые события стали чуть ли не определяющей вехой в истории советской и постсоветской археологии. Дело в том, что археология после теоретико-методологической дискуссии фактически обрела современный облик. Археология стала позиционироваться как отдельная наука в системе гуманитарного знания, но, при этом, и как составная часть синтетической исторической науки. В Украине произошло переформатирование институционального оформления археологии. В 1938 г. на базе Института истории материальной культуры (ИИМК) под аккомпанемент репрессий был создан Институт археологии во главе с профессиональным управленцем-коммунистом Н.И. Ячменевым. Последний до его назначения на должность директора ИИМК, не имел никакого отношения к научной деятельности. Ему необходимо было переорганизовать работу институции особо рьяно, ведь предыдущий директор Ф. А. Козубовский был объявлен врагом народа и арестован (хоть и был тоже коммунистом).

Переформатирование украинской археологии, как составной части советской археологии, проявилось именно в формулировках по типу «историк материальной культуры». Археология была объявлена буржуазным вещеведением. Не современным считалось даже употребление «устаревшей» терминологии для описания археологических явлений.

В 1934 г. в Москве вышел печатный труд П. Федосеева «Как произошло человечество». К.Е. Коршак написал отзыв, где отметил необходимость появления подобной работы. Но, в то же время, ученый фиксировал недостаточный уровень оформленности взгляда советской науки на древность. То есть, «старая буржуазная периодизация» (палеолит, мезолит, неолит и т.д.) имеет место быть в работе П. Н. Федосеева [7].

Интересно, что, критикуя П.Н. Федосеева за использование понятий, связанных со «старой» периодизацией, К.Ю. Коршак, к примеру, в работе «Некоторые формы каменных орудий и их предназначение» сам активно прибегает к использованию этих самих понятий. Так исследователь описывает каменные орудия труда с Киево-Кирилловской стоянки, Чулатово и Искорости, а также трипольские коллекции, хранящиеся в Археологическом отделе Всеукраинского Исторического Музея. В коллекции хранились артефакты, собранные В. В. Хвойкой у с. Халепье, Веремья, Жуковцы и прочих. Вверенные ему коллекции К. Е. Коршак описывал по типологии отдельных вещей. Кроме того, он размышлял об утилитарных функциях орудий труда [3; 4].

Естественно, имея такое логическое противоречие во взглядах, Коршак попал под бурную критику. На Рис.4. помещена вторая страница рецензии Ф.А. Ястребова на статью «Земледелие древних родовых обществ среднего Приднепровья»⁴. Кирилл Ефимович был обви-

⁴ Федор Александрович Ястребов (1903-1973) – украинский историк. В 30-х гг. XX в. занимал должность сотрудника научно-исследовательской кафедры марксизма-ленинизма в Институте истории АН УССР.

нен в том, что полемизируя с буржуазной археологией, сам, по сути, придерживался позиций западных интеллектуалов. Хочу добавить, что весь документ (три страницы машинописного текста) изобилует различными правками и подчёркиваниями. Так как в этих рукописных заметках нет текста, а только подчёркивания и восклицательные знаки, то не представляется возможным определить личность интересующегося рецензией.

- 2 -

ніх змі з попереднім, які з поданим після цього матеріалом і тому залишаються штучно приціпленою до нього.

Сторінки по суті на позиціях буржуазних археологів, автор нібито критикує їх. Але ця критика зведена до дрібниць, що набувають іноді гумористичного характеру. Автор, напр., б'є Хвейка за його помилку: після хемічного аналізу виявилася, що чотири "овально-яйцеподібні грудки", що зберігаються в археологічному музеєві УАН, не "шишковидне лепешки", як думав Хвейко, а собачі чи вовчі екскременти. Цьому "науковому" відкриттю автор присвячує цілу сторінку своєї статті /с.с. 36-37/.

З другого ж боку, автор зовсім обминає критику теорії Хвейка щодо походження землеробства, а також і західно-європейських буржуазних теорій щодо цього. Він обмежується лише викладом цих теорій і запереченням їх /с.с. 13-14/.

Так само ми не знаходимо у авторе ніякої критики статті Мугури, що побудована /як і стаття Коршака/ на викладі творів буржуазних археологів. Нагадуючи про ці статті, що популяризують буржуазну археологію, автор зауважив про неї лише, що в ній немає ніяких "соціологічних висновків" /с.14/.

Отже К.Коршак апологеризує в своїй статті буржуазну археологію і стоїть по суті на її позиціях. Замість боротьби проти неї він закликає "перевірити її по новому освітленим матеріалам старих археологів" /ст.51./.

Спроби спертися на Маркса і Енгельса у нього зов-

Рис.4. Страница 2 из рецензии Ф.А. Ястребова на статью К.Е. Коршака «Земледелие древних родовых обществ среднего Приднепровья». 22.11.1935 г. НА ИА НАНУ. Ф. 13, № 12.

В марте 1936 г. К.Е. Коршак читал лекции по истории доклассовых обществ в Институте Красной профессуры в Москве. До нас дошли стенограммы лекций, в которых идет речь о том, что традиционным для марксистского подхода к пониманию истории является ее деление на доклассовую и классовую. История классовых (или первобытно - коммунистических) обществ, в первую очередь, делится на родовую коммуну, родовую коммуну и сельскую общину. Важно заметить, что Коршак в лекциях отмечал время сложения родового устройства как верхний палеолит (традиционно в работах того периода считалось, что родовое устройство зародилось в неолите) [6].

Несмотря на то, что статья посвящена интеллектуальной биографии К.Е. Коршака, считаю возможным немного отвлечься от основной темы. Ради полноты и яркости образов тех событий, с которыми мы имеем дело, стоит рассказать не только о науке. В целом в 20-30-х гг. выростала новая молодая генерация людей, которая пыталась видеть мир по-иному, не так, как раньше. Археолог и поэт в одном лице. Крылатое выражение «талантливый человек талантлив во всем» четко характеризует атмосферу, которая царила среди киевских интеллектуалов в период между двумя мировыми войнами. К.Е. Коршак был не только пролетарским ученым, но и поэтом (литературный псевдоним Александр Лан)⁵. Состоял в литературном Союзе крестьянских писателей «Плуг», а позже в Всеукраинском союзе пролетарских писателей. Тематика стихов соответствует духу времени – строительство нового общества и ожидание светлого будущего. Поэзия А. Лана не может оставить равнодушным. В приложении к этой статье публикуется один из стихов К.Е. Коршака в оригинале и в моем переводе на русский язык.

Подводя итоги, хочу заметить, что личность К. Е. Коршака отчетливо отображает дух советской действительности в Украине в конце 20-30-х гг. XX века. Судьба К.Е. Коршака показательна. Ученый стал одним из первых специалистов в новой для того времени дисциплине: истории материальной культуры. Фактически, стал также первым, кто применил новый советский взгляд на первобытность касательно палеолита на практике. Критика коллег за использование схем буржуазных археологов и, одновременно, использование их же; отрицание использования понятий «старой» периодизации (палеолит, неолит и др.) и использование этих же понятий для объяснения периодизации «новой» - яркая характеристика состояния советской науки о первобытности того времени.

По факту, на примере К.Е. Коршака видно, что для археологии первой половины 1930-х гг. характерно понимание того, что пагубно, «буржуазно» с одной стороны. С другой же стороны, напрочь отсутствует понимание того, на каких позициях должна была бы строиться новая пролетарско-марксистская наука о древнейшем прошлом человечества. Позже, в 1938 г. ИИМК был реформатирован в ИА и теоретико-методологические преобразования в украинской советской археологии, по сути, окончились. Но К.Е. Коршак эти события в истории украинской археологии уже не застал. Насильственная смерть оборвала творчество ученого в самом расцвете сил, в 40 лет. Исследователь так и остался человеком своей эпохи – историком материальной культуры.

Библиографический список

1. НА ИА НАНУ, Ф.13 (К.Е.Коршака), № 1;
2. НА ИА НАНУ, Ф.13 (К.Е.Коршака), № 3;
3. НА ИА НАНУ. Ф.13 (К.Е.Коршака), № 7;
4. НА ИА НАНУ. Ф.13 (К.Е.Коршака), № 8;

⁵ В данном контексте считаю необходимым вспомнить, быть может, более известного литератора и археолога в одном лице – Виктора Платоновича Петрова. Под литературным псевдонимом Виктор Домонтович были написаны романы «Доктор Серафимус», «Девочка с мишкой» и др. Имя Домонтовича было открыто широкому кругу читателей лишь с получением Украиной независимости. Постепенно издаются и археологические работы В. П. Петрова, чего не скажешь о работах К. Е. Коршака.

5. НА ИА НАНУ, Ф.13 (К.Е.Коршака), № 13;
6. НА ИА НАНУ. Ф.13 (К.Е.Коршака), № 15;
7. НА ИА НАНУ, Ф.63 (Научных работ), №. 418;
8. НА ИА НАНУ, Ф. 5 (Н.В.Сибилева), № 2;
9. Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. – СПб.: Нестор-история, 2010. – 316 с.
10. Радієвська Т., Сорокіна С., Завальна О. З історії формування археологічної збірки НМІУ в 1930-ті роки: колекції, документи // Археологія & Фортифікація України. / Збірник матеріалів IV Всеукраїнської науково-практичної конференції. – Кам'янець-Подольський: ПП «Медобори-2006». – 2014. – С. 325-332.
11. Спицын А. А. Русский палеолит / Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. – Т. IX. – 1915. – С. 133-172.
12. Яненко А. С. Захист промоційної праці Кирила Коршака «До питання про зародки обміну в первісному суспільстві на Україні» в контексті методологічної дискусії першої половини 1930-х рр. // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. – Вип. 18. – 2014. – С. 369-386.

Приложение: Стихотворение А. Лана «Будет», 1930 г. Оригинал на украинском, перевод на русский осуществлен автором статьи.

БУДЕ

*І світ наш буде голубим.
Максим Рильський*

І буде день,
мов поклик лебединий,
і зацвітуть,
мов казка золота,
веселкою розхлюпнуті долини
і сонячні міста.
Любов і труд зведуть
безхмарне чоло,
і зійде світ новий на попелі
старім.
В ім'я майбутнього –
нехай і ніч і холод,
нехай і буря й грім.

Олександр Лан 1930

БУДЕТ

*И мир наш будет голубым.
Максим Рильский*

И будет день
Как окрик лебединый
И зацветут,
Как сказка золотая,
Раскинутые радугой долины
И солнечные города.
Любовь и труд поднимут
Лик безоблачный,
И будет новый мир на пепелище
Старом.
Во имя будущего –
Пусть и ночь, и холод,
Пусть и буря, и гроза.

Александр Лан 1930

Сведения об авторе:

Цеунов Игорь Андреевич, аспирант Института археологии Национальной Академии наук Украины, архивист 1 категории Научного архива Института археологии НАН Украины, Украина, г. Киев, пр.Героев Сталинграда, 12. igortseunov@gmail.com

Культурная история

УДК 94 (71). 011

Ю. Г. АКИМОВ

«УКОРЕНИТЬСЯ В НОВЫХ ЗЕМЛЯХ»: ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В КАНАДЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVI В.

Аннотация: В статье рассматривается французская колониальная активность в Атлантическом регионе Канады в последней четверти XVI в. Основное внимание уделяется попыткам создания там постоянных поселений, предпринятым маркизом де Ля Рошем, а также экспедициям и колониальным проектам Этьена Белленже и Жака Ноэля. Выясняется специфика этих колониальных предприятий, анализируются причины их краха.

Ключевые слова: Канада, Атлантический регион, Франция, французская колонизация, маркиз де Ля Рош, Этьен Белленже, Жак Ноэль, остров Сейбл, рыболовный промысел, пушная торговля

Akimov Y.G. "S'appatrier aux Terres Neuves": French Attempts to establish colony in Canada at the end of the 16th century

Abstract: The article deals with the French Colonial expansion at the Atlantic Region of present day Canada at the last decades of the 16th century. Special attention is given to the attempts to establish there a permanent settlement. It analyses the details of the activity of the marquis de La Roche who received several Royal Commissions and Grants between 1577 and 1598 and than created a colony at the Sable Island which existed for few years. It also analyses colonial projects of Etienne Bellengé and Jacques Noël at the 1580s. It shows the specific features of those colonial enterprises as well as the reasons of their failure.

Keywords: Canada, Atlantic Region, France, French colonization, Marquis de La Roche, Etienne Bellengé, Jacques Noël, Sable Island, Fisheries, Fur trade.

Открытие и исследование европейцами Североамериканского континента (к северу от Рио-Гранде) началось с восточного побережья Атлантического региона современной Канады. В X–XI вв. берега Лабрадора и Ньюфаундленда посещали гренландские викинги; возможно еще до них там побывали ирландские монахи [1]. С высокой долей вероятности можно предполагать, что богатые треской отмели (банки), тянущиеся цепочкой от острова Ньюфаундленд до южной оконечности полуострова Новая Шотландия, были известны европейским рыбакам как минимум за несколько десятилетий до плавания Колумба [2]. В 1497 г. именно на восточном побережье Канады (между Лабрадором и Новой Шотландией) высадился Джон Кабот, совершив тем самым «официальное» и «окончательное» открытие Северной Америки. В последующие десятилетия англичане, французы, испанцы и португальцы стали активно заниматься промыслом трески на Большой Ньюфаундлендской банке и в ее окрестностях, параллельно исследуя Атлантический регион.

В 1534 г., действуя по приказу короля Франциска I, французский мореплаватель Жак Картье проник в залив Св. Лаврентия и открыл впадающую в него одноименную реку. Он провозгласил прилегающие территории, которые стали с этого времени называться услышанным у индейцев словом «Канада», владением Франции. Впрочем, три экспедиции Картье в Канаду (1534, 1535–1536 и 1541–1542 гг.) не имели практических последствий. Предпринятая вслед за ними попытка основать там французское поселение (экспедиция Роберваля, 1542–1543 гг.) провалилась. Главной причиной этого было несоответствие местных реалий ожиданиям колонистов, рассчитывавших, прежде всего, найти залежи драгоценных металлов

и камней. Тем не менее, с этого момента французы стали считать Канаду (Новую Францию) своим владением.

Во второй половине XVI в. французское государство, переживавшее внутренние смуты (Религиозные войны) заметно снизило свою колониальную активность, хотя и оказывало определенную (хотя и не всегда эффективную) поддержку своим подданным, которых интересовали заморские земли. Примером этого может служить история экспедиций Жана Рибо и Рене де Лодоньера во Флориду (1562 и 1564–1565 гг.).

Что касается Канады, то ее побережье продолжали регулярно посещать французские рыбаки. Постепенно они наладили торговые контакты с индейцами Атлантического региона и стали выменивать у них шкурки бобров и других пушных зверей, ценившиеся в Европе. С 1570–80-х гг. американская пушнина стала пользоваться спросом на французском рынке (прежде всего, у шляпников) [3, р. 60]. В этой ситуации в последней четверти XVI в. французами было предпринято несколько новых попыток создать в Канаде постоянное поселение. Эти попытки будут рассмотрены в данной статье.

* * *

Во второй половине 1570-х гг. идея основания колонии на территории Атлантического региона появилась у бретонского дворянина Троила де Мегуэ (между 1536 и 1540–1606), более известного как маркиз де Ля Рош. Он был родом из окрестностей Плумогэ, приморского городка расположенного на самой западной оконечности Бретани (сейчас департамент Финистер), то есть из тех мест, жители которых одними из первых разведали пути к берегам Канады. Не случайно за вторым по величине островом Атлантического региона закрепилось название «Бретонский мыс» (фр. Cap Breton, англ. Cape Breton; на современных российских картах транслитерируется английский вариант, то есть получается Кейп-Бретон). Около 1550 г. де Мегуэ начал службу при дворе в качестве пажа Екатерины Медичи. Некоторые авторы утверждают, что у королевы завязался роман с юным пажом, который благодаря этому довольно быстро сделал неплохую карьеру и получил несколько титулов. В 1565 или 1568 гг. де Мегуэ был назначен губернатором Морле. Примерно в это же время он стал кавалером ордена Святого Михаила и членом Королевского совета. В 1576 г. ему был дарован титул маркиза де Ля Рош, с которым он и вошел в историю [4, р.14; см. также: 5; 6].

В марте 1577 г. в Блуа Генрих III выдал де Ля Рошу официальное пожалование (commission), дающее тому право «укорениться в Новых землях» (s'approprier aux Terres-Neuves) в Северной Америке. Как и многие другие аналогичные документы того времени, оно носило спекулятивный характер. Де Ля Рош становился обладателем всех территорий, которые он мог захватить («faire siennes toutes et chacune les terres dont il se pourra rendre maître») если те не принадлежали «друзьям» и «союзникам» французской короны, а также другим «уважаемым» державам. В январе 1578 гг. де Ля Рош получил еще одно пожалование, где он провозглашался вице-королем «так называемых Новых земель» (ès-dites Terres-Neuves) и «стран, которые он захватит и завоеует у <...> варваров» [7, р. 522–523].

Из текста этих документов не совсем понятно, что имелось в виду под «Новыми землями». Дело в том, что «Новой землей» (Terre-Neuve) в единственном числе французы называли и называют в настоящее время остров Ньюфаундленд. Однако взятое во множественном числе словосочетание «Новые земли» тогда, скорее всего, обозначало все известное тогда европейцам восточное побережье современной Канады и северо-востока США. То есть де Ля Рошу была, по сути, пожалована вся северная часть Североамериканского континента.

Французский священник Ж. Ле Бер, автор одной из немногочисленных специальных статей о де Ля Роше утверждал, что тот был «воодушевлен лучшими намерениями», а в его голове теснились «самые прекрасные проекты» [8, р. 199]. Однако какой-либо конкретики по

этому поводу имеющиеся в распоряжении исследователей документы не содержат. В первом пожаловании упоминалось о том, что маркиз был охвачен стремлением, во-первых, послужить Богу, во-вторых, способствовать «величию <...> французского имени», в-третьих, действовать «коммерции и торговле» [7, р. 522–523]. Подобные или близкие по смыслу обороты встречались в большинстве французских колониальных пожалований того времени. В свою очередь корона не ставила перед де Ля Рошем каких-либо конкретных задач, ограничиваясь общими фразами о приобретении земель, владении ими и строительстве там крепостей. В целом пожалования 1577–1578 гг. были более краткими и «абстрактными» по сравнению с аналогичными документами предшествующих десятилетий (например, по сравнению с теми пожалованиями, которые получил Роберваль в конце 1540 и начале 1541 гг., где достаточно подробно расписывались цели его колониального предприятия).

Весной 1578 г. де Ля Рош снарядил большое судно и вспомогательный пинас, которые должны были отправиться в Северную Америку. Скорее всего, речь шла о разведке, поскольку нет никаких данных о том, что на борту находились колонисты. Однако, едва выйдя из гавани одного из бретонских портов (какого именно – точно не известно), небольшая флотилия подверглась атаке четырех английских кораблей. Судно было захвачено, пинасу удалось ускользнуть. Принято считать, что это нападение было обусловлено тем, что де Ля Рош был связан с графом Десмондом и его кузеном Джеймсом Фицморисом Фицджеральдом – лидером развернувшегося в то время мятежа джеральдинов в Ирландии [9, р. 177]. Соответственно маркиза заподозрили в том, что он отправляется на помощь восставшим. Для самого де Ля Роша все закончилось более или менее благополучно, но на ближайшие несколько лет он оставил свои колониальные проекты.

Тем временем попытку основать французскую колонию на территории Атлантического региона предпринял торговец из Руана Этьен Белленжé (Bellenger). В начале 1580-х гг., побывав у Кейп-Бретона с нормандскими рыбаками, он загорелся идеей создания там рыболовной станции и торговой фактории. Белленже, очевидно, был достаточно влиятельным человеком, так как ему удалось заинтересовать своим проектом кардинала Карла I де Бурбона, занимавшего в то время Руанскую архиепископскую кафедру, адмирала Франции герцога де Жуайёза и некоторых других высокопоставленных лиц, которые оказали ему определенное содействие.

В конце 1582 г. Белленже снарядил 50-тонный барк «Шардон», принадлежавший одному из свитских кардинала. Помимо десяти членов команды на судне находилось еще двадцать человек, которые должны были остаться в Новом Свете на зимовку. Следует отметить, что цель путешествия держалась в строгом секрете от экипажа и будущих колонистов (очевидно, чтобы не возбуждать подозрений у других торговцев и рыбаков, а может и для того, чтобы не отпугнуть потенциальных участников). Только когда «Шардон» миновал Ла Манш капитан объявил, что держит курс на Кейп-Бретон. В начале февраля 1583 г. Белленже достиг северной оконечности этого острова и медленно двинулся к югу вдоль его восточного побережья. Пройдя мимо отделяющего остров Кейп-Бретон от материка узкого пролива Кансо, и не заметив его (это случалось со многими исследователями) путешественник обогнул полуостров Новая Шотландия и вошел в залив Фанди. Где-то в районе бухты Мин, Белленже высадился на берег и объявил о вступлении во владение страной. В подтверждение этого он прикрепил к высокому дереву щит с гербом кардинала де Бурбона (в 1607 г. этот щит обнаружил «отец Новой Франции» Самюэль де Шамплен).

Белленже составил подробное описание и карту берегов, которые он посетил с указанием отмелей и глубин. Французы несколько раз высаживались на берег, поднимались на лодках в устья рек; Белленже, в частности, описал большую реку, текущую с севера на юг

(скорее всего, это была река Пенобскот). Путешественник очень внимательно изучал природные условия страны, качество земли, леса; его также очень интересовала возможность добывать там соль (что было очень важно для рыболовного промысла). Белленже нашел залежи какой-то руды, которую он принял за свинец или серебро, и, видимо, именно с его подачи многие французские путешественники в дальнейшем упорно искали эти металлы на полуострове Новая Шотландия. Французы активно контактировали с индейцами, в особенности с обитателями южной части полуострова, которые показались им более приветливыми. В обмен на разные безделушки Белленже и его люди получили много оленьих, лосиных и тюленьих шкур, меха куницы, бобра, выдры, рыси, а также различные диковинки: иглы дикобраза, краску и т.п. Однако по непонятной причине (возможно, испугавшись слишком многочисленных индейцев) Белленже раздумал оставлять в Америке поселенцев. Уже в конце весны 1583 г. «Шардон» возвратился в Руан [10].

Экспедиция Белленже и появление у французских правителей интереса к Атлантическому региону вызвали тревогу англичан, которые в то время сами пытались создать поселение на Ньюфаундленде. Весьма показательно, что сведения о плавании «Шардона» и его результатах поспешил собрать Ричард Хэклуйт – известный историк открытий и пламенный пропагандист английской колониальной экспансии, который в октябре 1583 г. прибыл во Францию в составе английского посольства. Через своих агентов ему удалось выйти на родственников Белленже, а затем и на него самого. Хэклуйт отправился в Руан, где встретился с путешественником и выведал у него достаточно подробную информацию о посещавшихся им землях. Англия и Франция в то время находились в мире, и неискушенный в политике Белленже вряд ли подозревал Хэклуйта в каких-либо враждебных намерениях. Он позволил английскому эмиссару взглянуть на карту, составленную им во время путешествия, и даже выразил готовность провести английских купцов своим маршрутом. Однако Хэклуйт смотрел на дело иначе. В 1584 г. он писал, что англичанам жизненно необходимо опередить французов и закрепить Кейп-Бретон за Англией. «Если мы [англичане] не будем укрепляться на Кейп-Бретоне, – утверждал он, – французы, нормандцы, бретонцы и голландцы или другие народы не только отрежут нас от великого залива Святого Лаврентия, где они уже опередили нас, но лишат нас Ньюфаундленда, который мы открыли» [цит. по: 11, р. 7].

В следующем 1584 г. новую экспедицию в Канаду решил отправить де Ля Рош. Возможно, к этому его подтолкнула информация о плавании Белленже, которое он мог рассматривать как посягательства на его права вице-короля. На сей раз маркиз всерьез намеревался создать в «Новых землях» постоянное поселение, для которого он набрал около трехсот колонистов. Однако его продолжали преследовать неудачи. Судно с его людьми потерпело крушение недалеко от Бруажа. Вполне возможно, что свидетелем этого события был Шамплен, которому тогда было 17 лет, и что именно с тех пор он заинтересовался канадскими делами [12, р. 29].

В 1585 г. путешествие в Канаду совершил Жак Ноэль, считавшийся наследником Жака Картье. У мореплавателя не было детей, и все карты и бумаги, относящиеся к его путешествиям, перешли к мужу его сестры Жану Ноэлю, а затем к младшему сыну последнего Жаку (который, кстати, был сыном Жана от второго брака и таким образом не являлся кровным родственником Картье). Жак Ноэль почти полностью повторил маршрут второй экспедиции Картье. Он поднялся по реке Св. Лаврентия до острова Монреаль, по пути обнаружив развалины форта, построенные французами полвека назад [].

Как уже отмечалось, в это время во Франции наметился спрос на канадскую пушнину и Ноэль решил заняться скупкой бобровых шкурок. С этой целью в 1587 г. он отправил в залив Св. Лаврентия своих сыновей Жана и Мишеля с небольшой флотилией из нескольких

мелких судов. Однако там они повстречали каких-то других французских торговцев, которые отнюдь не обрадовались появлению конкурентов. Произошла стычка, в результате которой братья Ноэли потеряли три баркаса.

Жан Ноэль не собирался отказываться от своих намерений. Представляя себя продолжателем дела Картье, он стал добиваться монополии на торговлю мехами и добычу полезных ископаемых в заливе Св. Лаврентия. В этом ему, очевидно, помог его компаньон Этьен Шатон де Ля Жаннэ. 12 января 1588 г. король Генрих III пожаловал Ноэлю и Ля Жаннэ искомую монополию «в стране Канада» сроком на 12 лет. За это они должны были построить «несколько крепостей для обеспечения безопасности и спокойствия своих людей и кораблей» [3, р. 61]. Король также передал им все права и привилегии, дарованные в 1540 г. Жаку Картье перед его третьей экспедицией, в частности, право каждый год забирать из тюрем по 60 человек для отправки в Канаду. Из этого можно сделать вывод, что компаньоны всерьез намеревались основать там постоянное поселение.

Однако монополия Ноэля и Ля Жаннэ сразу же вызвала недовольство купцов и судовладельцев из западнофранцузских портов, прежде всего Сен-Мало, которые стали требовать ее отмены. Через парламент Бретани в королевский совет была подана петиция, где говорилось о необходимости сохранения свободы торговли с Канадой. Параллельно в этом же документе подвергалась критике идея создания колонии в этой стране, на том основании, что там совершенно неподходящий для этого климат. Многие также ставили под сомнение право Ноэля называться наследником Картье. В итоге сторонникам свободной торговли удалось склонить короля на свою сторону. 9 июля 1588 г. Генрих III отменил монополию Ноэля и Ля Жаннэ на скупку пушнины, хотя оставил им права на полезные ископаемые [4, р. 13]. В этих условиях создание колонии стало для них не рентабельным и им пришлось отказаться от своих планов. Французское поселение в Канаде опять не было создано.

На протяжении следующих десяти лет французы не предпринимали попыток колонизации Атлантического региона. «Вице-король» маркиз де Ля Рош участвовал в религиозных войнах на стороне Генриха III, а затем – Генриха IV. В 1589 г. он был взят в плен одним из видных деятелей Лиги герцогом Филиппом-Эммануэлем де Меркёром и провел семь лет в заключении в Нантском замке. Только в 1596 г. де Ля Рошу удалось получить свободу за выкуп, после чего он смог снова заняться колониальными делами.

4 марта 1597 г. де ля Рош заключил контракт с владельцем судна «Катрин» Тома Шедотелем или Шеф-д'Отелем (Chédotel или Chefd'hostel), который взялся отправить в Канаду его людей [9, р. 78]. В следующем 1598 г. маркиз добился нового пожалования от короля. 12 марта 1598 г. от имени Генриха IV де Ля Рошу был выдан патент, в котором определялись его права и привилегии. В преамбуле этого довольно пространный документ упоминались открытия, совершенные Картье и предыдущие пожалования, адресованные Робервалю и самому де Ля Рошу. Далее говорилось о том, что маркизу предоставляются полномочия «для завоевания земель Канады, Лабрадора, острова Сабль, Норумбеги и сопредельных стран». На сей раз он был назван не «вице-королем», а «наместником в Канаде, Ошелаге¹, Ньюфаундленде, Лабрадоре, реке Большого Залива [то есть реке Св. Лаврентия. – Ю.А.], Норумбеге² и

¹ Ошелага или Ошлага (Hochelaga) – название ирокезского селения, существовавшего на территории современного Монреаля, которое посетил Жак Картье в октябре 1535 г. во время своей второй экспедиции. В последующие десятилетия это слово использовалось для обозначения земель, расположенных в долине реки Св. Лаврентия.

² Норумбега – название мифической богатой и густонаселенной области с одноименным крупным городом и одноименной большой рекой, якобы расположенной на восточном побережье Североамериканского континента (примерно на территории современного штата Мэн и провинции Нью-Брансуик). Впервые оно появилось на карте Джироламо да Веррацано, созданной в 1529 г. Поисками Норумбеги занимались многие европейские путешественники вплоть до начала XVII в. [См.: 13, с. 142–154].

сопредельных землях, которые не населены подданными ни одного христианского монарха, для распространения там католической веры» [14, р. 434–436]. Впрочем, несмотря на это, в последующие годы он продолжал называть себя «вице-королем». Де Ля Рошу было также дано право нанимать солдат и моряков, вербовать колонистов, снаряжать и вооружать корабли, строить укрепления в пожалованных ему землях, вершить там суд и приводить в исполнение приговоры, издавать собственные законы, вести военные действия и заключать мир, раздавать феодальные владения и титулы (вплоть до графского) [14, р. 437–438]. В целом патент, пожалованный де Ля Рошу в 1598 г. напоминал патент Роберваля и распространялся на всю известную в то время французам часть восточной Канады.

Получив королевский патент, маркиз взялся за подготовку к экспедиции. Прежде всего, ему нужно было найти будущих колонистов. С этой целью де Ля Рош добился от парламента Руана специального разрешения забирать из тюрем преступников, приговоренных к пожизненному заключению или галерам [14, р. 443, 447]. Конечно, это было не самое лучшее решение, но, по-видимому, желающих отправиться в Канаду добровольно маркизу найти не удалось, либо, что на наш взгляд более вероятно, после своих злоключений он испытывал определенные финансовые затруднения (ведь, как мы знаем, в 1584 г. он смог завербовать 300 человек). В итоге де Ля Рошу было доставлено 250 заключенных, из которых он отобрал 40 наиболее здоровых и сильных. Для того чтобы держать их под контролем ему пришлось нанять еще 10 солдат.

В конце весны 1598 г. с двумя кораблями (180-тонный «Катрин» Шедотеля и 80-тонный «Франсуаз» капитана Жана Жиро) маркиз отплыл к берегам Северной Америки. Вскоре экспедиция достигла небольшого необитаемого острова Сабль (на современных российских картах его называют на английский манер, Сейбл), расположенного приблизительно в 180 км. к востоку от полуострова Новая Шотландия. На этот узкий, песчаный, безлесый островок, который он торжественно переименовал в остров Бурбон, де ля Рош высадил своих «колонистов». Причины такого решения маркиза опять-таки не совсем понятны. Зачем основывать колонию на удаленном от материка островке, где нет никаких природных богатств, которые можно было бы эксплуатировать, где нет аборигенов, которых можно было бы обращать в христианство, где нет удобных гаваней, в которых можно было бы создать морскую базу? В этой ситуации наиболее вероятной представляется версия о том, что де Ля Рошу хотелось поскорее избавиться от бывших заключенных, оказавшихся не слишком приятными попутчиками. В северной части у небольшого ручейка, который был назван рекой Бонкёр (Boncoeur, то есть «Доброе сердце») было наскоро построено несколько домов и складских помещений. Во время отсутствия вице-короля/наместника руководить колонией должен был «комендант», которым был назначен некий Кербонье.

После этого «Катрин» и «Франсуаз» взяли курс на канадское побережье. Некоторые авторы утверждали, что де Ля Рош хотел найти более подходящее место для колонии, однако, скорее всего, его компаньоны Шедотель и Жиро хотели заняться ловлей трески и скупкой пушнины, поскольку по соглашению с маркизом большая часть доходов от этих промыслов должна была достаться им. В любом случае о каких-либо открытиях, сделанных экспедицией де Ля Роша летом 1598 г., нам не известно.

На обратном пути маркиз собирался зайти на остров Бурбон (Сейбл) и «проведать» своих колонистов, но из-за сильного шторма он не смог этого сделать и «проскочил» мимо. Следует отметить, что это совершенно не удивительно, поскольку район острова Сейбл отличается сильными туманами, а вдоль берега самого острова расположены коварные отмели с зыбучими песками, благодаря чему сам этот остров в последующие века вошел в историю

как «пожаратель кораблей». Скорее стоит удивляться тому, что де Ля Рошу вообще удалось подойти к Сейблу и высадиться на нем.

По поводу дальнейшего развития событий мнения историков расходятся. Не подлежит сомнению только то, что колония на острове Бурбон/Сейбл в какой-то момент лишилась связи с метрополией, что привело к гибели значительной части ее жителей, а оставшиеся в живых в 1603 г. были привезены во Францию. По поводу того почему это произошло, и когда именно поселение на острове Бурбон/Сейбл было брошено на произвол судьбы, существует несколько версий. Сочинения М. Лекарбо и П.-Ф.-К. де Шарлевуа, считающиеся классическими источниками по ранней истории Канады в эпоху французского колониального господства, содержат ошибочное утверждение о том, что по возвращении из экспедиции 1598 г. де Ля Рош попал в плен (якобы буря отнесла его корабль прямо к берегу, контролировавшемуся его врагами), и поэтому не мог позаботиться о своих поселенцах, которые в результате провели в полной изоляции пять лет [14, р. 434–436; 15, р. 109]. Этой точки зрения придерживались многие авторитетные историки XIX в., в частности Ф. Паркмен [16, р. 178]. На самом деле, как мы знаем, в руки герцога де Меркёра маркиз попал гораздо раньше, а 1598 г. его никто не захватывал. На это обстоятельство обратил внимание еще один из пионеров канадской историографии Э.-М. Файон, который опроверг доводы Лекарбо и Шарлевуа [17, р. 69–70, примечание].

Уже в XX в. историками было установлено, что после своего возвращения во Францию де Ля Рош в течение нескольких лет продолжал содержать поселение на острове Бурбон/Сейбл. Более того, ему удалось добиться финансовой поддержки у короля, который разрешил маркизу обложить дополнительным налогом (по одному эку с каждой тонны) грузы, проходящие через порты Нормандии. На эти деньги де Ля Рош ежегодно отправлял «своим» колонистам на корабле Шедотеля продовольствие и предметы первой необходимости. Конечно, как уже отмечалось, для колонии Бурбон/Сейбл подходил мало, однако условия жизни там были более или менее сносными. На острове влажный, но умеренный климат (там не бывает холодных зим), там достаточно пресной воды и есть плодородные участки, пригодные для земледелия. Кроме того, люди де Ля Роша обнаружили на острове некоторое количество одичавшего домашнего скота [см.: 5; 6]. Некоторые авторы считают это доказательством того, что еще в начале XVI в. предпринимались попытки основать колонию на Бурбоне/Сейбле. Чаще всего в этой связи упоминаются имена барона де Лери, якобы пытавшегося создать французскую колонию в Северной Америке еще в 1518 г. (однако о его предприятии почти ничего не известно), и португальца Жоао Алвареша Фагундеша, которому в 1520-е гг. действительно удалось основать на полуострове Новая Шотландия рыболовную станцию, просуществовавшую несколько лет. Также есть мнение, что скот на острове появился не в результате чьей-то целенаправленной деятельности, а в результате крушения какого-то судна [16, р. 178; см. также: 5].

Возвращаясь к де Ля Рошу, следует отметить, что он весьма ревниво оберегал свои права «наместника» и «вице короля», хотя никаких других попыток осваивать пожалованные ему земли после 1598 г. не предпринимал. Тем не менее, когда в ноябре 1599 г. Пьер Шовен де Тоннетюи, торговец из Онфлёра, неоднократно совершавший коммерческие вояжи в залив Св. Лаврентия, добился от короля монополии на торговлю канадской пушниной сроком на 10 лет, маркиз счел это нарушением условий своего патента. Он обратился к властям и добился того, что Шовену было выдано новое пожалование, где он фигурировал в качестве «лейтенанта» де Ля Роша, а зона его исключительных прав была ограничена. Аналогичным образом маркиз протестовал по поводу выдачи в 1603 г. королевского патента Пьеру дю Га де Мону, будущему основателю Пор-Руайяля и Квебека, однако на сей раз его протесты не

принесли никакого результата [3, р. 63]. Очевидно, что корона была заинтересована том, чтобы дело колонизации Канады, наконец, сдвинулось с мертвой точки, и при этом больше не рассчитывала на де Ля Роша.

Тем временем на Бурбоне/Сейбле происходили драматические события. В 1602 г. туда не прибыл корабль с припасами на следующую зиму. Это спровоцировало бунт колонистов, недовольных долгим и бессмысленным содержанием на острове. Каким-то образом (скорее всего через рыбаков) им удалось передать во Францию жалобу на злоупотребления коменданта Кербонье и его помощника – капитана Куссэ, отвечавшего за склады и магазины. Обеспокоенный де Ля Рош в феврале 1603 г. поручил Шедотелю срочно отплыть к Бурбону/Сейблу, привезти Кербонье, Куссэ и еще трех служащих и разобраться в ситуации. Однако когда Шедотель добрался до острова, он обнаружил, что там осталось лишь 11 или 12 опустившихся поселенцев, одетых в шкуры и ночующих в ямах; остальные (в том числе и все руководители колонии), очевидно, были убиты. Эти люди были привезены обратно в метрополию, где их пожелал видеть король. Они предстали перед Генрихом IV в своих одеждах из шкур, после чего им выдали небольшую сумму денег и отпустили восвояси, простив все преступления, и те, которые они когда-то совершили во Франции, и те, в которых они явно участвовали на острове Бурбон/Сейбл. Это вызвало разочарование де Ля Роша, который, видимо, считал их виновниками провала своего колониального предприятия: «вместо того, чтобы повесить их за их злодеяния, им дали денег, хотя они сами признались в убийствах» [6].

* * *

В последней четверти XVI в. французы продолжали исследовать побережье Атлантического региона, их рыбаки и торговцы активно эксплуатировали его природные богатства, а корона официально считала Канаду своим владением. Несмотря на все это создать там постоянное поселение французам не удавалось.

Очевидно, это было связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, как уже отмечалось, в рассматриваемый нами период само государство практически не проявляло какой-либо инициативы в колониальной области, а помощь, оказываемая им заморским предприятиям его подданных, была весьма ограниченной. Во-вторых, создатели первых постоянных поселений порой не были знакомы с реальными условиями колонизируемых территорий, а главное – не очень хорошо представляли себе цели колонизации и способы их достижения. Особенно ярко это проявилось в случае с маркизом де Ля Рошем и его колонией на острове Бурбон/Сейбл. Ф. Паркмен весьма критично и даже с некоторой издевкой писал о том, что маркиз собирался христианизировать Североамериканский континент с помощью нескольких десятков осужденных; в то же время американский историк верно подметил феодальный характер колониального предприятия де Ля Роша [16, р. 177]. На наш взгляд сюда следует добавить, что маркиз, очевидно, ориентировался в первую очередь на испанский опыт конкисты – одновременно наиболее известный и наиболее успешный. Но если в условиях Центральной или Южной Америки высадка даже небольшого отряда, могла иметь далеко идущие последствия, то на необитаемом острове у берегов Канады это было просто бессмысленно.

Более перспективными представляются планы Белленже и Ноэля по созданию на восточном побережье Канады постоянного поселения, которое могло бы служить базой для торговцев пушниной. Однако для этого требовались силы и средства, которыми они, очевидно, не располагали, а также сколько-нибудь реальная поддержка со стороны государства, которая также отсутствовала.

В то же время экспедиции и колониальные предприятия де Ля Роша, Белленже и Ноэля, неудачные сами по себе, внесли значительный вклад в развитие французской экспансии в Северной Америке. Уже через несколько лет французы, наконец, смогли там закрепиться и основать первые постоянные поселения, ставшие ядром их колониальной империи, просуществовавшей более полутора веков.

Библиографический список

1. *Акимов Ю.Г.* Ирландские плавания в Северную Америку в средние века: от мифов к гипотезам // *Irish Cultural Heritage: Translating Culture*. Сборник материалов конференций / под ред. Е.В. Белоглазовой, Н.А. Алексеевой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2014. С. 18–23.
2. *Акимов Ю.Г.* Португальские мореплаватели в Северной Атлантике в конце XV в.: факты и гипотезы // *Латинская Америка*. 2011. № 11. С. 74–83.
3. *Havard G., Vidal C.* Histoire de l'Amérique française. Edition entièrement revue. Paris : Flammarion, 2006. – 863 p.
4. [*Harrisse H.*] Notes pour servir à l'histoire, à la bibliographie et à la cartographie de la Nouvelle-France et des pays adjacents 1545–1700. Paris: Librairie Tross, 1872 [Reprint: Amsterdam, 1976]. – XXXIII, 367 p.
5. *Lañctot G.* L'Établissement du marquis de La Roche à l'île de Sable // *Canadian Historical Association Report*. 1933. P. 33–42.
6. *Lañctot G.* LA ROCHE DE MESGOUEZ, TROILUS DE // *Dictionnaire biographique du Canada*. Vol.1. Université Laval / University of Toronto, 2003. URL: http://www.biographi.ca/fr/bio/la_roche_de_mesgouez_troilus_de_1F.html (дата обращения 10.06.2017)
7. *Garneau F.-X.* Histoire de la Nouvelle France: 2 t. Paris, 1913. Т. I. – lviii, 607 p.
8. *Le Ber J.* Un document inédit sur l'île de Sable et le Marquis de la Roche // *Revue d'histoire de l'Amérique française*. 1948. Vol. 2. n° 2 (septembre). P. 199–213.
9. *Le Jeune L.-M.* Dictionnaire générale de biographie, histoire, littérature, agriculture, commerce, industrie et des arts, siénces, mœurs, coutumes, unstitutions politiques et religieuse du Canada: 2 t. Ottawa, 1932. Т. II. – 829 p.
10. *Quinn D.B.* The voyage of Étienne Bellenger to the Maritimes in 1583: a new document// *Canadian Historical Review*. 1962. Vol. XLIII. P. 328–343.
11. *Campbell G.G.* The History of Nova Scotia. – Toronto; Halifax: Ryerson Press, 1948. – XIII, 288 p.
12. *Bishop M.G.* Champlain: The Life of Fortitude. Toronto: McClelland and Stewart, 1964. – XX, 308 p.
13. *Рамсей П.* Открытия, которых никогда не было. М.: Прогресс, 1982. – 207 с.
14. *Lescarbot M.* Histoire de la Nouvelle France. Paris: Jean Millot, 1609. – 888 p.
15. *Charlevoix P.F.X., de.* Histoire et description générale de la Nouvelle France: 3 t. Paris, 1744. Т. I. – 664 p.
16. *Parkman F.* France and England in North America: 2 vols. New York: Library of America, 1983. Vol. 1. – 1504 p.
17. [*Faillon E.M.*] Histoire de la colonie française en Canada: 3 t. Villemarie, 1865. Т. I. – 551 p.

Сведения об авторе:

Акимов Юрий Германович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, **Dr. Yury Akimov** is Full Professor at the Department of American Studies, St Petersburg State University e-mail: y.akimov@spbu.ru

УДК 658.14+364.054+929(470)

Ю.В. Шафенкова, А.А. Чубур

ГОЛУБЕВЫ И ТЕНИШЕВЫ: СОСТЯЗАНИЕ НА НИВЕ КТИТОРСТВА

Аннотация: Анализируется меценатство в области храмостроительства двух из трех ведущих акционеров Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода В.Ф. Голубева и В.Н.Тенишева и членов их семей. Авторы, сделав хронологические и культурологические сопоставления предполагают, что семья Тенишевых негласно состязалась с Голубевыми в области храмостроительства как в поселке Бежица, так и в собственных имениях. Этически неоднозначная ситуация в итоге поспособствовала созданию двух архитектурных шедевров и двух ярких произведений Н.К. Рериха в технике мозаики.

Ключевые слова: Голубев В.Ф., Тенишев В.Н., Тенишева М.К., Н.К. Рерих, Бежица, Пархомовка, Талашино, храмостроительство.

Shafenkova J.V., Chubur A.A. Golubevs and Tenishevs: the contest of patrons on temple building

Abstract: The patronage in the field of temples construction of two of the three leading shareholders of the Bryansk rail-rolling, iron-making and mechanical plant V.F.Golubev and V.N.Tenishev and their family members is analyzed. The authors, making chronological and culturological comparisons, suggest that the Tenishev's family secretly competed with the Golubevs in the field of temples building both in the village of Bezhitsa and in their own estates. Ethically ambiguous situation eventually contributed to the creation of two architectural masterpieces and two bright works of N.K. Roerich in the technique of mosaic.

Keywords: Tenishev V.N., Golubev V.F., Tenisheva M.K., Roerich N.K., Parhomovka, Talashkino, temples building.

«- Скажите, эта дорога приведёт к храму?»

- Это улица Варлама. Не эта улица ведёт к храму.

- Тогда зачем она нужна? К чему дорога, если она не приводит к храму?»

(из фильма Тенгиза Абуладзе «Покаяние»)

Меценатство – это благотворительная поддержка культуры в широком смысле. Нарцательное слово «меценат», как известно, происходит от имени римлянина Гая Цильния Мецената, друга Горация и покровителя искусств. С тех пор меценатом именуется человека, добровольно материально помогающего науке, культуре, искусствам церкви, жертвующего средства на создание различных общественных сооружений, помогающего художникам, л

(от греч. κτήτωρ – собственник; основатель, создатель, строитель) – лицо, выделившее средства на ремонт или строительство православного храма, монастыря, на их украшение иконами, фресками, предметами декоративно-прикладного искусства. Правда, словом «ктитор» обозначается и должность в церквях военного ведомства. В Российской Империи в обязанности такого должностного лица входило управление хозяйством и внешним порядком. В отличие от церковных старост приходских церквей, избираемых прихожанами, ктитория назначались военным начальством, перед коим и отчитывались в хозяйственных операциях полковых церквей. Дабы не путать благотворителя и должностное лицо, мы чаще будем применять привычное современному слуху слово «меценат».

Как пишет Т.Е. Покотилова, «Результаты исследования феномена российской благотворительности в его эволюции дают основание считать, что проповедническая деятельность Церкви и подвижничество как нравственный пример составили ту часть деятельности Русской Православной Церкви в сфере реализации ею морально-этической и нормативно-ориентирующей функций, степень воздействия которой оказалось не только самой значительной по результатам стимулирования к благотворению и его практическим результатам в период решающих полномочий русской православной церкви в этой сфере, но и стала определяющей в формировании ряда специфических черт, складывавшихся и укоренявшихся

традиций благотворительности в нашей стране» [29]. Церковь внушала христианам мысль о том, что надо помогать людям всеми доступными средствами [25]. Не удивительно, что у меценатов возникали встречные побуждения: принести пользу самой церкви. Они воспринимали её неотделимой от народа, а потому благодеяние, направленное церкви виделось им благодеянием для народа в целом. Век XIX называют «золотым веком меценатства». Особо прославились в этой сфере купечество и промышленники. Они строили школы, больницы,

В.Ф. Голубев

В.Н. Тенишев

П.И. Губонин

поддерживали людей искусства, создавали музеи, возводили на свои средства храмы. Для многих благотворительность стала чертой характера.

Главные акционеры Брянского железодельного и рельсопрокатного завода (будущего БМЗ) инженер Виктор

Фёдорович Голубев, купец I-й гильдии Петр Ионович Губонин и князь Вячеслав Николаевич Тенишев стали меценатами в самых разных сферах жизни как рабочего поселка Бежица, так и далеко за его пределами: благоустройство быта рабочих, забота о росте их образованности и культуры, поддержка творческих людей – литераторов, музыкантов, художников, финансирование научных исследований в области этнографии, археологии и других наук. Немалое место в жизни меценатов занимала и РПЦ. Купцу и заводчику П.И. Губонину, как известному храмостроителю (на его счету строительство храмов Параскевы Пятницы и Александра Невского в Москве, Спасо-Преображенского Николо-Угрешского монастыря на родине в с. Борисово, Успения Богородицы в Гурзуфе (там же он построил, кстати, и мечеть), участие в строительстве и реконструкции соборов Херсонесского в Севастополе, Исаакия, Петропавловского и храма Спаса на Крови в Петербурге, храма Христа Спасителя в Москве и др.), посвящено множество исследований и жизнеописаний [17; 28; 31 и др.], мы же сосредоточим внимание на двух других героях – В.Ф. Голубеве и В.Н. Тенишеве и их семьях.

1. Брянский завод и рабочий поселок Бежица

Виктор Федорович Голубев родился в Нижнем Новгороде в 1842 г, в семье сына дворянина в первом поколении Федора Ивановича Голубева. Он с отличием окончил Петербургский институт инженеров путей сообщения: в институтском Зале Славы на мраморной доске среди отличившихся путейцев высечено и его имя. Став первоклассным инженером более двадцати лет он руководил строительством крупных железных дорог Российской Империи [11]. Под Орлом Голубев познакомился с подрядчиком строительства П.И. Губониным. Талантливый инженер предложил купцу перспективный бизнес: создание рельсопрокатного завода с собственным производством чугуна и стали. Губонин предложил строить завод на его земле близ Брянска. «Общество брянского рельсопрокатного, железодельного и механического завода», коему было суждено стать вторым по размерам в России после Путиловского, было учреждено 20 июля 1873 года. Голубев занимал руководящие посты в его управлении в течение 27 лет: с основания до 1900 г. [33]. Третий главный акционер – князь В.Н. Тенишев – появился в 1875 г., приобретя акций на 200.000 руб. из средств первой жены Анны, также славной благотворительностью на ниве образования и культуры [34]. Спустя полтора десятилетия брак распался и новая супруга князя-заводчика Мария Клавдиевна тоже снискала славу мецената, широко пользуясь преумножившимся капиталом мужа [8]. Имена

главных акционеров Брянского завода вписаны в историю не только созданием крупнейшего промышленного предприятия, но и возведением храмов близ него.

При основании Брянского завода, по инициативе устроителей и заводской администрации в лице директора В.Ф. Крахта была выстроена часовня. В 1878 г. на её месте на средства рабочих и инженеров поднят молитвенный дом, который 27.06.1882 обратили в храм во имя Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла. Спустя полгода храм сгорел, но уже спустя 11 дней на средства Акционерного общества был вновь отстроен.

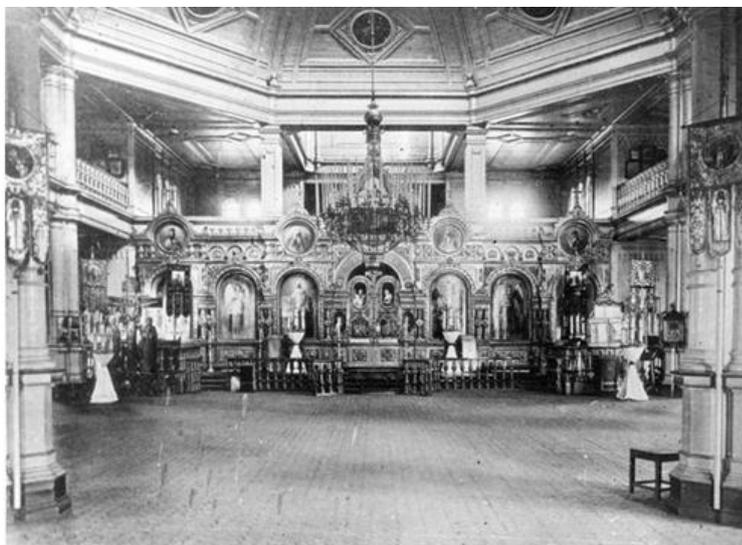
Спасо-Преображенский храм в Бежице. Фото Карла Фишера, 1895 г.

риком под шатром с главой, а ветви – пониженными одноглавыми четвериками, в одном из которых находилась колокольня.

Краевед Ф.И. Исайчиков, рассказывая о закладке храма, сообщает интересную подробность: в надписи на плите в основании опущено имя одного из двух учредителей завода – В.Ф. Голубева. Причин тому он видит две: «во-первых, в это время Голубев жил в Петербурге. Во-вторых, князь Тенишев, захватив власть в Обществе, уже не хотел делить её с Голубевым, который, между прочим, сам мало заботился о своём престиже, ибо был полностью озабочен новой техникой и технологией на заводе» [15, с.21]. Добавим: Виктор Федорович, человек скромный и интеллигентный, мог счесть неэтичным упоминание своего имени на закладной плите, поскольку средства на храм выделялись не им лично, но акционерным обществом. Тенишев все время негласно с ним состязался, желая стать первым среди равных. Голубев был одним из главных акционеров и участвовал в принятии решения. В отчёте о деятельности завода за 1883 г. говорится о церкви: «Строится уже третий год в обширном

Рос завод, росло население рабочего поселка, рос приход. Это побудило руководство завода в 1880 г. заложить новый храм по проекту архитектора Александра Гренера в стиле эклектики («псевдорусский»). «Инициатива строительства не обошлась без деятельного содействия первой жены князя Тенишева княгини Анны Дмитриевны (в девичестве Замятиной). На складах завода лежали железные рельсы, которые не были реализованы в связи с переходом в 1875 году на стальные. Использовать рельсы в строительстве храма подсказал княгине Анне Дмитриевне заводской архитектор Иван Иванович Кристолавич» [15]. Стены, символически сложенные из рельсов, с обеих сторон обшили дубом. В плане храм имел форму креста, центральная часть завершалась массивным световым восьмериком

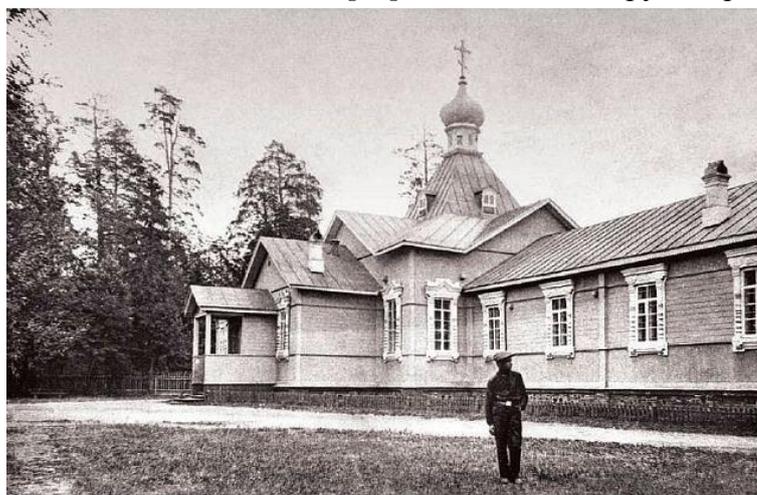
размере и ныне приходит к окончанию. Находится она близ парка, вне заводского поселения. Одного железа при постройке её затрачено около 40000 пудов, а стоимость церковной утвари дошла уже до 9720 руб. 42 коп. Иконостас пожертвован П.И. Губониным. Певческий хор из рабочих и служащих» [26]. В 1884 г. храм был освящен в честь Преображения Господня.

Спасо-Преображенский храм, интерьер. Фото К.Фишера, 1895

несли храм, получила название Церковной (ныне все еще ул. III-го Интернационала – в пору задуматься о декоммунизации и возврате в топонимику города исторических имен). В народе церковь Петра и Павла стали звать Малой, а выстроенную в 1884 г. Большой. Оба храма имели общий причт. Кресты на куполах Спасо-Преображенского храма были видны с любой точки завода, что было добрым напоминанием для рабочих: «Установки на трезвый образ жизни, на благочестивое устройство семей, сглаживание различных конфликтов не могли не сказываться положительно на поддержании трудовой дисциплины в цехах и общественного порядка вне заводских стен. Недаром Бежица считалась образцовым рабочим посёлком и выгодно отличалась от подобных селений» [10].

Забота о храмах Бежицы не ускользала из поля зрения ставшего председателем правления Акционерного общества Брянского завода В.Ф.Голубева и после того как В.Н. Тенишев отошел от дел, а П.И. Губонин скончался. Так, на заседании Правления общества 22.09.1897 речь шла о поддержке храмов Бежицы. Виктор Федорович обратил внимание акционеров: «Служащие открыли подписку для сбора пожертвований на увеличение старой церкви и устройства придела в новой, с соответствующим увеличением штата священно и церковно-служащих. Представлялось бы желательным, чтобы Общество поддержало усердие служа-

Петропавловский храм в Бежице. Начало XX века

щих принятием участия в подписке. Решили ассигновать 1000 рублей» [ГАБО, ф.220, оп.4, д.7, л.43]. В 1909 г. возвели еще один придел нового храма - Покровский. При Храме при поддержке Акционерного общества возникли богадельня, детский приют и образцовая церковно-приходская школа, попечителем которой был директор завода Николай Николаевич Ильин. Во время визита в Брянск и Бежицу 20.04.1915 храм посетил император Николай II.

Скажем несколько слов о дальнейшей судьбе храмов Бежицы. Пленум Бежицкого горсовета 7.12.1923 вынес решение «о ликвидации Петропавловской церкви и устройстве в таковой культурно-просветительских учреждений». Богослужения были прекращены 25 декабря. Газета «Брянский рабочий» писала: «Необходимо теперь это постановление возможно скорее и безболезненнее провести в жизнь, твёрдо помня, что здание церкви больше принесёт пользы для населения, чем она приносит сейчас». Однако храм отдали общине обновленцев, проповедовавших «коммунистическое христианство», он стал кафедральным собором Брянской и Бежицкой обновленческой епархии. В сентябре года «Великого Перелома» (1929) конференция рабочих и служащих Брянского завода постановила просить власти использовать здание Петропавловского храма под спортклуб. В октябре губисполком отдал храм под «Дом физкультурника». Постановлением Брянского губисполкома №19 от 04.05.1929 было решено закрыть и Спасо-Преображенский храм. В 10 утра 23 декабря начальник милиции объявил о закрытии членам церковного совета, затем начался демонтаж колоколов и крестов военными. В храме поместили цирк, затем кинотеатр, а в 1933-м его стали сносить. Окончательно его остов был разобран в 1935-м, на его месте хотели построить ТЭЦ. В марте 1931 г. причт (два священника, диакон и два псаломщика) были арестованы НКВД и сосланы в Котлас. В 1937 г. бывший настоятель Афанасий Васильевич Преображенский и священник Симеон Корнилович Красовский были расстреляны, ныне канонизированы как новомученики [16]. В период оккупации, в начале 1942 г. Петропавловский храм был возвращён верующим. Богослужение продолжилось и после освобождения Бежицы, но в 1961-м его вновь закрыли, а в 1963-м снесли. Спустя пять лет на его месте, напротив Бежицкого рынка, построили заводское общежитие.

Теперь вернемся к судьбе бежицких заводчиков-меценатов: ведь финал их жизни и посмертная судьба также оказались связаны с ктиторством.

2. Пархомовская жемчужина

В.Ф.Голубев, отойдя от дел в 1900 г., поселился в недавно купленном имении в Пархомовке, неподалеку от г. Белая Церковь в Киевской губернии. Пархомовские земли он быстро превратил в образцовое хозяйство со статусом «заповедного», с учетом всех прогрессивных достижений агрономии: выращивали редкие плодовые деревья, собирали хороший урожай зерновых и овощных культур, выводили породистых и рабочих лошадей. Семья Голубевых не жалела денег на развитие села. Для крестьян построили две школы, больницу, амбулаторию с акушерским отделением, читальню, чайную с граммофоном и пластинками. Голубевы ежегодно выделяли средства на содержание этих заведений [33].

Чувствуя, что жизнь клонится к закату, В.Ф. Голубев решил оставить крестьянам в память о себе промышленное предприятие – кирпичный завод. Но по советам друзей, видимо узнавших о том, что чета Тенишевых в новом имении уже строит храм, он переменял планы и заказал сооружение монументального храма в древнерусском новгородском стиле у молодого талантливого архитектора Владимира Александровича Покровского (1871-1931). Это был его первый самостоятельный проект, синтез архитектуры, монументального и декоративного искусства в стиле модерн с большим парком и прудом, надворными строениями и воротами, который продемонстрировал незаурядные способности зодчего (после завершения строительства, его избрали академиком Императорской Академии искусств) [6].

Виктор Федорович скончался в феврале 1903 г. в Риме, не дожив до начала строительства. По завещанию он был похоронен в Пархомовке, в склепе у будущего храма. Задумку отца завершили сыновья – Виктор и Лев. Строительство заказали вновь В.А. Покровскому [13, табл.56; 14, табл.50]. Оно началось в том же 1903-м. Ассистентом стал П.Д. Благовещенский. Храм был рассчитан на 2000 прихожан, в строительстве использованы мрамор, гранит,

Лев Викторович Голубев

Виктор Викторович Голубев

Владимир Александрович Покровский

Николай Константинович Рерих

кованую сталь, шифер, дерево, керамику и даже железобетон (едва ли не впервые в России), 50-метровая колокольня видна издалека.

Церковь стала синтезом православной архитектуры, готики, восточных архитектурных традиций и языческих форм. Храм украсили изображения огня, молота, стрел, проросшего зерна, змей, виноградных гроздей, вспаханной земли, ели, петуха и свастики (индийского символа вечного движения жизни). Порознь эти символы встречаются и в иконописи [18; 19]. Все это, вместе с паркетом и скамейками в помещении вызывало сомнения у духовенства, но не помешало освящению храма. Много на стенах резанных на мраморных плитах надписей на старославянский манер. Одна из них гласит: «Сооружен

в честь и память Покровы пресвятой Богородицы и великого мученика Виктора в лето 1903-1906». Под куполом колокольни надпись выполнена в мозаике: «Сооружена церковь Покров Пресвятой Богородицы и Святого Виктора в царствование императора Николая II в лета 1903-06» [35].

Художник, философ и археолог Николай Константинович Рерих, будучи близким знакомым В.В. Голубева и В.А. Покровского, разработал 13 эскизов мозаик и внешнего декора храма. Воплощены в жизнь были только две: «Покров Богоматери» и «Спас Нерукотворный» [20]. Смальту для них изготовил один из лучших мастеров того времени В.А.Фролов [39]. Они и ныне украшают храм в Пархомовке [21].

Сергей Эрнст в монографии о Рерихе отметил, что мозаики Рериха в Пархомовке вдохновлены византийскими образцами [42]. По задумке Рериха в интерьере храма предпола-

лось доминирование красного, зеленого, желтого и серого цветов. Фрески должны были воплотить гуманистическую идею мирового единства. К сожалению, её не удалось до конца воплотить. И востоковеду Голубеву, и Покровскому, и Рериху была близка философия Востока. Однако к некоторым работам Николая Рериха братья Голубевы отнеслись настороженно. Цени талант и широту взглядов, они все же вежливо отказались от задуманной им росписи. Лев Голубев в письме брату Виктору от 23.10.1906 из Санкт-Петербурга сообщал:

«Вчера был у меня Владимир Александрович Покровский и передал мне, Рерих не хочет менять рисунки, говоря, что о всех сюжетах он с тобой переговорил и делал их по твоему желанию. Теперь живопись Рериха совсем не подходит к нашей церкви: она представляет из себя извращение церковной живописи и может быть интересна, как произведение искусства (я сам ставлю очень высоко талант Рериха), но церковного в ней ничего нет.

Когда мы с тобой затратили такие огромные деньги на церковь, то, понятно, не хочется, чтобы то, что больше всего будет бросаться в глаза, а именно живопись, совершенно не отвечала ни моим, ни твоим желаниям. Я говорю и про твои желания, так как ты мне сам говорил, что ты желаешь простой для крестьянского религиозного понимания доступной живописи. В виду того, что церковь без живописи будет грустна, то я думаю,

что очень хорошо будет взять несколько копий с известных хороших образцов церковной живописи. Кажется, и твоя идея раньше была такова. Конечно, было бы не желательно обидеть чем-нибудь Николая Константиновича, в высшей степени симпатичного и талантливого человека, так что я думаю, что ты мог бы написать такое письмо, что, признавая вполне его талант и художества, ты и я, желая для Покровской церкви самую простую, крестьянам уже известную живопись, остановились на той идее, чтоб в церковь поместить несколько копий образцов древней церковной живописи, наиболее подходящей к деревенскому религиозному пониманию. В этом же письме ты можешь указать на меня, что и я не согласен с его живописью, а так как я являюсь состроителем храма, то ты не можешь без моего сочувствия поместить его

Символические рельефные изображения и мозаика с храмовой надписью на колокольне Покровского храма в Пархомовке

живопись. Я принимаю, как само собою понятно, что ни я, ни ты, мы не будем в церкви устраивать то, что кому-нибудь из нас не симпатично, а наоборот, всегда найдем то, что будет нам обоим по душе» [18].

Роспись завершил известный, хотя и не столь как Рерих, художник Василий Тимофеевич Перминов. Образа храма написал знаменитый иконописец и реставратор, член Московского Археологического общества Василий Павлович Гурьянов (1867-1920) [9].

В 1907 г., сразу после завершения строительных и оформительских художественных работ, храм был освящен и в нем начались богослужения. Гуляющие по Интернету сведения о том, что якобы освящение храма произошло с двухлетней задержкой из-за его своеобразия, действительности не соответствуют, что легко проследить по хронологии постройки этого шедевра зодчества начала XX века. На освящении не было В.В. Голубева, находившегося в очередной экспедиции в Индию, но присутствовал его брат, камергер Ея Императорского Величества Л.В. Голубев со своей супругой Александрой Степановной, дочерью известного русского флотоводца адмирала Макарова. Освящение храма, на котором присутствовало более 4000 человек, производили митрополит Флавиан и два епископа – Сергей и Владимир. Было сказано немало слов благодарности Голубевым – отцу и сыновьям [40].

Мозаики Н.К. Рериха на храме в Пархомовке: «Покров Пресвятой Богородицы» на портале храма и «Спас Нерукотворный с избранными святыми» на приделе Св. Виктора

После октябрьского переворота и гражданской войны, когда в Киеве воцарились большевики, могила В.Ф. Голубева была варварски разорена в поисках богатств. Гроб вскрыли, с мундира инженера выдрали позолоченные пуговицы – единственное «богатство», которое удалось обнаружить. Тело швырнули в придорожную канаву. Пожилые селяне перезахоронили своего благодетеля на кладбище, но точное место могилы теперь забыто.

Свято-Покровская церковь в Пархомовке на почтовой марке Украины. 2015 г.

сын Николая Рериха – Святослав, наметился визит в Пархомовку и тут поспособствовала активизации работ жена Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева – Раиса Максимовна. За дело взялись лучшие украинские специалисты, нашлись средства. Но Рерих в Пархомовку не приехал, и реставрацию быстро свернули.

В 1992 г., после распада СССР, храм Покрова Пресвятой Богородицы был возвращен Украинской православной церкви Киевского патриархата, в нем возобновились богослужения. А в 1994 г. рядом с храмом установили единственный пока памятник его ктитору В.Ф. Голубеву – русскому инженеру, промышленнику и меценату, имя которого неразрывно связано и с историей Брянска, России и Украины.

3. Талашкинский шедевр

Незадолго до того, как князь В.Н. Тенишев решил отойти от дел Брянского завода, вновь целиком перепоручив заботы о предприятии его основателю А.Ф. Голубеву, было сделано им важное приобретение. В 1893 г. князь купил имение Талашкино под Смоленском у Е.К. Святополк-Четвертинской, записав его на имя своей второй жены Марии Клавдиевны (урожденной Пятковской, в первом браке Николаевой). Событие это происходило в День Ангела княгини 22 июля. Вскоре она открыла в Талашкино сельскохозяйственную школу, где «обучала своих воспитанников правильно вести хозяйство и любить землю, стала для них матерью и наставницей. Школа, детский театр и оркестр, музей русских древностей, мастерские прикладного искусства, где вместе с детьми работали известные художники того времени: Репин, Врубель, Коровин, Малютин – Талашкино собрало многих талантливых, неравнодушных людей. Не случайно современники называли его русской Флоренцией» [12].

В 1900 г. Мария Клавдиевна принимает решение построить в Талашкино храм, чтобы учащимся школы не нужно было ходить на службы в соседнее село. Как пишет она в воспоминаниях со свойственной экзальтацией: «Хотелось дело любви – школу – увенчать неугасимой лампадой – церковью, хотелось, чтобы десница Господня с вершины этой горы из века в век благословляла создание любви – народную школу, где в классах, на полях, в лесу, в огородах, в труде шевелился бы маленький люд, раздавался веселый смех, где совершалось великое дело: из темных дикарей выходили люди» [38].

Князь Тенишев, далекий от религии агностик, погружившийся в этнографические штудии, поначалу не одобрил идею (пребывание в Талашкино художников тоже его раздражало: их деятельность он не считал полезным для человечества искусством, в отличие от музыки и литературы). Однако в итоге, как любящий муж, дал согласие на расходы, связанные с но-

вым строительством. Место для храма выбрали на вершине холма, вблизи «Теремка» - русского этнографического музея. Отсюда открывается вид на живописные окрестности. Вскоре во всеуслышание (Тенишева любила публичную славу) объявили о строительстве. «Смоленский вестник» 12.09.1900 сообщал: «В четверг, 7 сентября, в имени Талашкине, в 15 верстах от Смоленска, совершена была закладка новой церкви во имя Преображения Господня. Церковь сооружается владелицей имения кн. М.К.Тенишевой преимущественно для нужд местной сельскохозяйственной школы. Церковь строится по личным указаниям владелицы в строго древнерусском стиле, будет богато расписана и разукрашена мозаикой, майоликой и обещает быть выдающимся в художественном отношении сооружением» [37, С.323].

После торжественной закладки храма княгиня объявила конкурс среди зодчих и художников на лучший проект. Некая задумка присутствовала уже у неё самой, но жила надежда на профессиональное её воплощение известными специалистами: «Когда я искала форму, создавая мой храм, я уже многое обдумала и глубоко прониклась русской стариной. Мне хотелось создать храм не из драгоценных материалов, а исключительно из местного камня, дерева, местными силами...» [38]. Первым, к кому обратилась Мария Клавдиевна, был профессор Санкт-Петербургского университета Адриан Викторович Прахов (1846-1916), известный историк искусства и археолог. Ранее, (1884-1896) он руководил внутренней отделкой Владимирского собора в Киеве, а для исследования византийской архитектурной традиции, осуществил две поездки в восточные страны [30]. Поселившись в Талашкине летом 1901 г., он изготовил модель будущего храма, но она пришлась княгине не по вкусу. Уплатив за модель и, сухо поблагодарив за труды, она спровадила профессора-знатока византийского зодчества в столицу: «Прахов совершенно не понял моей идеи. Модель его изображала грузный колоссальный собор о пяти куполах, напоминающий Владимирский в Киеве и совершенно не подходящий к типу скромной деревенской церкви, причем у него было еще намерение снабдить меня какими-то скверными мраморами, вывозимыми им откуда-то из Италии и рекомендуемыми всем» [38]. Следующим был привлечен к созданию образа архитектор и археолог Владимир Васильевич Суслов (1857-1921), прославившийся реставрацией древнерусских храмов в Пскове, Новгороде и Переяславе-Залесском [36]. Однако и его проект вызвал недовольство заказчицы «Суслов не понял меня и подкатил мне ни более, ни менее, как семиглавый собор!!!» - возмущалась она [38].

В итоге М.К. Тенишева решила проектировать храм самостоятельно, чтоб «выразить тот образ, который смутно жил в... душе». Правда опытные помощники ей все равно понадобились: «не зная, как приняться за это, я взяла в помощники Барщевского, и вот, под мою диктовку, шаг за шагом, по кусочкам мы клеили, ломали, снова клеили, лепили, добиваясь той формы, которая удовлетворила бы меня» [38]. Иван Фёдорович Барщевский (1851-1948) – патриарх отечественной архитектурной фотографии, с 1897 г. жил в Смоленске, по приглашению Тенишевой возглавляя художественно-промышленную школу и музей «Русская старина» [2]. К созданию проекта присоединился и Сергей Васильевич Малютин (1859-1937) художник и архитектор, создатель «Теремка» в Талашкино, известный как «отец русской матрешки» (этот российский символ появился лишь в начале XX века, в него превратилась японская игрушка, которой Малютин придал росписью русский колорит) [1]. Было сделано две модели будущего храма. Первую княгиня забрала, вторую признала отвечающей ее представлениям: она отошла от канонов церковной архитектуры, пытаясь соединить образы русской старины, вынесенные из путешествий по русскому северу, силуэты местной природы и, одновременно разных культовых сооружений. Храм должен был одновременно походить на пирамиду, русский шатер и буддийскую пагоду. При этом церковь создавалась в лучших традициях русского зодчества, с тремя рядами кокошников и маленькой главкой.

По задумке княгини, она должна была стать и родовой усыпальницей Тенишевых. Еще не успели возвести стены, как в апреле 1903 г. скончался в Париже князь В.Н. Тенишев. Тело забальзамировали и доставили в Талашкино, где было погребено в только устроенном в подклети храма фамильном склепе. Когда пришло известие о смерти князя, склеп стали спешно штукатурить, лишь в день похорон сняли лекала и леса, стены еще не просохли, и Мария Клавдиевна боялась, как бы они не рухнули и не придавили людей, пришедших проститься с князем.

Княгиня М.К. Тенишева и утвержденный ею проект храма в Талашкино

Строительство продолжилось, но нанятый инженер недобросовестно отнесся к делу. В стенах показались трещины. Прибывший для консультации профессор Соколовский¹, осмотрев церковь, сделал пометки на поврежденных местах и посоветовал приостановить работы на год, чтоб убедиться, вырастут трещины или останутся без ухудшения. Кроме того, консультант обнаружил, что стены выложены небрежно, они в разных местах разной толщины, а своды не имеют правильной линии. Обнаружилось много других упущений. Храм пришлось на время заколотить. А вскоре начались волнения, осенью 1905 г. закрылась сельскохозяйственная школа, а больная Тенишева на время покинула страну.

В имение она вернулась через два с половиной года. Из Москвы в Талашкино её сопровождал старый друг – художник, философ и археолог Н.К. Рерих, недавно завершивший ра-

¹ По всей видимости, Владимир Александрович Соколовский – выпускник Петербургского института гражданских инженеров (1901 г., окончил с отличием) инженер-архитектор, профессор, позже – губернский архитектор в Красноярске [22].

боты в имени Голубевых в Пархомовке. Он поведал княгине о новом своем творении. В разговоре они вернулись к недостроенному храму в Талашкино.

Вероятно, Мария Клавдиевна, постоянно желавшая состязаться на ниве меценатства с прежней супругой князя и с инженером Голубевым, не устояла от искушения предпринять очередное, посмертное для Виктора Федоровича состязание, сделав возводимый ею храм более выдающимся произведением искусства, чем его усыпальница. И если в Пархомовке Николай Рерих не смог в полной мере осуществить задуманное, то здесь она даст ему полную свободу творить! «Я только забросила слово, а он откликнулся. Это слово – храм... Только с ним, если Господь приведет, доделаю его. Он человек, живущий духом, Господней искры избранник, через него скажется Божья правда. Храм достроится во имя Духа Святого — сила Божественной духовной радости, тайною мощью связующая и всеобъемлющая бытие. Какая задача для художника! Какое большое поле для воображения! Сколько можно приложить к Духову храму творчества! Мы поняли друг друга, Николай Константинович влюбился в мою идею, Духа Святого уразумел» [38].

В своих духовных и творческих исканиях Рерих и Тенишева оказались близки. Николай Константинович обратился к давно волнующей его теме – Древней Индии. О Тенишевой он скажет: «В последнее время ее жизни в Талашкине увлекла ее мысль о синтезе всех иконографических представлений. Та совместная работа, которая связывала нас и раньше, еще более кристаллизовалась на общих помыслах об особом музее изображений, который мы решили назвать "Храмом Духа"» [32]. С этого времени Рерих приезжает в Талашкино ежегодно, и, работая летние месяцы, выполняет росписи и смальтовые мозаики [7].

В 1910 г. были утверждены эскизы, подписан договор на исполнение смальтовых мозаик в мастерской В.А. Фролова в Петербурге. Рерих приступил к росписи, сделал обмеры, проложил контуры. С ним трудились в Талашкино его сыновья Юрий и Святослав. Приезжала жена Е.И. Рерих, а также брат, архитектор Б.Н. Рерих. Летом 1912 г. в период работы над росписью, Рериху помогали художник П.С. Наумов и ученики Школы поощрения художеств Чернов, Земляничина, Щекотихина, Дмитриев. Живопись исполняли на холсте, наклеенном на штукатурку. Сама М.К. Тенишева сделала в своей мастерской церкви эмалевый напестольный крест. Иконостас так низок, что взору открывается часть алтарной зоны, чего не было в православных храмах с XVI века. При возведении иконостаса художник опирался на древнерусскую традицию организации храмового пространства в Софии Киевской.

Рериховский Спас Нерукотворный, изображенный в мозаике над порталом – суровый лик, следящий огромными глазами за входящими в храм. Лик Спасителя – в огненном кольце беспредельности. Слева внизу изображен Святой Сергий. Вечером мозаика сияет в лучах заката, издали напоминая горящую свечу. Центральное место среди росписей занимала Царица Небесная над рекой жизни. В ней художник объединил в христианском сюжете язычество и восточные традиции. Руки Царицы Небесной были сложены в традиционном индийском жесте. Одежду её украшали зооморфные и растительные фигуры, символы и орнаменты с белокаменной резьбы Дмитровского собора во Владимире [21]. Увидев на выставке в 1910 г. эскизы Рериха к росписям храма, поэт Волошин записал: «Пламенные, золотистые, багряные, рдяные сонмы сил небесных, стены зданий, развертывающихся над облаками, посреди них Царица Небесная в белом платье, а внизу неяркий облачный день и студеные воды будничной реки жизни. Что странно поражает и, быть может, привлекает в этой композиции, это то, что, хотя все элементы в ней, по-видимому, византийские, она носит чисто буддийский, тибетский характер» [5]. По свидетельству современников, роспись производила сильное впечатление, будучи одной из лучших монументальных работ Рериха. Поражал цветовой строй – от нежно-розового до черного, орнаментика.

Н.К. Рерих успел исполнить фрески алтаря и расписать одну из арок входа. К сожалению, фрески погибли. Из-за сырости, поднимавшейся из подвала, накануне 1914 г. живопись стала оплывать, и Рерих приступил к обследованию для устранения дефектов. Весть о начале войны застала его в стенах храма. Удивительный монументальный эксперимент был прерван. Ни Тенишева, ни Рерих не могли предположить, что это последнее лето, которое они провели в Талашкине. Для Рериха храм Святого Духа стал последней крупной работой в России. Образы, мотивы и символы, родившиеся в период работы над храмом, встречаются в более поздних работах художника.

Храм Святого Духа в Талашкино и мозаика Н.К. Рериха на его портале. Фото А.А. Чубура, 2010 г.

Храм никогда не жил той жизнью, о которой мечтали его создатели. Судьба его сложилась драматично. Воплощая идею единства всех религий, Рерих допустил в росписях отступление от православного канона, что послужило причиной отказа Синода М.К. Тенишевой в освящении церкви. Построенный в Талашкине храм, в отличие от храма в Пархомовке, так и не был освящен. Времени на исправление ситуации история не отвела. Мария Клавдиевна навсегда покинула Россию в 1918 г. [23]. Состязание с семьей меценатов Голубевых в храмостроительстве так и осталось незавершенным.

Закономерна, хотя и внешне удивительна последующая судьба мест упокоения меценатов, демонстрирующая, что октябрьский переворот смог проявить чудовищные духовные мутации, долго вызревавшие на фоне кажущегося благополучия империи под лозунгом «Самодержавие, православие, народность». Зимой 1923 г. прах князя Тенишева постигла участь тела его компаньона В.Ф. Голубева. По рассказу очевидца событий Н.В. Романова, три гроба, в которых хоронили Тенишева, были разбиты вандалами, ищущими драгоценности, а тело усажено на гробовую доску черного дерева. Приехали три милиционера, извлекли тело из крипты (свидетели говорят, что оно было распотрошено), уложили с доской на дровни и повезли к сельскому кладбищу. Там вырыли неглубокую яму и сбросили туда тело головой вниз, сверху присыпав землей со снегом. Место захоронения обнаружили недавно, неподалеку установили памятник [4; 24]. В 1933 г. в Гурзуфе так же было вышвырнуто из усыпальницы в сносимом большевиками храме и тело третьего создателя Брянского завода – П.И. Губонина [31]. Причина разорения могил – не только банальный поиск несуществующих сокровищ (хотя жажда наживы тоже имела место). Изучение и анализ этой жажды вандализма – тема отдельного исследования на стыке истории и психологии.

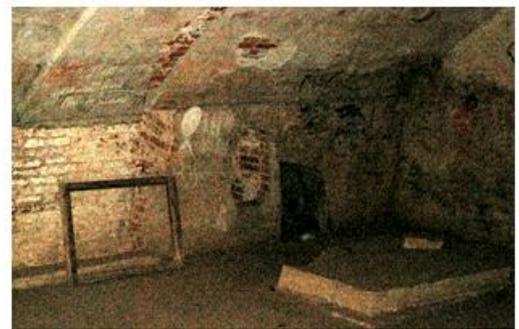
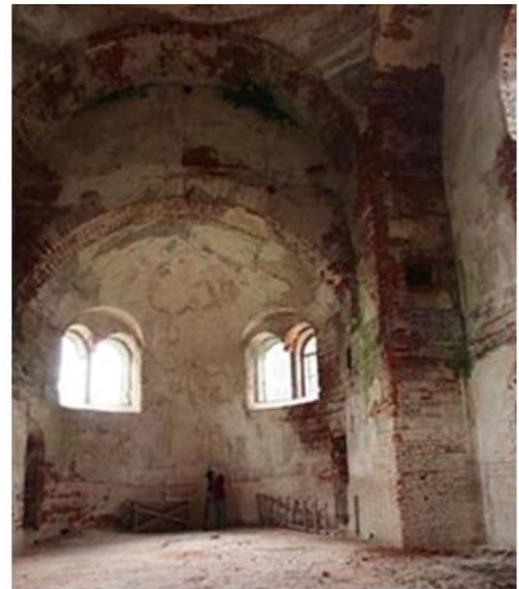

Эскизы Н.К. Рериха к росписи храма в Талашкино

Вопрос с освящением храма еще не решен, но, наконец, нашлись средства для проведения давно назревших реставрационных работ.

Заключение

Сходство историй строительства храмов в Пархомовке и Талашкино, связанное с именами Бежицких меценатов может удивить, если не знать, что княгиня М.К.Тенишева многие годы заочно состязалась в области меценатства (причем на средства, заработанные супругом большей частью еще в первом браке) как с бывшей первой женой князя, так и с раздражавшими ее компаньонами мужа по акционерному обществу. Отметим, что братья Голубевы, придерживавшиеся при храмостроительстве как основных православных канонов, так и искреннего желания сохранить память об отце, довели дело до задуманного итога, храм был освящен и стал местом богослужений. В то же время княгиня М.К. Тенишева, поглощенная философскими метаниями, жадной оригинальности, и, не будем скрывать, самовлюбленностью, так не смогла завершить начатое. Но, так или иначе, ктиторское состязание помогло воплотить и донести до нас архитектурные, мозаичные и живописные шедевры.

Современный облик интерьера храма в Талашкино и его крипты

**Синхронистическая таблица истории возведения и дальнейшей судьбы храмов
в имениях Пархомовка (семья Голубевых) и Талашкино (семья Тенишевых)**

<i>Дата</i>	<i>Пархомовка</i>	<i>Талашкино</i>
1900	Идея В.Ф. Голубева построить в имении Пархомовка храм в древнерусском новгородском стиле.	Идея М.К. Тенишевой о возведении храма при школе в Талашкино. 07.09 - закладка храма Преображения Господня.
1902	За проектирование берется архитектор В.А. Покровский (его первый самостоятельный проект)	По результатам конкурса принят совместный проект С.В. Малютина, М.К. Тенишевой, С.В. Суслова и И.Ф. Барщевского. Начато строительство храма.
1903	23 февраля В.Ф. Голубев скончался в Риме, тело доставлено в Пархомовку и упокоено в часовне, ставшей затем приделом Св. Виктора в храме	25 апреля В.Н. Тенишев скончался в Париже, тело 24 мая доставлено в Талашкино и упокоено в крипте под алтарной частью строящегося храма.
1903	Июнь: заготовка материалов, установка сараев, рытьё колодцев, котлована. 24.08 закладка храма	При постройке храма выявлены проблемы: осадка фундаментов, трещины. Приостановка работ.
1905	Завершение здания храма	М.К. Тенишева покидает Талашкино на 2,5 года.
1906	Н.К. Рерих выполнил 12 эскизов мозаик и росписей. В августе завершена колокольня. 24.08 подняты колокола и крест. 08.09 – 2-й крест. 18.09 договор меж Л.В.Голубевым и В.Т. Перминовым об изготовлении двух мозаик по эскизам Н.К.Рериха, от иных Голубевы отказались в пользу фресок в древнерусской традиции	
1907	Выполнение мозаик в мастерской В.А. Фролова: доставлены на досках и установлены. Роспись храма. 24.08 освящение и начало богослужений.	
1908		Возвращение М.К. Тенишевой в Талашкино вместе с Н.К. Рерихом 02.07. Идея оформления храма Рерихом. Храм переименован и посвящен Святому Духу.
1910		Утверждены эскизы Н.К. Рериха, подписан договор на исполнение смальтовых мозаик в мастерской В.А.Фролова в СПб. Н.К. Рерих сделал обмеры, проложил контуры росписи.
1911-1914		Украшение храма мозаикой по эскизам Н.К. Рериха, (1912); Рерих и сыновья расписывают апсиду с Царицей Небесной, и правый придел Николая Угодника. Работу прервала война.
1920-е гг.	В 1923 г. храм и усыпальница В.Ф. Голубева разорены и осквернены большевиками. В храме размещен склад удобрений	В 1923 г. храм и усыпальница Н.И. Тенишева разорены и осквернены большевиками. В храме размещен склад зерна
1946-1948		По решению исполкома Смоленского облсовета от 9 августа 1946 г. Талашкино – историко - художественный заповедник. Церковь Св.Духа в 1948 г. признана памятником архитектуры Совмином РСФСР.
1979	Совмин УССР объявил храм памятником архитектуры	
1982/88	Реставрация храма	
1992	В храме возобновлены службы	
1994	Близ храма установлен на средства местных жителей памятник В.Ф. Голубеву (автор Иван Зорянко).	
2010		После многочисленных обращений учёных и общественности Минкульт РФ начал реставрацию храма
2012		Финансирование работ прекращено после назначения министра культуры В.Р.Мединского.
2016		Храм Св. Духа включен в план финансирования по Федеральной целевой программе «Культура России»

Библиографический список

1. Абрамова А.В. Жизнь художника Сергея Малютина. - М.: Изобразительное искусство, 1978. – 272 с.
2. Беляев Л.А. Барщевский Иван Фёдорович // Православная энциклопедия Т.4. – М. 2002. С. 372-373.
3. Брянский рельсопрокатный, железоделательный и механический завод Акционерное общество Брянского завода п.Бежица, Брянский уезд, Орловская губерния 1873 - 1918 гг. ГАБО, фонд 220
4. В Талашкино нашли место возможного захоронения князя Тенишева // Смоленск в сети. Новости Смоленска и Смоленской области. 17.09.2014 [Электронный ресурс] URL: <http://www.netsmol.ru/v-talashkino-nashli-mesto-vozmozhnogo-zaxoroneniya-knyazyu-tenisheva/> [дата обращения 08.05.2016]
5. Волошин М. Московские хроники // Максимилиан Волошин. "Средоточье всех путей..." Избранные стихотворения и поэмы. Проза. Критика. Дневники. – М : "Московский рабочий", 1989
6. Гаврилов С.А. Жизненный путь зодчего В. А. Покровского // Архив наследия 2003. – М.: Институт Наследия. 2005. С.224-275.
7. Гидони А.. Творческий путь Рериха // Аполлон. 1915. № 4-5.
8. Городков А.В., Дубровский А.М., Кеня И.А. Мария Тенишева: духовное наследие в Брянском крае. - Брянск, 2008.
9. Данченко Е.А., Красилин М.М. Материалы к словарю иконописцев XVII-XX веков (по данным обследований церковных и других коллекций 1973-1993 гг.). – М., 1994. № 41.
10. Желтоногова Т.А. 1880 год. Храм Преображения Господня. // Бежица: путешествие в далекое и близкое. [Электронный ресурс]. URL: http://bezhitsa.mou.su/news/1880_g/2015-02-10-16 (дата обращения 07.05.2016).
11. Житков С.М. Инженер путей сообщения Виктор Фёдорович Голубев. – СПб.: Собрание инж. путей сообщ., 1903
12. Заболотская М. Храм Духа. Осколок вечности на берегу реки жизни // Тайнопись искусства. – М.: Новый Акрополь, 2014.
13. Зодчий. – СПб. 1903.
14. Зодчий. – СПб. 1905.
15. Исайчиков В.Ф. С фотокамерой по старой Бежице. – Брянск. 1999.
16. Канонизированные Новомученики и Исповедники // Православный Свято-Тихоновский гуманитарный Университет. Факультет информатики и прикладной математики [электронный ресурс] URL: http://kuz3.pstbi.ccas.ru/bin/nkws.exe/no_dbpath/ans/nm/?HYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTdG6Xbu8s81Vfe9VeeWd674Zf8Kh66eis8qceuuWeCQ* Там же: http://kuz3.pstbi.ccas.ru/bin/nkws.exe/no_dbpath/ans/nm/?HYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTdG6XbuDs8KicS0UdeKhsOeceG0*t80hcC4ceG00cC4ceymZceXb** (дата обращения 01.05.2016)
17. Кеня И.А., Слепнев И.Н. Петр Губонин – предприниматель и благотворитель. – Брянск: Брянский региональный общественный благотворительный фонд им. братьев Могилевцевых, 2010. - 19 с.
18. Киркевич В. Г. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы. – Киев: «Техника». 1999.
19. Киркевич В. Покровская церковь как защитница от революций // Зеркало недели. 1999 - № 41. Электронная версия статьи размещена по адресу: http://svitk.ru/004_book_book/15b/3296_kirkevih-rokrovskaya_cerkov.php (дата обращения 5.05.2016).
20. Короткина Л.В. Работа Н. К.Рериха с архитекторами А.В.Щусевым и В.А.Покровским // Музей. 1989 - №10. М.: Советский художник. С.156-161.
21. Маточкин Е.П. Николай Рерих: мозаики, иконы, росписи, проекты церквей. – Самара: Агни. 2005
22. Меркулова М. Губернский архитектор [В.А. Соколовский] // Енисей. 1999 - №4.
23. Михайлова С.Н. Усадьба Талашкино Тенишевых // Знаменитые усадьбы Смоленщины. – Смоленск, 2011. - С. 377-393
24. Найдена могила князя Вячеслава Тенишева // Смоленск 2.0. 14.06.2015 [Электронный ресурс] URL: <http://www.smolensk2.ru/story.php?id=57803> [дата обращения 08.05.2016]
25. Нещеретний П.И. Христианство и его роль в развитии благотворительной деятельности. М., 1993
26. Обзор десятилетней деятельности Общества Брянского Рельсопрокатного, железоделательного и механического завода. 1873-1883 гг. - СПб,1885.
27. Памятники истории и культуры Украинской ССР. Каталог-справочник. – Киев: Наукова Думка. 1987.

28. Петр Ионович Губонин – храмостроитель // Pravmir. Ru: ежедневное Интернет-издание [электронный ресурс]. 2008 – 15.04. URL: <http://www.pravmir.ru/petr-ionovich-gubonin-xramostroitel/> (дата обращения 04.06.2017).
29. Покотилова Т.Е. Благотворительность в социальной истории дореволюционной России. Дисс. докт. ист. наук. - Ставрополь, 1998.
30. Прахов, Адриан Викторович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890-1907. – Т. XXIVa. С. 956-957
31. Сегень А. Христианин, отягченный богатством // Бельские просторы, 2004 - №7 [электронный журнал] URL: . http://www.hrono.ru/text/2004/segen07_04.html (дата обращения 01.06.2017)
32. Сергеева-Тютюгина Н.В. Храм Святого Духа как «начало опыта будущей жизни» // Живая этика и наука: материалы Междунар. науч.-обществ. конф., 2007 / Междунар. Центр-Музей им. Н.К. Рериха [гл. ред. Т.О.Книжник]. - М. : Международный Центр Рерихов : Мастер-Банк, 2008. – С.332-352.
33. Скороход Г.Н., Чубур А.А. Директор и председатель правления Акционерного общества Брянского завода Виктор Фёдорович Голубев, как меценат Бежицы // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Вып.1. – Брянск: Курсив, 2016.
34. Скороход Г.Н., Чубур А.А., Загадка капиталов князя В.Н. Тенишева // История. Общество. Политика. 2017. № 1 (1). С. 179-191.
35. Слёзкин А.В. Церковь Покрова в Пархомовке и ее влияние на храмостроение неорусского стиля // Архитектурное наследство. Вып.49. – М.,2008. С.274-290
36. Сулова А.В., Славина Т.А. Владимир Сулов. - Л.: Стройиздат, 1978. – 88 с.
37. Талашкино: Сборник документов / Сост., автор вступ. статей, примечаний искусствовед, член Союза художников России Л.С.Журавлёва, - Смоленск, 1995.
38. Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. Воспоминания. – М.: Захаров, 2002. – 397 с.
39. Фролов А.В. Творческое содружество Н.Рериха и В.А.Фролова // Искусство. 1970 - №8. С.62-68.
40. Шараевский Н.А. Освящение нового храма, созданного на могиле В.Ф.Голубева в с.Пархомовка. – Киев. 1907
41. Шатохин А.В. Церковь Петра и Павла в Бежице // Храмы России [электронный ресурс] URL: <http://temples.ru/card.php?ID=15834> (дата обращения 01.05.2017)
42. Эрнст С.Р. Н.К.Рерих. – Пг.: Изд. Общины Св. Евгении, 1918. – 127 с.

Сведения об авторах

Шафенкова Юлия Витальевна – студентка факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И.Г.Петровского, волонтер совместного с ИА РАН НИЦ Комплексного изучения Среднедеснинского региона НИИ ФиПИ БГУ.

Чубур Артур Артурович – кандидат исторических наук, профессор Российской Академии естествознания, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, 241036 г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. Россия. fennecfox66@gmail.com

Археология и история древностей

УДК 903.083

М.С. Первашова

СИМВОЛИКА УКРАШЕНИЙ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ТОХАРИСТАНА

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы семантики украшений и предметов туалета раннесредневекового Тохаристана. Внимание акцентируется на астральных, зооморфных, мифологических, растительных и геометрических символах, как на самых распространенных. Их мотивы сводятся к основам мироздания, культу плодородия и фарну. Рассматривается символика драгоценных и поделочных камней.

Ключевые слова: символы, Тохаристан, украшения, семантика, зороастризм, фарн.

Pervashova M.S. Symbols of ornamentations in the early medieval Tokharistan

Abstract: The author considers the semantics of early medieval jewelry Tokharistan. Our attention is focused on astral, zoomorphic, mythological, plant and geometric symbols, as on the most common. Their motives are reduced to the basics of the universe, the cult of fertility and farn. There is an analysis of the symbolism of precious and ornamental stones.

Keywords: symbols, Tocharistan, ornaments, semantics, Zoroastrianism, farn.

Ювелирное искусство Тохаристана занимает особое место в изучении данного региона, одновременно являясь показателем культурной и религиозной сторон жизни людей. Украшения отражают древние представления человека о его месте в мире, о первоначале и устройстве Вселенной. В этнографии именно ювелирные изделия являются одними из самых информативных источников по изучению духовной культуры людей. Этот факт определяет актуальность исследования семантической составляющей украшений, что в свою очередь создает наиболее комплексный обзор ювелирного искусства Тохаристана. Украшения в раннесредневековом Тохаристане являлись преемником традиций кушано-сасанидского и более ранних периодов. Несмотря на очевидное стремление к упрощению в морфологии, изделия выполнены искусно и качественно. Любое украшение наделялось сакральными чертами, которые и станут объектом нашего изучения.

Со временем украшения приобрели эстетическую и статусную функции. Их ношение строго регламентировалось в связи с занимаемым местом в обществе. Золотые украшения простые люди носили только с позволения царя или его сановников и передавали по наследству как большую семейную реликвию. Это объясняет то, что археологи знакомы лишь с их единичными экземплярами. Представления о таких украшениях дают иконографические материалы, имеющиеся в настенной живописи, где изделия окрашены в желтый цвет. Преобладающая часть находок изготовлена из бронзы и железа.

Астральный мотив

Для Тохаристана, как и для большинства восточных стран, было свойственно поклонение небесным светилам, которые ассоциировались с первоначалом, плодородием и богатством. Поэтому большое распространение получили стилизованные изображения солярных знаков и луны.

Культ солнца восходит к зороастрийским верованиям, прочно укрепившимся в сознании людей. В авестийском пантеоне божеств Митра (Михр), божество, олицетворявшее утреннюю зарю, победу дня над ночью, занимал ключевое место. Культ Митры был одним из

самых распространенных в Средней Азии, и он, по мнению некоторых ученых, являлся божеством преимущественно среднеазиатских народов [13, с.20]. В Авесте сказано: «Солнце выезжает величественно, как победоносный герой, с вершины страшного Альборджа и светит миру, и владевает над миром с этой горы, которую Ахурамазда создал как жилище себе» [13, с.21]. Почитание солнца древними людьми легко объясняется тем, что все жизненные процессы на земле связаны именно с ним. Солнце – источник света и тепла, от него зависели смена дня и ночи, богатство урожая. Перед солнцем произносили клятву, нарушение которой жестоко каралось. Так, царица массагетов Томирис говорила: «клянусь Солнцем, владыкой массагетов» [3, с.35].

Распространенными солярными символами зороастризма являлись - круг, крест, ромб, розетка. В кушанский период интерес приобрели индо-буддийские солярные символы: перлы, колеса с цветочной вставкой, диски. Примерами в данном случае могут послужить нашивная бляшка из могильника Ляхш II, изготовленная в виде розетки [19, с.186] (Рис.1,1); шаровидные бусы и подвески, круглые щитки перстней, повсеместно распространенные на территории Тохаристана.

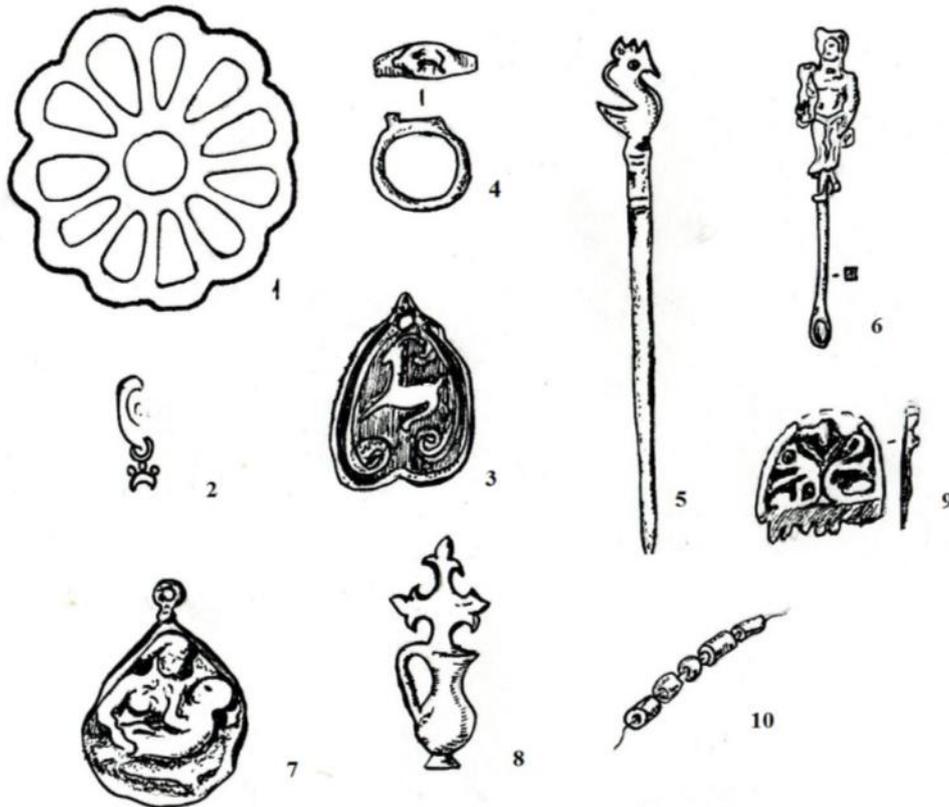

Рис. 1. Украшения раннесредневекового Тохаристана.

Символу луны уделяли немаловажное значение. С луной в Авесте связано женское начало, управляющее ночным миром. Во многих авестийских гимнах упоминается о том, что луна стережет сон человека, чтобы демоны не могли проникнуть в это время в его душу.

В настенной живописи Балалыктепа изображена нарядная девушка, уши которой украшают серьги с подвеской-лунницей и тремя небольшими шариками под ней [1, рис.109] (рис.1,2). По мнению В.С. Соловьева, эта девушка является невестой на свадебном пиру. Жители Средней Азии верили в магические свойства луны, наделяя ее оплодотворяющей

силой [8, с.154]. Продолжение рода - цель жизни человека. В силу этого представления таджики осуждали бездетных людей, которые, с их точки зрения бесцельно прожили жизнь, поскольку они не оставили на земле памяти о себе.

И по сей день символ месяца имеет широкое распространение на мусульманском Востоке, что объясняется преемственностью культур. Он воспринимается уже скорее как традиционный символ ислама и не имеет первоначального смысла. К ювелирным изделиям Таджикистана XX века, заимствовавшим астральный компонент, можно причислить следующие виды украшений: бухарскую налобно-височную подвеску «мохи тилло» («золотая луна») [14, табл.12,5], брошь «кулфи гиребон» («замок воротника») [14, табл.15,2] и др. Иногда символы солнца (знак Митры) и луны (знак Анахиты) сочетались в декоре украшений. В этом случае они обозначали символы царской власти, которая находилась под покровительством этих божеств.

Зооморфный мотив

Неотделимо от астральной символики рассматривается символика зооморфная. Изображения животных и птиц встречаются повсеместно в орнаментике украшений Тохаристана и по большей части ассоциируются с небесными светилами. К ним относят барана и овцу, оленя, коня, собаку, верблюда, утку, петуха. Часто изображаются отдельно взятые части животных: рога, головы, крылья, перья.

Овца и баран в древних поверьях выступали в качестве фарна, что буквально переводится с древнеперсидского как «счастливая судьба», «процветание», «свет» [3, с. 82]. Иначе говоря, данные животные олицетворяли духов благополучия и богатства. Считалось, что овца спустилась на землю с неба, а соответственно к ней проявляли особое отношение. К примеру, встретив овечье стадо, следовало обходить его сбоку, а не пересекать, так как это могло навлечь несчастье. В хлев, где стояли овцы, мог войти только хозяин, посторонним это строго воспрещалось. У хуфцев, рушанцев и шугнанцев овечий помёт считался настолько чистым, что из него делали сосуды, предназначенные для хранения пищевых продуктов [3, с.96]. У ягнобцев по погибшей овце устраивали поминки, совершали "...круговое хождение вокруг трупа, и овцу оплакивали с причитаниями, так же как это делали в связи со смертью человека» [3, с.98].

Бараны же считались проводниками душ в потустороннем мире. По представлениям ваханцев и шугнанцев мясо горного барана святое, а рога — чистые. Если человек хотя бы раз убивал барана с богоугодной целью, то на том свете баран перевозил его через мост, ведущий в рай, на себе [3, с.98]. У памирских таджиков существовал обычай закладывать фундамент дома на месте, где зарезали барана. Его кровь передавала фарн новому жилищу [3, с.108]. При раскопках поселения Ширкент было обнаружено, что под ремонтной стеной дома вырыта большая яма, заполненная костями жертвенного барана. Это сделано для того, чтобы новая стена, да и все строение были более прочными и долговечными [9, с. 326]. При этом фарн мог передаваться и хозяевам дома. В позднем зороастрийском сочинении сказано, что после смерти хозяина дома, его тело нельзя выносить через дверь, поскольку фарн уйдет вместе с ним. У каратагских таджиков существовал обычай: при выносе покойника пронести его не через ворота усадьбы, а через пролом в стене, окружающей её. В районах Северного Таджикистана было принято выносить тело через окно [3, с.101].

В иранской традиции есть немало примеров, когда фарн изображался в человеческом облике. Вероятно, фарн как особое божество входил в состав и согдийского пантеона. В Бактрии у кушан фарн изображался в виде человека в царской одежде. Широко известны изображения мужского божества Фарро на кушанских монетах [18].

В декоре украшений часто использовали изображения горного козла, оленя или архара. Они являли собой символы плодородия, выносливости. В вахшской Кафиркале и Аджинате-

па были найдены медальоны с изображением горного козла, летящего в галопе [9, с.48] (рис.1,3). Бронзовая подвеска с образом архара происходит из некрополя Лангари Ходжиён. Орнаменты в виде стилизованных рогов этих животных встречаются в искусстве по сей день.

Образу коня отводилось большое место среди изображений астрального характера, как у земледельческих, так и у кочевых племен. Он сопоставлялся с богом солнца - Митрой, о чем свидетельствует выражение из гимна в Авесте: «Сияющее солнце, бессмертное, богатое, (обладающее) быстрыми конями мы почитаем» [13,с.25]. Да и само движение солнца по небосводу, по представлению древних иранцев, осуществлялось на колеснице, запряженной конями [3, с.33]. Так же конь соединял мир живых и мир мертвых. У таджиков до сих пор есть речевой оборот «всадник на деревянном коне», что обозначает покойного [13, с.36]. В местности Джулсай было обнаружено бронзовое зеркало, ручка которого имеет завершение в виде голов коней [9, с. 65].

Еще одним культовым животным являлась собака – страж, защитник и друг человека. Согласно зороастрийским верованиям, душа человека после смерти встречается в загробном мире у моста Чинват с девой в сопровождении двух собак. После беседы они провожают чистую душу верующего в рай. У таджиков Гиссарской долины зафиксирован целый ряд верований, связанных с собакой, которую наделяют способностями охранять новорожденного, исцелять его от болезней [13, с. 41]. «Собака своим взглядом изгоняет дэва смерти и трупной скверны - насу», - говорится в Авесте [15]. Образ собаки часто изображается на щитках перстней. Например, из могильника Биттепа происходит перстень с выгравированным изображением стоящей в профиль собаки [6, с. 201] (рис.1,4).

В декоре украшений нередко встречаются изображения уточки или селезня и петуха. Образ утки является частым явлением в декоративно-прикладном искусстве Востока. Утки изображены в росписях Пенджикента и Афрасиаба. В Авесте, водоплавающая птица считалась главой пернатых. Она впервые принесла большое слово в мир, говорила словами Мазды, и, по мнению некоторых ученых, являлась воплощением божества, которому была отведена в мифологии достаточно значительная роль. Изображение петушка в это время также очень часто находят на ювелирных изделиях [13, с.47]. Шпилька с навершием в виде фигурки петушка была обнаружена в Кампыртепа (рис.1,5).

Изображения петуха часто встречаются и в украшениях древнего периода. У иранских народов петух считался священной птицей, в особенности белый петух, убить которого считалось грехом. Петух является солярным символом, и его образ связывали с оплодотворяющей и очищающей силой солнца. Петух первым оповещает о наступлении утра, рассеивая криком тьму. Фигурками птиц или отдельными их частями в V-VIII вв. украшали в основном головные уборы.

В декоре ювелирных изделий развитого и позднего средневековья зооморфный мотив почти не используется, что можно объяснить распространением ислама. Орнамент с элементами звериного стиля становится характерным для предметов тюркетики, керамики, где он воспринимается как благожелательный и охранительный знак.

Мифологический мотив

Как мы заметили, зооморфный мотив базируется на представлениях о тотемах, духах, и тесно переплетается с мифологическим аспектом. В своей основе мифология Тохаристана есть смешение архаичных представлений о мире, зороастризма, манихейства, буддизма и христианства. К примеру, копоушка с поселения Ширкент увенчана фигуркой Якши, обнаженного по пояс, с перекинутым через плечо шарфом (рис.1,6). Якши – индийские низшие духи, являются слугами добродетельного божества Вайшраваны, Охранителя Северных Врат бога

богатства. Они традиционно изображаются невысокими, коренастыми, с отвислым животом. Такой иконографический тип будет в последующие века чрезвычайно популярен [17].

Особый интерес представляет стеклянный медальон из Балалыктепе, на котором изображена женщина с младенцем на руках. Л.И. Альбаум, интерпретируя образ матери и ребенка, относит его к древнему миру, ссылаясь на культ богини-матери, имевший распространение в Индии, Египте и Средней Азии. О богине-матери говорится в индийских сказаниях; она символизирует плодородие, изобилие, защиту: «В одной руке ты держишь меч, о Мать, в другой нектар, которым окропляешь нас» [1, с. 77-78]. Данный образ, по мнению Л.И. Альбаума, отразился в дальнейшем на христианской иконописи. Само же христианство появилось в Средней Азии во II веке н.э., и это дает основание предполагать, что медальон уже тогда мог принадлежать христианину (рис.1,7).

Среди тохаристанских амулетов выделяются изделия в виде узкогорлого кувшинчика и проросших из него трех лепестков. По мнению В.С. Соловьева, подобные кувшинчики ассоциировались у жителей Средней Азии с энохоевидным кувшином, наполненным вином, который держит в руках Кубера, изображенный на бронзовом диске из кувинского буддийского храма и оттисках геммы на керамике из монастыря Аджинатепа [9]. Куберой называли индийского бога богатства [16], следовательно, амулет должен был приносить достаток своему владельцу. «Кувшины с трехлепестковым горлом являются подражанием боспорским образцам» [11]. Два подобных амулета были найдены в 5 склепе могильника Биттепа в Чаганиане [6, с.201]. Один из амулетов сохранился частично: отсутствуют лепестки (рис.1,8).

Растительный мотив

С глубокой древности растительный мотив являлся олицетворением плодородия и изобилия и составлял частицу мироздания. В раннем средневековье для декора и формообразования ювелирных изделий широко использовались различные стилизованные растения, в частности лотос.

Лотос – символ, пришедший в Тохаристан вместе с буддизмом, олицетворял чистоту и непорочность. Это связано с особенностью цветка: зарождаясь в илистом дне, бутон лотоса преодолевает толщу воды и распускается на рассвете; а на закате снова смыкает лепестки и погружается в темную глубину. Плоды лотоса, попавшие в неплодородную почву, могут проспать полтора столетия, и затем снова дать жизнь цветам [16]. Отсюда вытекает представление о воскресающей и умирающей природе, о вечности. Было также замечено, что растение зависит от положения солнца на небе, что делает лотос и солярным символом тоже. С распространением буддизма происходит некоторое переосмысление значения лотоса. Он начал символизировать чудесное рождение Будды. Его стилизованные побеги и цветы украшают щитки перстней, бляшки, медальоны, подвески для серег и т.д.

По народным поверьям, даже семена растений считались «священными», и использовались для изготовления амулетов. Их в основном носили женщины и дети - как наиболее подверженные влиянию различных злых сил. В Самарканде семенам растения под названием «мехри гиех» («любовь растения») приписывали способность привлекать любовь. Крупное семечко сероватого оттенка оправляли в серебро и вставляли в подвески, прикрепляемые к одежде или головному убору [13].

Стилизованное изображение лотоса встречается на нашивных бляшках из поселения Ширкент, а также в качестве подвески для серег из вахшской Кафиркалы (рис.1,9).

В период развитого и позднего средневековья растительный орнамент использовался особенно широко. Частое применение растительно-цветочного мотива, а наряду с ним и каллиграфического искусства, было во многом обусловлено идеологическими догмами ислама, которые накладывали запрет на изображение живых существ [13, с. 27].

Геометрический мотив

Основой декора и формообразования украшений является, геометрический мотив. Самыми популярными символами выступали круг, треугольник, овал, квадрат, прямоугольник. Реже можно встретить многогранник, крест, ромб. Значение круга уже было рассмотрено выше; он является проявлением солярной символики.

Треугольник, также как и ромб (два треугольника), имеет отношение к культу плодородия. Искусствовед А.Ф. Рузиев писал: «...треугольник выражал постоянство, вечность, плодородие и саму женщину, в облике которой усматривали гармонию и наш общий дом человечества» [13].

Прямоугольные и квадратные ювелирные изделия, возможно, выражали представления о четырехсторонности мира: четыре стороны света, четыре времени года, четыре стихии [13]. Эти фигуры выполняли охранительную и магическую функции.

Цилиндрическая форма восходила к фаллическому культу, который был широко распространен в странах древнего и средневекового Востока, и соответственно был связан с идеей плодородия. Цилиндрические изделия, в том числе подвески для нашейно-нагрудных украшений, бусы были обнаружены во многих местностях Тохаристана. Так из могильника Харкуш происходит ожерелье, состоящее из бус цилиндрической и шаровидной форм (рис.1,10). Данные примитивные формы оказались очень устойчивыми и бытуют в настоящее время.

Рассмотрев основные символы украшений раннесредневекового Тохаристана, мы пришли к выводу, что их мотивы сводятся к основам мироздания, культу плодородия и фарну. Человек считал себя неотделимой частью мира, сыном богов, а поэтому надеялся на помощь и защиту высших сил. И мужчины и женщины украшали тело кольцами, браслетами, серьгами, подвесками и проч. Для них все детали были важны: форма, декор, металл, камень. По словам китайского путешественника Сон Ю, горное дело в Тохаристане было хорошо развито; драгоценные камни были в великом изобилии [2, с.293]. Из них изготавливали бусы, и вставки для различных украшений. Так, Бирюза – камень, который массово добывался в Средней Азии, являлся символом победы, оберегом «от сглаза». Бирюза обязательна в свадебном уборе невесты. Камень, оправленный в серебро, носили от бессонницы и ночных кошмаров. Нефриту приписывались свойства излечения болезней желудка, путем подвешивания его на шею. Помимо этого, нефрит также отражал «сглаз» и защищал от молний и грома. «От дурного сглаза» и «порчи» также использовали гагат, янтарь, яшма. Горный хрусталь защищает от дурных снов, приносит удачу в любви [5]. Представления древних о «лечебных свойствах» халцедона были описаны в древнекитайских и древнеиндийских трактатах. Он помогает бороться с меланхолией, нормализует сон, избавляет от бессонницы и ночных кошмаров. Агат – талисман, приносящий умение красиво говорить, быть приятным в общении, принимать правильные решения, совершать правильные выборы и поступки, он укрепляет разум и делает человека проницательным. Считалось, что агат может уберечь своего владельца от удара молнии и спасти во время землетрясения [5]. К «престижным» камням относили рубин и гранат. Их могли позволить себе только обеспеченные люди. Камни символизируют силу, преданность, удачу, достоинство [7].

Помимо драгоценных камней имели популярность раковины-каури, добываемые в Индийском океане. Целыми или со снятыми спинками, их использовали в качестве подвесок в составе ожерелий. Раковины символизируют плодородие и женское начало, издревле ценятся как обереги.

Все элементы декора несли глубокий смысл еще с древности и имели священный характер. Эти особенности не утратились к раннему средневековью, что дает право говорить о доминировании сакрального значения над эстетическим и статусным. Тем не менее, отчетливо

просматривается генезис в смысловой составляющей украшений: от архаичных верований к зороастризму и буддизму, которые с VIII века вытесняются догмами ислама. Постоянные культурные заимствования так и не смогли до конца вытеснить традиционные представления Тохаристана, что свидетельствует об их устойчивости, закреплении в народном сознании.

Многие символические образы встречаются и в наши дни, как в странах Средней Азии, так и в Европе. В частности, солярные знаки, лунница, крылья птиц, глазчатые бусы, ассоциируясь с этническим стилем, широко используются в современной моде, утерав при этом смысловую нагрузку.

Библиографический список

1. Альбаум Л.И. Балалык-тепе: к истории материальной культуры и искусства Тохаристана. – Ташкент: Изд-во Академии наук УзССР, 1960. – 227 с.
2. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – Душанбе: Ирфон, 1989. – 378 с.
3. Литвинский Б.А. Кангуйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии). – Душанбе: Дониш, 1968. – 141 с.
4. Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана в свете раскопок в Вахшской долине. – М.: Наука, 1985. – 262 с.
5. Каталог камней [эл.ресурс] / <http://tk.stone-labs.by/astroclub/stoyn.html> (дата обращения 04.01.2017).
6. Ртвеладзе Э.В. Средневековый могильник Бит-тепе в Чаганиане // Советская археология. 1986. № 4. С.194-209.
7. Символы и значения камней [эл.ресурс] URL: <http://www.soratinik2006.narod.ru/4simple.html> (дата обращения 04.01.2017).
8. Соловьев В.С. К интерпретации живописи Балалыктепа // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. VI. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2011. С. 153–156.
9. Соловьев В.С. Кафиркала и Шуробкурбан. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2011. – 103 с.
10. Соловьев В.С. Раскопки на поселении Ширкент в 1984 г. // Археология республики Таджикистан. Вып. XXIV (1984 г.). Душанбе, 1993. С.326-334.
11. Тихонов Р.В. Греческое влияние в морфологии бактрийских кубков // История: факты и символы. 2014. № 1. С. 28-34.
12. Топоров В.Н. Мифологический словарь [эл.ресурс] URL: <http://esseclub.narod.ru/Myths15/Farn.html> (дата обращения 15.02.2017).
13. Умарова З.Х. История развития ювелирного искусства таджиков (V-начало XX вв.): дис.канд. ист. наук. – Душанбе: 2009. –234 с.
14. Чвырь Л.А. Таджикские ювелирные украшения. – М.: Наука, 1977. – 142 с.
15. Чистякова О.В. О собаке // Митра. – Вып. 3. 1999. [эл.ресурс] URL: <http://zoroastrian.ru/node/1312> (дата обращения 04.01.2017).
16. Что символизирует лотос? [эл.ресурс] URL: <http://origin.iknowit.ru/paper1254.html> (дата обращения 04.01.2017)
17. Энциклопедия Драхмы [эл.ресурс] URL: <http://www.dharmawiki.ru/index.php/Якуша> (дата обращения 06.01.2017).
18. Энциклопедия Кругосвет [эл.ресурс] URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/religiya/KUBERA.html (дата обращения 05.01.2017).
19. Якубов Ю.Я. Археологические памятники Ляхша (исследования 1978 г.) // Археология республики Таджикистан. Вып. XVIII (1978 г.). – Душанбе, 1984. С. 178-193.

Сведения об авторе:

Первашова Марина Сергеевна – магистр Института истории и культуры, Елецкий государственный университет им. И.А.Бунина. 399770 г. Елец, Липецкая область, ул. Коммунаров, 28. email – mari-na.sergevna95@yandex.ru

УДК 906.85(092)+94(450)

В.В. Скирда, М.С. Нестеренко

ГЛИНЯНЫЕ КРУЖКИ САЛТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА КРАСНАЯ ГОРКА

Аннотация: В статье на основе архивных материалов охарактеризовано глиняные кружки биритуального Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры.

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, Хазарский каганат, могильник Красная Горка, погребения, керамические кружки.

Skirda V.V., Nesterenko M.S. The pots of the saltov`s cemetery Krasnaya Gorka

Annotation: in the article on the basis of archival materials a typology of pots of the Krasnogorovsky cemetery of the Saltovo-Mayak culture was developed.

Key words: Saltovo-Mayak culture, Khazar Kaganate, Krasnaya Gorka cemetery, graves, ceramic mugs.

Керамика выступает наиболее массовым археологическим материалом при проведении раскопок. Исследование глиняных кружек могильника Красная Горка является актуальным для понимания локальных особенностей и тенденций развития гончарства у населения салтовской культуры, отождествляемой многими исследователями с культурой Хазарского каганата. В инвентаре могильников Красная Горка и Червоная Гусаровка кружки и импортная посуда преобладают по сравнению с находками керамики на других памятниках салтовской культуры верхнего и среднего течения Северского Донца [21, с. 20]. Источниковой базой работы являются глиняные кружки, хранящиеся в фондах Музея археологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина и Харьковского исторического музея имени Н.Ф. Сумцова. К исследованию были привлечены отчеты полевых археологических исследований, проводимые в 1984–1994 гг. Средневековой археологической экспедицией Харьковского университета под руководством В.К. Михеева возле села Красная Горка Балаклеевского района Харьковской области. В 2001 г. раскопки могильника продолжила совместная археологическая экспедиция Харьковского исторического музея и Музея археологии и этнографии Слободской Украины под руководством В.С. Аксёнова и В.В. Скирды. За всё время исследования могильника на нем была раскопана площадь около 500 м² и обнаружено 312 захоронений. Отдельные работы исследователей В.С. Аксёнова и В.К. Михеева посвящены характеристике керамики крымско-византийского типа могильника Красная Горка [1, с. 344-357; 2, с. 179-191]. В них в общих чертах рассматриваются кружки захоронений могильника с импортной посудой. В статье К.И. Красильникова охарактеризована лощёная посуда из захоронений степного массива салтовской культуры. Автором была разработана типология лощёных кружек и описана технология их изготовления [7, с.109-114]. Отдельной научной работы, посвященной анализу кружек могильника Красная Горка, не существует.

Столовые кружки обнаружены в захоронении коня, тризне, 2 ямных трупосожжениях, 2 урновых трупосожжениях, 2 погребениях черепов, 8 ямных трупоположениях и 38 трупоположениях в гробах. В ходе исследования нами было проанализировано 58 целых сосудов. Из серой глины изготовлено 31 кружку Красногорского могильника, из красной – 15 сосудов, из желтой – 5 и из коричневой – 1. Примеси песка и шамота встречаются в 12 изделиях, а песка в чистом виде – в 11 сосудах. Добавление песка в сочетании с другими материалами (дресва, песчаник, шамот, гравий, растительные остатки) прослеживаются в восьми кружках. Примеси шамота в чистом виде, а также в сочетании с мелом и гравием характерны для пяти сосудов. Лишь несколько экземпляров кружек являются лепными. Некоторые из них подправле-

ны на поворотном столике или ручном гончарном круге. Большинство сосудов сконструированы на ручном гончарном круге среднего и быстрого вращения. На доньшке изделия из погребения № 103 сохранились следы от неровности гончарного круга [14, с. 12]. Часто гончары отмучивали глину, из которой делали изделия. Тесто двух кружек является пористым и рыхлым. Венчик кружек жители красногорской общины изготавливали немного закруглённым наружу или вертикальным, а иногда – утолщённым. В нескольких сосудах встречаются насечки по венчику, выполненные круглой палочкой, что характерно для горшков захоронений могильника. Одно изделие содержит закраину внутри по венчику. Сосуды носят следы тщательного заглаживания, на поверхности некоторых из них проступают примеси песка и шамота. Двадцать восемь кружек обожжены хорошо, только семь сосудов носят следы слабого и неровного обжига. Некачественный обжиг более характерный для лепных изделий. Поверхность кружек, как правило, покрывалась лощением разных цветов. Всего в захоронениях встречается 30 лощёных кружек, среди которых 21 сосуд имеет чёрное лощение, 5 – серое, по одной – белое, жёлтое и коричневое. На некоторых кружках трудно заметить следы лощения, поскольку оно почти стерлось. Кружка, обнаруженная вблизи захоронения № 32, покрыта серым ангобом. Большинство сосудов имеют петлеобразную плоскую ручку, а три изделия – зооморфную. Некоторые из кружек были специально деформированы в древности. В частности, жители красногорской общины отбивали венчик, горло, а чаще всего ручку кружек.

Изделия украшали разным количеством горизонтальных прочерченных линий, которые наносили тупой палочкой по плечикам, туловищу, в месте наименьшего и наибольшего расширения сосуда, на уровне крепления ручек, ниже ручки, в месте перехода горла в туловище. Между этими линиями наносили орнамент из вертикальных лощёных линий или сеточку из таких же полос. Некоторые сосуды покрыты горизонтальными лощёными линиями по ручке. Кружка, происходящая из погребения № 119, в зоне между парными горизонтальными прочерченными и парными лощёными горизонтальными линиями имеет знак-тамгу [15, с. 5]. Сложное граффити было вырезано по подсушенной глине до момента обжигания.

На доньшке одиннадцати кружек встречаются клейма. Серолощёная кружка из погребения № 28 имеет зооморфную ручку, а по тулову украшена горизонтальными прочерченными линиями. На дне сосуда имеется клеймо в виде креста в круге (рис. 2, 1). Из погребения № 47 происходит чёрнолощёная кружка с отбитыми в древности горлом и ручкой. Сосуд украшен двумя горизонтальными линиями прочерченными тупой палочкой по плечикам и в месте наибольшего расширения тулова. Между этими линиями нанесено вертикальное лощение, а на дне изображено клеймо в виде креста, ограниченного с двух сторон параллельными линиями (рис. 1, 1). В захоронении № 49 была найдена чернолощёная кружка с парными горизонтальными линиями, прочерченными тупой палочкой по плечикам и в месте наибольшего расширения тулова. На дне сосуда нанесено клеймо – равносторонний крест, вписанный в круг диаметром 3 см (рис. 1, 2). Чернолощёная, неорнаментированная кружка из захоронения № 54 на дне имеет стёртое клеймо в виде равностороннего креста в круге с подставкой, напоминающее по форме глобус (рис. 1, 3). Чернолощёная, неорнаментированная кружка, найденная в погребении № 79, имеет на дне отпечатки клейма в виде двузубца (рис. 3, 1). Желтолощёная кружка из захоронения № 90 украшена двумя горизонтальными линиями, прочерченными тупой палочкой в месте наименьшего утолщения корпуса и одной по тулову. На дне сосуда изображено клеймо – крест в круге, который вписан в крест в круге (рис. 2, 3). Из захоронения № 97 происходит серолощёная кружка, орнаментированная по плечикам двумя горизонтальными линиями, прочерченными тупой палочкой и одной в месте наибольшего расширения тулова. Между ними нанесена сеточка из лощёных линий, которые

пересекаются и образуют ромбы. Ручка сосуда покрыта горизонтальными лощёными линиями, а на её дне сохранилось клеймо в виде рогов (рис. 2, 2).

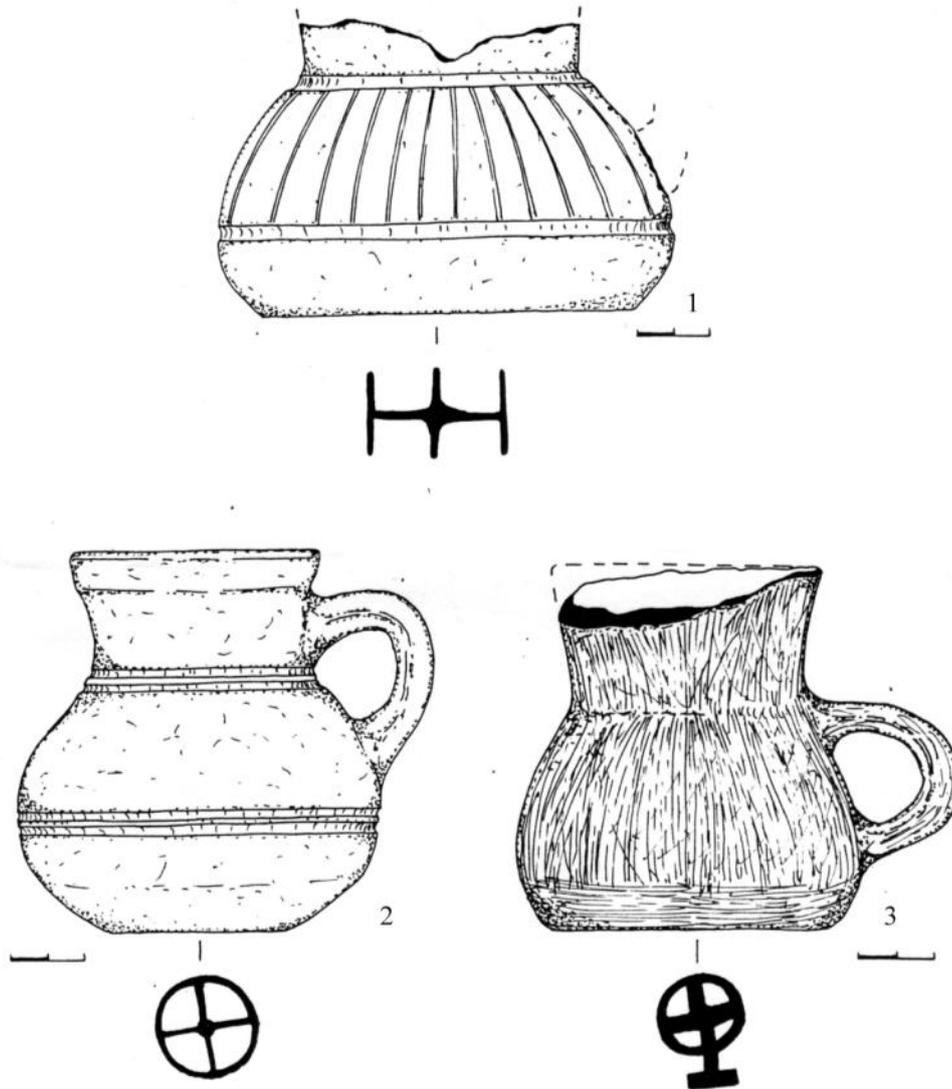

Рис.1. 1 –погр.47; 2 – погр.49; 3 – погр.54.

В захоронении № 113 была найдена кружка с горизонтальными линиями, прочерченными тупой палочкой немного ниже плечиков и в месте наибольшего расширения тулова. На дне сосуда нанесено клеймо в виде четырёх зубцов (рис. 3, 2). В захоронении № 191 обнаружена кружка с двойным туловом (спаренными половинками) и одной ручкой. Обе части сосуда в месте перехода горла в тулово украшены двумя горизонтальными линиями, прочерченными тупой палочкой и на дне имеют идентичные клейма в виде равностороннего креста, вписанного в круг (рис. 4, 2). К захоронению № 244 относится лощёная кружка с парными горизонтальными линиями, прочерченными тупой палочкой в месте крепления ручки и наибольшего расширения тулова. На дне выбито клеймо в виде четырех рогов, которые образуют ромб (рис. 4, 1). Из захоронения № 284 происходит кружка, орнаментированная двумя горизонтальными линиями, прочерченными тупой палочкой по плечикам и одной в месте наибольшего расширения тулова. Между линиями нанесена сеточка из лощёных линий, ко-

торые пересекаются и образуют ромбы. На дне изделия сохранилось клеймо – равносторонний крест, вписанный в круг (рис. 3, 3). Аналогичные кружки встречаются в многочисленных памятниках лесостепного и степного массивов салтовской культуры [20, с. 116, 117; 7, с. 139-142; 24, с. 256].

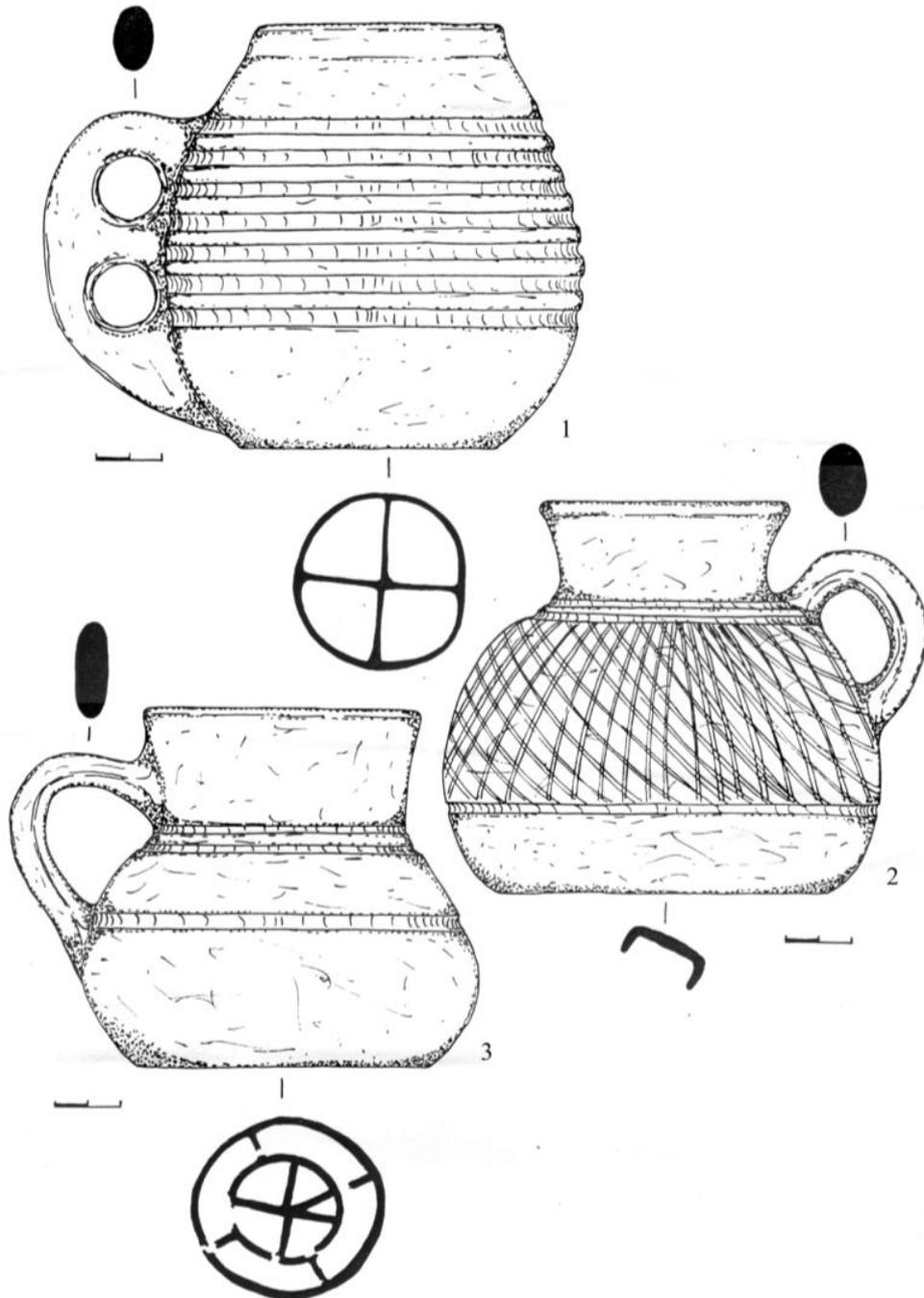

Рис.2 1 – погр.28; 2 – погр.97; 3 – погр.90.

Анализ размеров некоторых сосудов Красногорского могильника показывает, что в захоронениях встречаются кружки со средней высотой 10-12 см. Бывают единичные экземпляры высотой 7-8 и 14 см. Максимальный диаметр венчика изделий составляет в среднем 8 см,

максимальный диаметр корпуса – 10-12 см, а максимальный диаметр дна – 10 см. Особняком стоит массивная кружка с максимальным диаметром корпуса 15,5 см, обнаруженная в погребении № 206 (Табл. 1).

Двадцать семь сосудов располагались в ногах погребенных, двенадцать – в головной части могильной ямы, а шесть – в центре могил с нарушенным анатомическим положением костей. Восемь кружек обнаружено в могильных ямах на боку, одну – дном вверх, а остальные – горлом вверх. Состав погребального инвентаря могил указывает на то, что семь кружек найдено в женских захоронениях и две в мужских. Три сосуда находилось в детских могилах и одно изделие в погребении девочки-подростка.

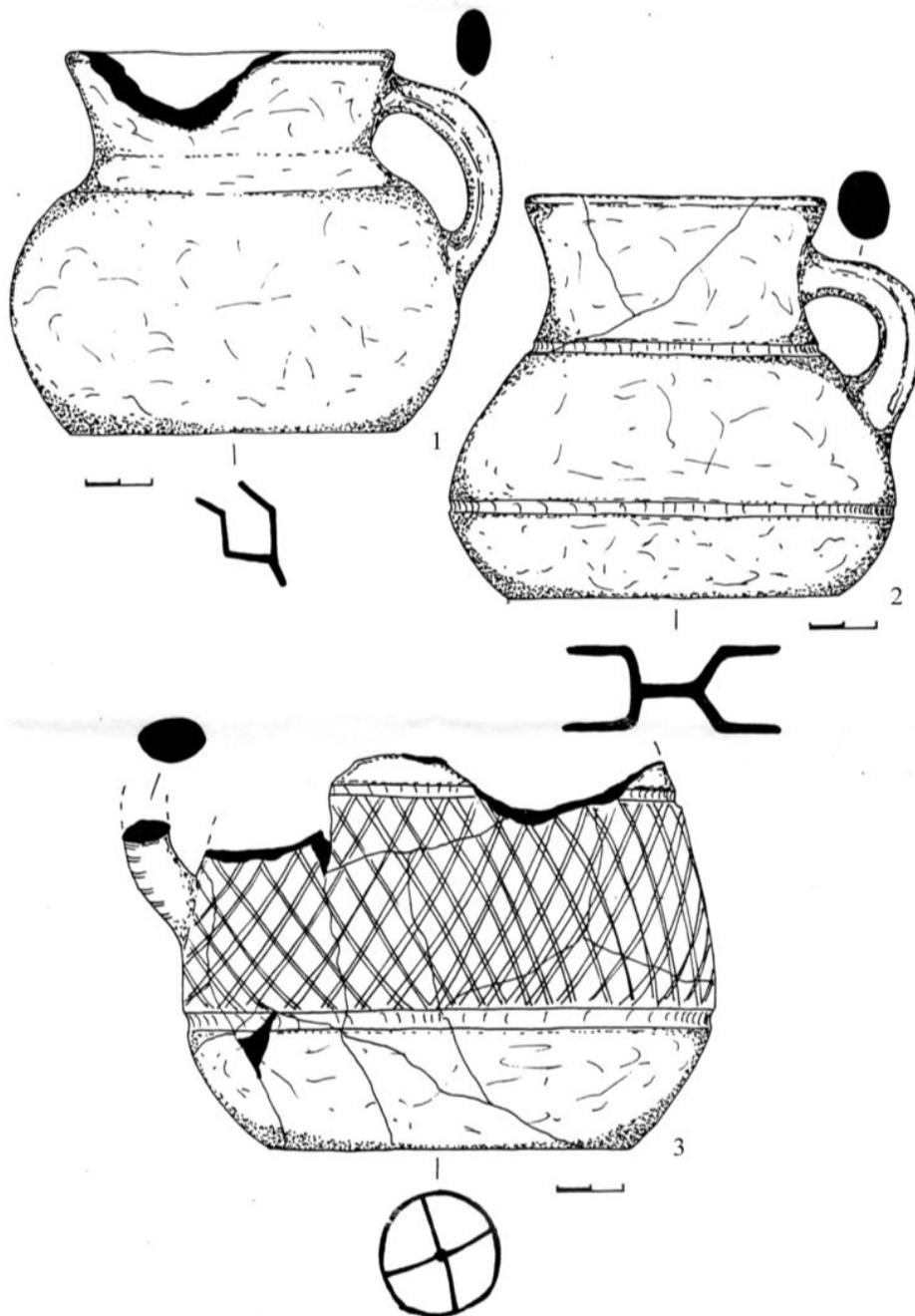

Рис.3. 1 – погр.79; 2 – погр.113; 3 – погр.284

В ямных трупосожжениях обнаружена только одна кружка. В восточной части могильной ямы захоронения № 109 найдена светло-серая кружка с признаками вертикального серого лощения [14, с. 15]. Тесто содержит примеси песка и шамота. Изделие имеет хороший обжиг и орнаментировано двумя горизонтальными линиями, прочерченным тупой палочкой по плечикам в месте наибольшего расширения туловища. Между этими полосами нанесены вертикальные лощёные линии. Еще одна кружка, обнаруженная вблизи захоронения № 32, покрыта серым ангобом и на дне имеет клеймо в виде двух concentрических окружностей с лучами [12, с. 3].

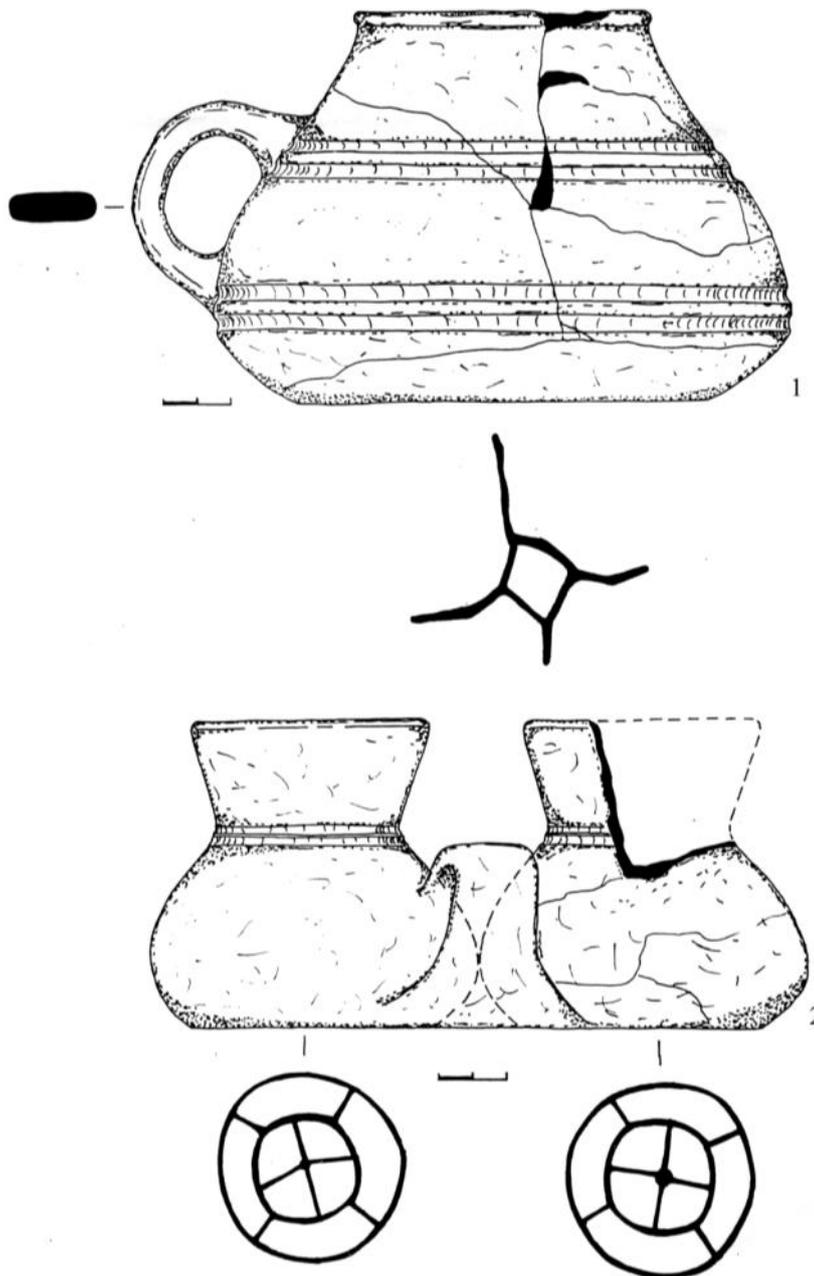

Рис.4. 1 – погр.244; 2 – погр.191.

В захоронении № 14, совершённом по обряду трупосожжения, урной служил двуручный сероглиняный столовый горшок с отбитым в древности венчиком, который стоял горлом вверх. В тесте встречаются примеси песка, дресвы и растительных добавок. Горшок имеет хороший обжиг и вертикальный венчик. Между ручками изделия нанесены волнистые оттиски зубчатого штампа, которые ограничены двумя горизонтальными линиями, прочерченными тупой палочкой. В 0,9 м на северо-запад от урны стояла в немного наклоненном положении желтоглиняная серолощенная кружка с отбитой в древности ручкой. В ее тесте присутствует в большом количестве шамот. Изделие имеет хороший обжиг и орнаментировано едва заметными двумя горизонтальными линиями, прочерченными тупой палочкой по плечикам и в месте наибольшего расширения туловища. Стоит заметить, что сосуды-приставки в урновых захоронениях встречаются довольно редко [10, с. 3].

Таблица 1. Размеры кружек из захоронений Красногорского могильника

№ погр.	Высота				Диаметр			
	H	H ₁	H ₂	H ₃	D ₁	D ₂	D ₃	D ₄
8	11	4	5	2	9,2	7	13	10
50	9,6	2	4,6	3	8,4	7,4	13,5	10
70	11	3,5	3,5	4	7,2	6	10,6	8
77	11	1,5	6	3	10	8,5	16	12
103	10,3	4,5	2,3	3,5	8,2	6,4	9	7,2
109	12	5,5	2	4,5	10	8,5	14	11
119	14,2	1,2	6	7	8,5	8	15	8,8
131	12,5	6,5	2	4	7,6	6,3	9,2	7,4
141	10,5	4,5	3,5	2,5	7,1	4,9	9,2	6,7
144	8	1,6		1,8	6,4	5,6	9,6	6,5
147	9	3				12	16	14
150	11	5	3	3	7,4	5,5	10,2	7,8
191	7			2			13	10
194	12,5	3	2	5	9,8	8	14	10,5
205	9,2	1,2	4	4	6,5	7,5	11	6
206	11,5	4	6	1,5	8	8,5	15,5	13
222	12	2,5	5,5	4	8	7,2	15	11
244	11	5	5	1	9,5	9,5	14	11
245	10	4	3,5	2,5	6,4	5	9,4	4,5
257	8	1	3,5	3,5	5,5	5,5	10	7
258	12	4,5	3,5	4	9,5	11,5	14	8,5
264	12,5	3	6,5	3	8	6,5	13,5	10
288	10	5		1,5	8	10	13	9
298	13	2,3	6,7	2	8	7,2	13,5	6
310	11	2,5	6,5	2	8,5	7,5	13	9
311	10,4	3,8	3,3	3,3	8,4	8,6	14,6	10
311	12	1,4	6,6	4	8,9	8,6	14,6	10,6

H – общая высота, H₁ – высота шейки, H₂ – высота плечика, H₃ – высота придонной части, D₁ – диаметр венчика, D₂ – диаметр основания шейки, D₃ – максимальный диаметр по корпусу, D₄ – диаметр дна

В захоронении № 133, совершенному по обряду трупосожжения, обнаружен развал донной части желтоглиняной кружки, которая являлась урной. В тесте встречаются примеси шамота и песка. Обжиг изделия неровный, черепок в надломе черного цвета. Сосуд украшен двумя горизонтальными линиями, прочерченными тупой палочкой по туловищу [16, с. 3].

Далее обратимся к подробной характеристике керамической посуды, которая встречалась вместе с кружками в захоронениях Красногорского могильника. Вместе с глиняными кружками в десяти захоронениях встречаются салтовские кувшины (Табл. 2). Три из них имеют желобок для слива. В двух труположениях в гробах и одном в простой яме кружки дополнены салтовскими ойнохоевидными кувшинами. Из погребения № 100, сопровождаемого захоронением лошади, происходит изготовленный из коричневой глины двуручный кувшин с поддоном [14, с. 9]. Четыре кувшина, встречающиеся с кружками, изготовлены из серой глины, три – из красной, по одному – из желтой и коричневой. В тесте четырех кувшинов имеются примеси песка и шамота. Сосуды орнаментированы горизонтальными линиями, прочерченными тупой палочкой, которые были нанесены в разных частях изделий: под ручкой, в месте наименьшего расширения сосуда и наибольшего расширения туловища. Одно изделие не имело орнамента. Туловище кувшина из захоронения № 144 покрыто сеточкой из лощёных линий, а горло вертикальным лощением [16, с. 7]. Один из сосудов орнаментирован лощением под ручкой. Три изделия имеют чёрное лощение, по одному – жёлтое и коричневое. Два кувшина специально деформированы в древности и имеют отбитый венчик и ручку. Четыре сосуда были найдены лежащими на боку. Пять из десяти керамических изделий располагались в ногах погребенных, а три – в головах. Захоронения с кружками и кувшинами принадлежат трем женщинам, мужчине и ребенку.

Таблица 2. Керамические изделия в захоронениях Красногорского могильника с кружками

№ погр.	Сосуды ¹		Крымские		Салтовские		
	в головах	в ногах	Ойнохое	Кувшин	Кружка	Кубышка	Горшок
4		+					+
41	+		+				
49	+			+			
50		+		+			
54		+		+			
90		+		+			
97		+				+	
113	+						+
141		+	+			+	
144				+			
161		+		+			
194		+				+	
244	+				+		
257	+			+			
258				+			
278		+		+			
285		+			+		
311	+				+		
77/к3		+	+				
70/к5		+	+				
103/к7		+	+				
100/к8	+			+			
150/к13		+	+				

¹ Сосуды располагались в центре могильной ямы в погребениях № 144 и № 258 с нарушенным анатомическим порядком костяков.

В погребениях с кружками встречаются шесть крымских ойнохой, четыре из которых – в труположениях в гробах в сопровождении скелетов лошадей (Табл. 2). Четыре из них изготовлены из красной глины, одна – из жёлтой. Все сосуды качественно обожжены в печи. Как правило, импортные ойнохойи не имеют примесей в тесте или содержат незначительное количество шамота и песка. Крымские кувшины украшали по горлу, шее и плечикам горизонтальными полосами белого или красного ангоба. Импортные кувшины нередко расписывали сложным разноцветным ангобом. В частности, ойнохойя, происходящая из погребения № 70, орнаментирована сложной ангобированной росписью. Внизу сосуда нанесены полу-круги и полосы на ручке черного цвета, а по горлу перемежевывающиеся горизонтальные линии белого и черного цветов [12, с. 16]. Кувшин из погребения № 103 покрыт бордовым ангобом, по которому нанесен сложный орнамент белым и коричневым ангобом [14, с. 12]. Четыре крымские кувшина стояли в могилах горлом вверх, а один – лежал на боку. Четыре ойнохойи найдены в ногах умерших, а одна – в головной части могильной ямы.

Анализ погребального инвентаря могил позволил установить, что ойнохойи вместе с кружками встречаются в двух женских и одной мужской могилах. Однако, по справедливому замечанию В.С.Аксенова и В.К.Михеева, в целом находки в могилах импортных крымских кувшинов-ойнохой одинаково характерны как для женских, так и мужских захоронений [2, с.182].

В трёх захоронениях (2 труположения в гробу и труположение в яме) Красногорского могильника представлено по две кружки. В погребениях № 244 и № 285 изделия располагались в головах и ногах умерших соответственно (Табл. 2). В погребении № 311 обнаружено две кружки с шаровидным и приплюснутым туловищем и петлевидными ручками. Одна из них располагалась в верхнем углу могильной ямы, а вторая – у восточного края могильной ямы [3, с. 14].

Глиняные кубышки вместе с кружками встречаются в трех захоронениях (Табл. 2). Лепная кубышка небольших размеров из погребения № 97 изготовлена из красной глины с примесью песка и растительных остатков. Поверхность сосуда грубая, не заглажена, не орнаментирована и носит следы неровного обжига. Венчик кубышки немного отогнут наружу [14, с. 8]. Женскому захоронению № 141 принадлежит сероглиняная чернолощеная кубышка с примесями песка и шамота в тесте. В месте наименьшего диаметра сосуд украшен двумя горизонтальными линиями, прочерченными тупой палочкой и одной такой же в месте наибольшего расширения тулова [16, с. 5-6]. Из детского захоронения № 194 происходит неорнаментированная темно-коричневая кубышка, которая по форме напоминает горшок [18, с. 15-16]. Кубышки изготовлены из теста с добавками песка и растительных остатков, а в изделии из погребения № 194 встречается в большом количестве шамот. Все эти сосуды располагались в ногах погребенных.

Горшки с кружками найдены в двух захоронениях по обряду труположения в гробах (Табл. 2). Лепной горшок небольших размеров из погребения № 4 в тесте имеет примеси растительных остатков и песка. Обжиг сосуда неравномерный. По венчику изделие украшено оттисками косо поставленной круглой палочки [9, с. 6]. Горшки из погребений располагались в ногах (№4) и головах (№ 113) умерших.

В захоронениях также обнаружены две импортные кружки, привезённые из Крыма (Рис. 5, 1, 2). Эти кружки имеют шаровидный корпус, небольшие размеры, вертикальный прямой невысокий венчик, а также ручку ленточного типа с пальцевым вдавливанием в верхней части [1, с. 347]. Они изготовлены из красной глины на гончарном круге и качественно обожжённые в печи. Кружка из захоронения № 161 имеет плоскую ручку и горизонтальные линии, прочерченные от венчика до места крепления ручки снизу, не орнаментирована [16, с. 13]. Этот сосуд найден вместе с салтовским ойнохоевидным кувшином. Оба из-

делия располагались в ногах умершего. Кружка, происходящая из погребения № 205, изготовлена из хорошо отмученного теста с незначительными примесями песка и шамота, не орнаментирована [18, с. 20]. Подобные экземпляры сосудов встречаются на памятниках VIII – IX вв. в Юго-Западном Крыму [25, с. 62].

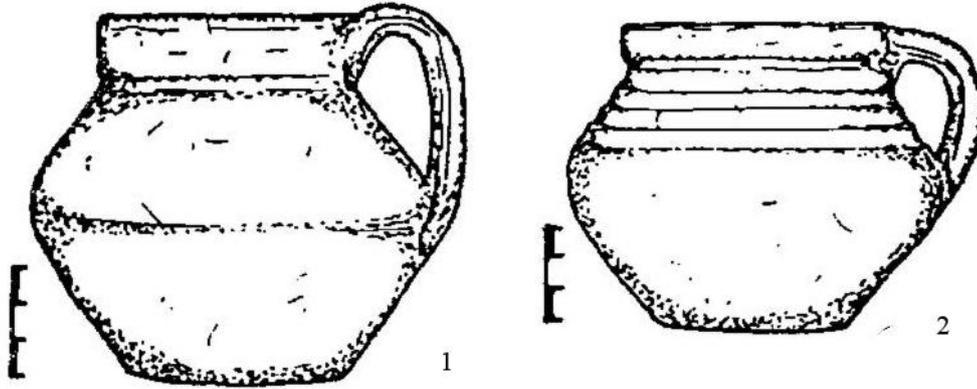

Рис.5. 1 – погр.205; 2 – погр.161.

Подводя итог, следует отметить, что в погребениях могильника Красная Горка встречаются столовые кружки, изготовленные преимущественно из серой и красной глины с примесью песка. Большинство сосудов сделаны на ручном гончарном круге. Эти изделия жители красногорской общины украшали горизонтальными прочерченными линиями тупой палочкой и покрывали преимущественно чёрным и серым лощением. Технология изготовления и орнаментация сосудов характерны для протоболгарского населения, которое проживало в VIII-IX вв. на территории верхнего и среднего течения Северского Донца. Аналоги кружкам могильника Красная Горка часто встречаются в ряде памятников лесостепного и степного вариантов салтовской культуры. Крымские изделия могли попадать в лесостепную зону проживания жителей красногорской общины путем торговли, а также в ходе миграционных процессов и переселения некоторых сообществ из Крыма в Подонцовье.

Библиографический список

1. Аксёнов В. С., Михеев В. К. Крымский импорт и хронология некоторых салтовских памятников верховий Северского Донца // Материалы II Международной научной археологической конференции. Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина. – Самара, 1998. С. 344-357.
2. Аксёнов В. С., Михеев В. К. Погребения с крымской посудой могильника салтовской культуры Красная Горка // *Vita antiqua*. 2003. № 5-6. С. 179-191.
3. Аксёнов В. С. Отчет об археологических исследованиях Харьковского исторического музея. Харьков, 2001 // Харьковский исторический музей. № 2001/9.
4. Афанасьев Г. Е. Кухонная посуда салтово-маяцкой культуры – этномаркирующий признак? // *Российская археология*. 2013. № 3. С. 13-25.
5. Винников А. З., Сарапулкин В. А. Болгары в Поосколье (Мандровский могильник): монография. Воронеж: ВГПУ, 2008. 107 с.
6. Кияшко Я. А. Керамический материал гончарно-ремесленного центра салтово-маяцкой культуры у станицы Суворовской // *Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология*. 2016. № 2. С. 67-75.
7. Красильников К. И. Лощеная керамика из степного массива салтово-маяцкой культуры (типология, технология, орнаментика, клейма) // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 7. – Донецк: ДонНУ, 2009. С. 99-152.

8. Красильников К. И. Кухонна кераміка та керамічні вироби спеціального призначення салтово-маяцької культури Середньодонеччя // *Vita antiqua*. 1999. № 2. С.170-177.
9. Крыганов А. В. Отчет о проведении полевых археологических работ на территории Харьковской обл. в 1984 г. по открытому листу № 125/86. Харьков, 1985 // Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины (далее – НА ИА НАНУ). № 1984/193.
10. Крыганов А. В. Отчет о раскопках Красногорского могильника в 1985 г. Харьков, 1986 // НА ИА НАНУ. № 1985/107.
11. Михеев В. К. Отчет о работе Средневековой археологической экспедиции Харьковского госуниверситета в 1992 году. Харьков, 1993 // НА ИА НАНУ. № 1992/211.
12. Михеев В. К. Отчет о раскопках Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры в 1986 году. Харьков, 1987 // НА ИА НАНУ. № 1986/90.
13. Михеев В. К. Отчет о раскопках Средневековой археологической экспедиции Харьковского госуниверситета в 1994 году. Харьков, 1995 // НА ИА НАНУ. № 1994/34.
14. Михеев В. К. Отчет об археологических исследованиях Средневековой экспедиции Харьковского госуниверситета за 1987 г. Харьков, 1988 // НА ИА НАНУ. № 1987/100.
15. Михеев В. К. Отчет об археологических исследованиях Средневековой экспедиции Харьковского госуниверситета за 1988 год. Харьков, 1989 // НА ИА НАНУ. № 1988/59.
16. Михеев В. К. Отчет об археологических исследованиях Средневековой экспедиции Харьковского госуниверситета за 1989 г. Харьков, 1990 // НА ИА НАНУ. № 1989/194.
17. Михеев В. К., Колода В. В. Отчет о работах Средневековой экспедиции Харьковского госуниверситета в 1991 г. Харьков, 1992 // НА ИА НАНУ. № 1991/46.
18. Михеев В. К., Колода В. В. Отчет о работе Средневековой археологической экспедиции Харьковского университета за 1990 г. Харьков, 1991 // НА ИА НАНУ. № 1990/226.
19. Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 1999. 373 с.
20. Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. 200 с.
21. Сарапулкин В. А. Керамика и керамическое производство лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003. 24 с.
22. Стадник О. В., Стадник А. И. Красногорский грунтовый могильник салтово-маяцкой культуры на р. Айдар // МДАСУ. 2013. Вип. 12. С. 254-263.
23. Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.
24. Шрамко Б. А. Кераміка салтівської культури // Учені записки ХДУ. 1959. Т. 100. Труды исторического факультета. Т. 7. С. 241-267.
25. Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 164 с.

Сведения об авторах:

Скирда Валерий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, источниковедения и археологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. E-mail: skirda67@mail.ru

Нестеренко Максим Сергеевич – магистрант исторического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. E-mail: max.nesterenko79@gmail.com

Вторая мировая война

УДК 94(100)1939/1945+623.557(470.433)

Ю.П. Соловьев

КОЛХОЗЫ, НЕМЦЫ И ПАРТИЗАНЫ. О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЭКСПЛУАТАЦИИ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ БРЯНСКОГО КРАЯ В 1941-1945 ГГ.

Аннотация: Статья посвящена организации хозяйственной жизни на территории Брянской области в 1941-1945 гг., особенно – в Локотском округе самоуправления и зонах, контролируемых коммунистическими партизанскими формированиями. Особое внимание уделено отношению к колхозам немецких оккупационных властей, коллаборационистов, красных партизан и мирных местных жителей.

Ключевые слова: Брянская область, Вторая мировая война, немецкая оккупация, Локотской округ самоуправления, советские партизаны, колхозы.

Solovev Yu.P. The kolkhoz's, the germans and the partisans. Some of the features and operation of the civilian population of the Bryansk region in 1941 – 1945.

Abstract: The article is devoted to organization of economic life on the territory of the Bryansk region in 1941-1945, especially in Lokotskoy County government and the areas controlled by Communist guerrillas. Special attention is paid against the kolkhoz's of the German occupation authorities, collaborators, red partisans and local residents.

Keywords: Bryansk region, world war II, the German occupation, Lokotskoy County government, the Soviet partisans, the kolkhoz's.

В 1941 г., по мере приближения немцев к Брянскому краю, к исторической Комарицкой волости, к находящимся на территории этой волости Локтю и Брасову, протестные настроения, спровоцированные многолетней политикой коммунистического режима, выражались здесь все более открыто. Первый секретарь орловского обкома ВКП(б) (позже начальник Брянского штаба партизанского движения, а в 1944-1946 гг. первый секретарь брянского обкома ВКП(б)) А.П. Матвеев позже докладывал начальнику Центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко: «По сравнению с соседними районами, Брасовский район дал из числа партийно-советского актива относительно меньший процент партизан и относительно большой - предателей. Эвакуируемые семьи партийного и советского актива провожались под свист и недвусмысленные угрозы антисоветчины, а часть сотрудников учреждений упорно избегала под различными предложениями эвакуацию» [8, с.8,10] .

4 октября 1941 г. через Локоть прошли части 17-й танковой дивизии германского Вермахта, которые уже через два дня взяли и Брянск. Современные историографы Локотского самоуправления и его воинских формирований Д.А.Жуков и И.И.Ковтун констатируют: «На территории Брасовского района соединения и части Красной армии оборонительных боев фактически не вели. Сопrotивление оккупантам не оказали и местные жители, которые в силу специфических исторических традиций никогда не отличались лояльностью по отношению к советской власти» [8, с.7, 8] . Поселок Никольский, принадлежащий к Дмитровскому району Орловской области, расположен неподалеку от Радогочи. Хлеб жители Никольского молотили на мельнице поселка Глубокий Брасовского района. Крестьянин из Никольского Павел Стефанович Есин (1896-1982) до войны ездил зимой на заработки в Одессу: «Когда был подвыпивши, то очень ругал Сталина. Не боялся он стишок вслух сказать напротив памятника:

«Сталин (Ленин) указал рукою, куда ехать за мукою». <...> В октябре 1941 года к вечеру из леса к жителям поселка Никольский приходили обогреться и что-нибудь поесть [советские] солдаты, попавшие в окружение. <...> Говорили они... «А за что воевать? Пусть богатенькие воюют... Немцы начали стрелять, а мы в коноплю попрятались» [14, с.361, 362] .

Как на деле выглядела оккупация Локтя рассказывает историк И.Г.Ермолов: «4 октября 1941 года в Локте впервые появилась группа немецких мотоциклистов. Проследовавшая через поселок воинская часть оставила здесь небольшую группу связи. Наступило временное безвластие...» [7, с.35] О том же говорят и Д.А.Жуков с И.И.Ковтуном: «Нелишне заметить, что в Локотской волости из-за нехватки сил и средств не было организовано ни одного крупного немецкого гарнизона» [8, с.16] .

В этой атмосфере начался разгораться традиционный для Комарицкой волости крестьянский бунт: «Тех партийных и советских работников, которые не успели эвакуироваться, либо выдавали немецким военным властям, либо даже убивали» [8, с.10] . В д. Большое Кричино, входившей потом в состав Локотского округа самоуправления, председателю колхоза Абраму Даниловичу Морозову чуть не откусили нос: «На его крики и стоны сбежался народ. Но вместо сочувствия из толпы раздались возгласы: «Мало тебе! Так тебе и надо!» Председателя колхоза Морозова не любили. Он знал, что у каждого односельчанина во дворе и подсаживал налоговому инспектору, где это спрятано» [14, с.192] . Из с. Домаха «членов [коммунистической] партии забрали в Дмитровск. Под арестом держали две недели, допрашивали, но не расстреляли» [14, с.272] .

Сразу же встали вопросы самоуправления и собственности. Что касается самоуправления, то здесь инициативу проявил К.П. Воскобойник, положивший начало и Локотскому округу, и социалистической партии, и вооруженным формированиям в Локте. Позже на место убитого партизанами Воскобойника встал бывший главный инженер местного спиртзавода Б.В. Каминский. Что касается собственности, то здесь, конечно, в первую очередь речь шла о судьбе колхозов.

В своем исследовании «Бригада Каминского» А.Даллин пишет: «Колхозная организация сельского хозяйства с самого начала была основным источником недовольства и беспокойности. *Воскобойник опирался на тех, кто был недоволен колхозным строем, и отказ немцев от немедленного роспуска колхозов способствовал росту оппозиционных настроений среди крестьян. В период правления Каминского также не произошло полного возврата к частным формам сельского хозяйства* (курсив наш. – Ю.С.), существовавшая система хозяйствования отражала как стремление к быстрому исполнению немецких заказов, так и попытку обеспечить некоторое улучшение положения крестьян. <...> В ряде мест применялись различные формы сельскохозяйственной кооперации» [3] . В процитированном утверждении содержится странная, но традиционная для русских эмигрантских авторов уверенность в том, что немцы на оккупированной территории стремились сохранять колхозы. Насколько это соответствует действительной обстановке на территории Локотского округа самоуправления – и вообще Брянского края – мы попробуем сейчас разобраться, а заодно посмотрим, кто в действительности всеми силами пытался сбечь здесь колхозное устройство.

Как вспоминают крестьяне входившей в 1942-1943 гг. в Локотской округ самоуправления д. Малое Кричино Дмитровского района Орловской области, после прихода немцев «землю раздали в единоличное пользование. Лошадей расхватили еще раньше, как только узнали о бегстве колхозного начальства. Прошло 12 лет от начала коллективизации, так что некоторые хозяева брали прежних своих сивых, гнедых, вороных... Объединились по дворам: 5-6 хозяйств, по принципу родства, соседства, симпатий, общих интересов. Обработывали и убирали наделы совместно» [14, с.59] . В Большом Кричине немцы появились только

в конце ноября 1941 г.: «Приехали на бронетранспортерах, постреляли из пулеметов для остротки, и уехали. После этого народ начал расхватывать колхозных лошадей» [14, с.190] . В с. Домаха «с приходом немцев землю и лошадей еще в 1941 году поделили в единоличное владение. Налог за землю платили им зерном с урожая. Колхозных быков немцы забрали себе» [14, с.251] . Там же, в Домахе, «в декабре 1941 года необмолоченные скирды хлеба поделили по числу душ, проживающих в тот момент в деревне» [14, с.272] . В пос. Никольский, до войны входившем в колхоз «Сталинский путь», «немец землю разделил на «полоски», как было до колхозов» [14, с.361] .

Раздел колхозного имущества крестьянами осенью 1941 г. подтверждают и немецкие документы. Когда в ноябре 1941 г. немцы попытались наладить в оккупированном ими Брянском крае централизованный сбор продовольствия для армейских нужд, предполагая воспользоваться прежними колхозными запасами, выяснилось, что «колхозы были уже разграблены» [20, с.60] . К лету 1942 г. немцы, словно бы узаконивая свершившийся факт и, кроме того, осуществляя провозглашенную ими на оккупированной территории земельную реформу, устроили показательный раздел колхозных земель. Конечно, там, где этого не успели сделать сами крестьяне. Так, 2 июля 1942 г. по решению и в присутствии командующего тыловым округом 2-й немецкой танковой армии генерал-лейтенанта Фридриха Густава Бернхарда был распущен колхоз «Культура» (ныне агрофирма с тем же названием) в деревне Добрунь под Брянском. Как сообщают немецкие документы: «Земля и инвентарь были торжественно разделены между крестьянами, за что бургомистр деревни вынес свою благодарность. Активное участие в данном событии принимало и само население: само собой разумеется, царило превосходное настроение. Делегация деревни встретила генерал-лейтенанта Бернхарда хлебом и солью, после чего имели место многочисленные речи. О музыкальной стороне мероприятия позаботился оркестр 707-й дивизии. После посещения «образцово-показательных хозяйств» все участники были приглашены к заключительному угощению. Мнение о «простой закуске» сложилось [у немецких военнослужащих] вполне однозначное: “качественно и количественно превосходная... Хотелось бы, чтобы колхозы переводили с такой торжественностью в частную собственность как можно чаще”» [20, с.72] .

Партизанские документы также говорят о разделе колхозного имущества между крестьянами после прихода немцев. В информационной сводке штаба партизанской бригады «За власть Советов» от 29 декабря 1942 г. сказано, что в ноябре-декабре 1941 г. в Шаровской волости Севского уезда «вся земля, принадлежащая колхозам и совхозам, разделена по едокам... из расчета 0,35 га на душу. <...> Колхозные лошади и сельхозинвентарь распределены по хозяйствам в индивидуальное пользование» [12, с.54, 55] . Кроме того, в директиве Шаровского волостного управления от 7 мая 1942 г. старосте деревни Апаж было предписано, «что все прибывающие в село семьи, ранее раскулаченные советской властью, должны делиться землей и обеспечиваться посевными материалами, которые должны собираться с населения в порядке самообложения» [12, с.54, 55] .

В информационной сводке штаба партизанского отряда им. Ворошилова от 30 декабря 1942 г. также сказано: «В большинстве районов землю поделили пропорционально количеству едоков (апрель месяц 1942 г.). Уборка хлеба производилась индивидуальным порядком, хлеб весь убран. МТС, МТФ и другие колхозные постройки стоят без действия, некоторые поделили» [12, с.58] . В информационной сводке Орловского обкома ВЛКСМ от 29 января 1943 г. сообщается, что на территории Локотского округа «произвели раздел колхозной земли: на одну душу отрезали 0,60 га» [12, с.67] . В Стародубском районе, согласно информационной сводке штаба Трубчевской партизанской бригады от 13 февраля 1943 г. также «земля разделена по едокам равными долями, за исключением старост и полицейских которые получают сверх

нормы по гектару огородной земли...» [12, с.69] В Новозыбковском районе (ныне Брянской области) крестьяне как минимум двух колхозов – имени МОПРа в с. Катичи и «Комсомолец» Старо-Вышковского сельсовета – поделили между собой колхозное имущество [11, с.120, 203]. При немцах распустили колхозы и в Погарском районе (ныне Брянской области) [10, с.226].

В нормативных документах Локотского округа самоуправления раздел колхозного имущества также оставил след. Например, в приказе № 94 по Управлению Локотского уезда от 9 апреля 1942 г., среди прочего, сказано: «Сельскохозяйственный инвентарь более простого типа (плуги, бороны, телеги и пр.) распределяются среди населения для индивидуального использования. Бойцы охраны, полиции и сотрудники наделяются этим инвентарем в первую очередь, и только после их удовлетворения производится наделение остального населения. При недостатке инвентаря он распределяется по звеньям (группам) с учетом тяговой силы. Машины более сложного типа (молотилки, жатки, сенокосилки, сеялки и пр.) остаются обществленными и находятся в распоряжении старост и уполномоченных, которые принимают все меры к их ремонту и использованию, создавая на местах прокатные пункты, работа которых должна протекать на основе хозрасчета. Существующий на *бывших колхозных полях* (курсив наш. - Ю.С.) многопольный севооборот сохраняется и на 1942 год. <...> Обобществленные сады и плодово-ягодные питомники в бывших колхозах в целях их сохранения и рационального использования временно остаются в ведении Уездного управления» [13, с.471].

С.И.Дробязко в своей работе «Локотской автономный округ и Русская освободительная народная армия» (1998) однозначно говорит, что в Локотском округе колхозы были ликвидированы и колхозная собственность разделена. Но «там, где это было оправдано местными условиями, сохранялись коллективные хозяйства, преобразованные в земельные общества». Также, «помимо частных и общинных хозяйств, в Локотском округе было образовано 6 госхозов (очевидно, на месте прежних совхозов), которые специализировались по определенным отраслям земледелия и скотоводства» [6, с.183].

Теперь посмотрим, какой была налоговая политика оккупационного времени в брянских и соседних с ними селах и сравним ее с довоенным налогообложением. В апреле 1942 г. в Локотском округе были введены годовые ставки натурального налога, взимавшиеся для снабжения войск Вермахта и отрядов местной окружной милиции [13, с.506]. Отныне с каждого крестьянского хозяйства, имевшего коров, в год полагалось сдавать 75 литров молока, с такого же хозяйства, принадлежащего рабочему или служащему — 40 литров. Хозяйства, не имевшие коров, освобождались от сдачи молока. Для сравнения: до войны в этих местах в год советская власть требовала сдать с одного крестьянского хозяйства 250 литров молока при 3,7% жирности. Если жирность была ниже, то молока следовало сдать больше [14, с.292]. А, скажем, в малокричинском колхозе им. Молотова, с каждого подворья в год требовалось сдать вообще 700 литров молока [14, с.41]. При этом с налогоплательщиками коммунисты ни до войны, ни после не церемонились. Как вспоминали крестьяне из тех мест: «А дома, даже после войны, коровье масло покупали в магазине, чтобы заплатить налог государству за свою корову. <...> Не смог заплатить – за недоимку конфисковали все, что имелось в доме. У Козина Федора Семеновича (1895-1975) отняли корову за неуплату налогов, оставив семью из пяти человек без молока» [14, с.351, 373].

Далее, по установленной в апреле 1942 г. для Локотского округа норме каждое хозяйство сдавало в год по 20 штук яиц. До войны в год сдавали 100 яиц [14, с.41, 373]. Мяса по нормам апреля 1942 г. собирали по 16 кг с одного крестьянского хозяйства в год. Для сравнения – до войны, по нормам 1937 г., в малокричинском колхозе им. Молотова каждое хозяйство должно было сдавать в год 45 кг мяса и половину шкуры зарезанной свиньи, не счи-

тая того, что за свинью возрастом более 6 месяцев полагалось заплатить в год советской власти 300 рублей налога [14, с.41] .

Интересно, что в апреле 1942 г. в Локотском округе вовсе были освобождены от налогов «инвалиды, мужчины в возрасте от 60 лет, женщины от 55 лет (при отсутствии в хозяйстве трудоспособных лиц), репрессированные большевиками до войны, лица, пострадавшие от действий партизан, погорельцы войны и бойцы милиционных отрядов, семьи которых проживали в Локте» [13, с.506] .

По данным, собранным в 1942 г. штабом партизанской бригады «За власть Советов», в Шаровской волости Севского уезда «единого налога... не существует. Немецкие фашисты в оккупированных районах ввели следующие виды налогов: 1) денежный, 2) мясopоставки, 3) яйцепоставки, 4) маслороставки, 5) зернопоставки, 6) картофелепоставки, 7) поставка сеносоломы, 8) шерсти, 9) капусты. Денежный налог взимается со двора и с трудоспособного, зерно с едока и сено с едока, молоко и масло с коровы». Например, на Апажское земельное общество Шаровской волости оккупационными властями была 24 декабря 1941 г. наложена общая годовая норма зернопоставок в 452,70 центнеров со всех хозяйств вместе. Это количество складывалось из норм по сдаче: пшеницы — 107,12 центнера, бобов — 14,28 центнера, гречихи — 21,42 центнера, проса — 21,42 центнера, ржи — 159,90 центнера и прочих культур — 128,56 центнера. Предписанное количество зерна следовало доставить на станцию Комаричи двумя партиями: первая в размере 60% от назначенного доставлялась к 10 января 1942 г., вторая — оставшиеся 40% — к 20 января 1942 г. [12, с.55-56] В той же деревне Апаж, по словам партизан, «немецкие приспешники» вимали в год по 85 кг картофеля с каждого «едока», по 208 литров молока и по 4 кг топленого масла с каждой дойной коровы, по 25 яиц со двора. Причем «за выполнение плана картофелепоставок» крестьяне премировались особенно ценным в военные годы продуктом — солью. Та же деревня Апаж должна была сдать в год еще 58,7 центнера сена и 51 кг шерсти [12, с.56] .

Штаб партизанского отряда им. Ворошилова сообщал 30 декабря 1942 г., что на оккупированной немцами территории «крестьяне платят налог денежный от 75 до 500 руб.» [12, с.59] . До войны советская власть вимала с каждого двора по 600 руб., а также еще порядком разных платежей и штрафов — например, налог за бездетность (150 руб. в год) с каждого, достигшего возраста 18 лет [14, с.292] . При этом на контролируемой немцами и их пособниками территории, по словам красных партизан, «от денежных налогов освобождались бывшие пенсионеры и инвалиды первой группы» [12, с.56] .

В информационной сводке Орловского обкома ВЛКСМ от 29 января 1943 г. сказано, что в Локотском округе «Налог взяли зерном с каждого человека 83 кг. Через каждые три месяца собирается денежный налог по 100—120 руб. с хозяйства. В селах Хотынецкого района берут налоги: с трубы 8 пуд[ов] мяса, хлеба 9 пуд[ов] с души, картофеля 6 пуд[ов] с души, молока по 3 литра в день с коровы, шерсти по 2 кг с овцы. С каждой хаты берут шерстяные носки и валенки» [12, с.67] .

Действительно, приказом № 63 по Локотскому окружному самоуправлению от 27 февраля 1943 г. обер-бургомистр округа Б.В.Каминский ввел новые ставки натурального налога, которые несколько выросли по сравнению с 1942 г., но все равно были значительно меньше довоенных. Теперь в год полагалось сдавать 30 кг мяса «с хозяйства, пользующегося земельным наделом сверх огородного участка, независимо от места жительства». Но собирали это количество мяса постепенно: в 1 квартале — 10% положенного годового сбора, во 2 квартале — 25%, в 3 квартале — 25% и в 4 квартале — 40%. Яиц в год следовало теперь сдавать 35 штук в год с одного хозяйства. Молока с одной коровы при жирности 3% — 150 литров в год в сельской местности и 75 литров «в городе и приравненных к ним населенных

пунктах». Но если городской хозяин пользовался земельным наделом сверх огородного участка, то сдавал, как и крестьянин, 150 литров молока с коровы. И вновь полностью освобождались от обложения натуральным налогом семьи, потерявшие от действий красных партизан члена семьи или «основное имущество»; инвалиды; престарелые – мужчины с 60 лет и женщины с 55 лет, если у них в хозяйстве «не имеется ни одного трудоспособного». Также освобождались от натурального налога рабочие и служащие, не пользующиеся земельным наделом сверх огородного участка [13, с.486] .

Что касается денежного налога с отдельных хозяйств, то он был очень даже дифференцированным и на 1943 год в Локотском округе самоуправления ставка его выглядела так: с имевшей земельный надел крестьянской семьи, в которой было не более 5 человек, при одном из них трудоспособном, взималось в год 1200 рублей, при двух трудоспособных – 1700 рублей, при трех и более трудоспособных – 2400; с семьи, насчитывавшей более 5 человек, при одном трудоспособном брали 800 рублей, при двух – 1300, при трех и более – 1900. С семей, чей земельный надел не превышал 25 соток, в год взималось: с семьи до 5 человек при одном трудоспособном – 600 рублей, при двух трудоспособных – 750 рублей, при трех и более трудоспособных – 1000 рублей. Если в подобной семье было более 5 человек, то при одном трудоспособном с нее полагалось в год 450 рублей, при двух трудоспособных – 600, при трех и более – 800 рублей. Семьи рабочих, служащих и прочих лиц, проживающих в частных или казенных квартирах и пользующихся только огородом, в год платили: семья до 5 человек при одном трудоспособном – 300 рублей, при двух трудоспособных – 500, при трех и более трудоспособных – 650 рублей. Семья этой категории, имевшая более пяти человек в своем составе, платила в год при одном трудоспособном 200, при двух – 350, при трех и более – 450 рублей. При этом полностью освобождались от налогов рабочие и служащие, чья месячная зарплата не превышала 250 рублей; живущие самостоятельно сироты, не достигшие возраста 15 лет; инвалиды 1-й группы, престарелые мужчины от 60 лет, женщины от 55 лет и старше, при отсутствии в их семьях трудоспособных членов. Также освобождались от денежного налога лица, не имеющие построек, скота, не пользующиеся огородом – и не имевшие трудоспособных членов семьи, главы которых погибли в борьбе с партизанами. Если в последней категории семей был один трудоспособный, то налоговая скидка составляла 75%, при двух трудоспособных – 50%. В случае гибели от рук партизан трудоспособного члена (не главы) семья получала налоговую скидку в 30%. Также скидки по денежному налогу полагались: награжденным знаками отличия германского командования – 50%; семьям инвалидов 2-й группы, при наличии только одного трудоспособного члена семьи – 25%; семьям, главы которых были сосланы НКВД по 58 (антисоветской) статье Уголовного кодекса РСФСР и не вернулись домой к 1 января 1943 г. – 25%; лицам и хозяйствам, имеющим на своем иждивении несовершеннолетних сирот, Локотское самоуправление прощало 25% от общей суммы денежного годового налога. По этой системе нетрудоспособными считались женщины, имевшие малолетних (до 5 лет) детей. Если же такая женщина была главой семьи и других трудоспособных лиц в семье не имелось, то этому семейству полагалась 50-ти процентная налоговая скидка. Если в такой же ситуации дети женщины-главы семейства были старше 5 лет, но не достигли совершеннолетия, скидка составляла 25%.

При этом объектами денежного налогообложения считались: лошадь, за которую в год платили 500 рублей; садовые деревья – за каждое полагалось платить 10 рублей в год, и пчелы – по 100 рублей налога за каждую пчелиную семью или улей на пасеке в год. Но и здесь подход был дифференцированным: племенные жеребцы и сады, размером до пяти плодоносящих деревьев, налогом не облагались вовсе. Также в принципе не облагались налогом неплодоносящие садовые деревья [7, с.248-249]. При коммунистах и до войны, и после в

колхозе им. Молотова (д. Малое Кричино), чья территория входила в 1942-1943 гг. в Локотской округ, «с корня плодового дерева, как и с пчелиного улья, брали налог в 100 рублей», причем плодоносность деревьев советских налоговых инспекторов не волновала – могли потребовать плату даже за березку, выросшую в крестьянском саду [14, с.41-42]...

В 1943 году денежный налог в Локотском округе предполагали взимать постепенно: 20% от общей суммы к 15 февраля, еще 30% – к 15 мая, следующие 30% – к 15 августа и последние 20% – к 15 ноября [7, с.249] .

* * *

Надо сказать, что на территории современной Брянской области в годы немецкой оккупации, помимо Локотского округа самоуправления, действовали также округа Брянский и Клинцовский. Посмотрим, как обстояли дела с налогами в этих округах. В докладной записке секретарю ЦК ВЛКСМ «о фашистском режиме в оккупированных районах Брянщины» рассказывается, что в Брянском округе, где в годы оккупации сохранялись, видимо, наряду с единоличными хозяйствами и колхозы, «сразу же после оккупации той или иной местности, как только там организуют управу, немцы вводят единовременный погектарный налог на колхозы. В Карачевском районе этот налог собирался по постановлению Карачевской городской управы от 10 декабря 1941 г. в следующих размерах: пашня, сенокосы, сады 1-й категории—10 руб. с га; пашня, сенокосы 2-й категории—8 руб.; пашня, сенокосы, торфяники, кустарники и болота 3-й категории - 6 руб. Срок уплаты был установлен 25 декабря 1941 г.». Кроме того, еще в октябре 1941 г. там же, в Карачевском районе «немецкое командование объявило об обязательной сдаче молока населением, норма сдачи была установлена 300 литров с каждой коровы, цена 70 коп. за литр» [12, с.79] .

Далее, распоряжением Брянского окружного управления от 19 мая 1942 г. за № 1009 в г. Карачеве и Карачевском районе вводились следующие налоги: «1. Подушный налог с населения обою пола, начиная с 16-летнего до 60-летнего возраста из расчета ставки 70 руб. с души в год. Сроки уплаты подушного налога были установлены 15 июня 1942 г. 50 % и 15 сентября 1942 г. 50 %. Это и по городу и по району. 2. Земельный налог в размере 56 руб. с га удобной пахотной земли в год, независимо от того, в чьем пользовании она находится (в общинном или в единоличном). ...Кроме этого, еще был введен ряд налогов. Так, например, в Выгоничском районе в 1942 г. немцами были установлены следующие продовольственные налоги: 350 литров молока с каждой коровы, с г[ектара] 3 ц[ентнера] ржи, 2 ц[ентнера] пшеницы или 2 ц[ентнера] овса или же ячменя, 50 яиц с одной курицы, 7 кг живой птицы с хозяйства, с каждой овцы 750 граммов шерсти в год. <...> За несвоевременную уплату взыскиваются пени 10%» [12, с.80] .

В Стародубском районе, принадлежавшем в 1941-1943 гг. к Клинцовскому округу, по сообщению штаба Трубчевской партизанской бригады от 13 февраля 1943 г. оккупационными властями «введены следующие налоги: 1) военный налог 6 центнеров зерна, 2) сено и солома, 3) мясо по центнеру с двора, 4) налог на собак - 200 руб. с 1 собаки, 5) подушный налог 80 руб. с едока, 6) 300 литров молока с коровы, 7) весь приплод коров (телята) должен сдаваться немецким властям, 8) по 75 яиц с двора, 9) вся шерсть с овец сдается немцам, 10) вся пенька и лен сдаются немцам. Кроме перечисленных налогов, собираются на содержание полицейских станов продукты, полотно и одежда, а также у населения забирается скот, в первую очередь у семей коммунистов, партизан, активистов и красноармейцев» [12, с.69] .

А что вспоминали о налогах и сборах времен оккупации жители сел и деревень, входивших в состав Локотского округа самоуправления? Жители деревни Малое Кричино вспоминают, что «немцы установили налог один центнер зерна с души. Был также налог в пользу

немецкой армии – одна корова с 10 дворов. Под этот налог попали, прежде всего, жены «активистов» советской власти» [14, с.59]. Похожим образом обстояли дела и в селе Домаха: «За землю немцы брали налог: с семьи 2 центнера зерна возили осенью на элеватор в г. Дмитровск [-Орловский]. Плюс, раза три в год, нужно было сдать с деревни шесть коров – налог в пользу немецкой армии» [14, с.272]. Другой житель Домахи рассказывал: «Немцы наложили налог – два пуда хлеба с души, который по осени нужно было отвезти в Дмитровск. У кого не было лошади – немцы давали ее для вспашки своего надела на поле» [14, с.314].

При немцах в селах появились излишки продуктов, из которых стали готовить самогон. Это домашнее производство спиртного стало одним из самых ярких воспоминаний детей военной поры, живших на территории Локотского округа: «В немецкую оккупацию не было некоторых запретов, например: “Самогон стали гнать из бурака (свёклы. – Ю.С.) при немцах. <...> В 1942 году приспособились гнать самогон из мерзлой картошки...”» [14, с.236] «В оккупацию научились домаховцы “курить” самогон из проса, жита, картошки». Для сравнения – 7 апреля 1947 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ «Об уголовной ответственности за изготовление и продажу самогона» [9, с.160] ...

Елена Ивановна Рябинина (по мужу Жидкова), 1929 г.р., из с. Домаха, вспоминала: «Зажили при немцах посытнее, ...чем при родной советской власти» [14, с.314]. Анатолий Иванович Кисель, 1933 г.р., из д. Большое Кричино подтверждает: «В оккупации они жили лучше, чем до войны» [14, с.190]. Итог подводит историк С.И.Дробязко, заключивший, что в Локотском округе «благодаря ликвидации колхозов и разделу колхозной собственности, жизненный уровень населения стал выше, чем в других оккупированных областях, где колхозная система была сохранена немцами...» [6, с.183]

* * *

А была ли у оказавшихся в немецком тылу крестьян альтернатива описанному только что порядку? Оказывается, была. В том же вакууме власти на формально оккупированной территории, возникшем из-за быстрого продвижения немцев к Москве и последующего их там поражения, в котором стало формироваться Локотское самоуправление, в Дятьковском районе Орловской (теперь Брянской) области партизаны и советские войсковые группы, действовавшие в немецком тылу, начали во второй половине декабря 1941 г. занимать один за другим населенные пункты. 14 февраля 1942 г. красные заняли и райцентр – г. Дятьково. Устроили здесь горком ВКП(б), горсовет, райсовет, райпрокуратуру, милицию, газету «Фокинский рабочий», телефонную связь, узкоколейную железную дорогу и прочую советскую власть. По Дятьковскому, Забрянскому, Выгоничскому, Жуковскому, Рославльскому и Рогнединскому районам партизаны отобилизовали мужчин призывного возраста и отправили за линию фронта, служить в Красной армии [5, с.61; 18, с.255].

К апрелю 1942 г. партизаны стали также контролировать значительное пространство общей площадью в 12000 квадратных километров, захватывающее части территорий Суземского, Трубчевского, Навлинского, Севского, Комаричского, Брасовского, Погарского, Почепского, Выгоничского и Брянского районов. К маю 1942 г. в этих двух анклавах, названных в советской пропагандистской литературе «партизанскими краями», оказалось 395 населенных пунктов со 195 тыс. жителей [5, с.63]. Что в этих «партизанских краях» ожидало крестьян? Конечно, восстановление колхозов и целая куча связанных с ними и с военным временем повинностей. Как пишет советский автор и бывший партизан Т.К.Дандыкин: «В названных районах партийные и советские органы приступили к восстановлению колхозов. Так, в Дятьковском районе был восстановлен 61 колхоз, в Суземском – 57, в Навлинском – 56, в Трубчевском – 72. Всего в Дятьковском и Южном Брянском партизанских краях к маю 1942 г. было восстановле-

но более 300 колхозов. Повсеместно прошли собрания колхозников, на которых были избраны председатели колхозов. Там, где они оставались на местах, в партизанских отрядах, по решению райкомов партии и райисполкомов возвращались на свои места. А там, где их не было – избирались на колхозных собраниях новые из числа партизан...» [4, с.21].

Одновременно жестко пресекались попытки крестьян единолично обрабатывать свою землю. В докладной записке дятьковского райкома ВКП(б) от 14 мая 1942 г. сказано: «Имелись отдельные попытки колхозников производить индивидуальный посев и расширить свои приусадебные участки, но этим деятелям был дан отпор, и в последнее время таких случаев в районе не наблюдается» [12, с.126]. То же происходило и во втором «партизанском крае». Здесь бюро Трубчевского райкома ВКП(б) постановило 11 мая 1942 г.: «Запретить колхозникам производить раздел приусадебных участков и полевой земли по едокам. Приусадебные участки сохранить за колхозниками в размерах прошлого года, а полевую землю должны отводить по указанию предсельсовета и предколхозов каждому хозяйству в отдельности в зависимости от наличия семян» [12, с.124].

Что касается натуральных поборов с крестьян, то партизаны восстановили их в довоенных, как минимум, размерах. В докладной записке дятьковского райкома ВКП(б) от 14 мая 1942 г. сказано: «В связи с тем, что на территории района находится большое количество партизан, райком ВКП(б) и исполком райсовета решили ввести на территории района обязательные поставки молока и яиц на колхозные и единоличные дворы в соответствии с существующим законом. Все заготавливаемые нами продукты будут выдаваться воинским группам и партизанам в соответствии с нормами Красной Армии, бесплатно» [12, с.126]. На деле это выглядело так: дятьковский райком распорядился «отпустить партизанским отрядам и воинским группам 30 тонн картофеля без оплаты из заготовленного в колхозах Дятьковского района в порядке госзакупа следующим отрядам: Дятьковскому партизанскому отряду — 60 тонн; Бытошскому партизанскому отряду — 20 тонн; партизанскому отряду Шестакова — 5 тонн; группе тов. Простякова — 5 тонн» [12, с.106].

Трубчевский райком ВКП(б) тогда же распорядился: «Предложить председателям сельсоветов и колхозов организовать сбор семенных материалов у населения и оказать помощь семенами семьям красноармейцев и красных партизан. <...> Обязать председателей сельсоветов и председателей колхозов обсудить вопрос на собрании колхозников о посеве участков земли в фонд обороны» [12, с.124]. По подсчетам Т.К.Дандыкина в мае-июне 1942 г. партизаны собрали с трубчевских крестьян 140 тонн хлеба, 49 тонн мяса, 18 центнеров сливочного масла и 60 тысяч яиц. А помимо этой, как бы обязательной, поставки, в том же Трубчевском районе по чрезвычайному сбору в фонд обороны с крестьян взяли еще 1149 пудов хлеба, 122 кг масла и 13 тыс. яиц [5, с.153] ...

Но кроме натуральных восстановленная советская власть устроила и до войны-то почти безденежным крестьянам как раз чрезвычайные денежные поборы. 13 апреля 1942 г. на заседании бюро дятьковского райкома ВКП(б) постановили следующее: «1. Одобрить постановление правительства СССР о выпуске военного займа в сумме 10 миллиардов рублей, направленного на укрепление оборонной мощи СССР и окончательный разгром немецких оккупантов. 2. Обязать всех секретарей первичных парторганизаций и председателей сельисполкомов и поселковых советов провести собрания трудящихся и колхозников по вопросу реализации военного займа и порядка его размещения. 3. На основе проведения массово-политической работы обеспечить максимальное размещение займа за наличный расчет среди трудящихся — колхозников района, организовать политическую работу, чтобы каждый трудящийся колхозник приобрел облигации военного займа не менее как на 50 рублей с одновременной выплатой облигации...» [12, с.104]

Уже к 25 апреля 1942 г. в Дятьковском районе было собрано на этот самый военный заем 475 тыс. рублей наличными. Кроме того, в фонд обороны там же собрали еще 616 тыс. рублей, а в рабочем поселке Бытошь на постройку «комсомольского танка» местные жители сдали 155 тыс. рублей. Во втором, или Южном, «партизанском крае» за 10 дней с 5867 местных жителей на военный заем партизаны собрали 648 205 рублей, в Навлинском районе на постройку танковой колонны имени ленинского комсомола получили еще 15 186 рублей. Всего же в двух «партизанских краях» за два месяца в фонд обороны и на военный заем партизаны собрали, прежде всего, с крестьян 2, 5 миллиона рублей [5, с.117].

История «партизанских краев» при таких аппетитах их администрации оказалась недолгой. В мае – июне 1942 г. в Брянских лесах развернулась масштабная антипартизанская операция «Птичье пение» («Vogelsang»). В операции немцы использовали части своих 339-й и 707-й пехотных дивизий – в общей сложности около 12,5 тыс. штыков [23]. Уже 18 мая 1942 г. в 16 часов 30 минут «без оказания [партизанами] серьезного сопротивления» немцами был занят поселок Бытошь [24]. В ночь на 6 июня, согласно советским документам, части немецких пехотных дивизий при поддержке танков, артиллерии и авиации начали общее наступление на Дятьковский район [18, с.258]. Утром 7 июня, в 7 часов 20 минут они без боя взяли Дятьково, на следующий день в 9 часов 30 минут вошли в Ивот, а еще через 15 минут заняли Старь. Чины 339-й немецкой пехотной дивизии докладывали о том, что в ходе операции в Дятьковском районе с 6 по 10 июня 1942 г. ими было расстреляно 367 и взято в плен 54 партизана [25]. А несколько позже – 15 июня 1942 г. – были схвачены и расстреляны немцами председатели дятьковских колхозов «Дубрава» Д.Т.Валяев и «Красное знамя» М.С. Фабричева. Южный «партизанский край» немцы зачистили 16-30 сентября 1942 г. в ходе антипартизанских операций «Dreieck» («Треугольник») и «Viereck» («Четырехугольник») [2, с.139].

Однако ни партизаны, ни их коммунистическое начальство политики своей по отношению к крестьянам не поменяли. 12 февраля 1943 г. 13-я и 48-я армии советского Брянского фронта начали наступление и к 24 февраля вышли на рубеж Новосиль — Малоархангельск — Рождественское. 25 февраля войска Центрального фронта: 65-я общевойсковая и 2-я танковая армии ударили по немцам из-за левого крыла Брянского фронта на северо-запад в направлении на Брянск — Смоленск и к 6 марта вышли на рубеж Рождественское — Суземка. 2 марта части РККА заняли Севск. Тогда, между прочим, в боях против Красной армии приняли участие подразделения сформированной в Локотском округе Русской освободительной народной армии (РОНА) [7, с.210-213]. Несмотря на кратковременность этого военного успеха, коммунисты тут же принялись восстанавливать базовые для своего режима институты. 5 марта 1943 г. Суземский райком ВКП (б) и исполком райсовета депутатов трудящихся распространил среди жителей района обращение, в котором, среди прочего, говорилось: «Героическая Красная Армия во взаимодействии с суземскими партизанами освободила трудящихся нашего района от ига гитлеровских мерзавцев. <...> Немедленно возьмемся... за восстановление колхозов...» [12, с.367]

Между тем, 21 марта обескровленные в жестоких боях советские войска Центрального фронта перешли к обороне по линии Мценск — Новосиль — Брянцево — Севск — Рыльск. Утром 27 марта Севск был советскими войсками оставлен [18, с.266].

* * *

Но, может быть, крестьяне на оккупированной немцами территории больше всего на свете хотели возрождения колхозов, как это сплошь и рядом утверждали советские авторы? Посмотрим, как обстояло с этим дело в Брянском крае уже после окончательного прихода сюда в сентябре 1943 г. Красной армии, а вслед за ней и всех прочих атрибутов советской

власти. Вот что пишет о тех временах Сергей Кузьмич Лузик, 1921 г.р., 20 лет отработавший директором школы в своем родном селе Катичи Новозыбковского района Брянской области (в войну это Клинцовский округ), потом занимавший должность секретаря комитета коммунистической партии в колхозах им. Ленина и «Коммунар», а также председателя новозыбковского городского и районного совета ветеранов войны, труда и вооруженных сил СССР. В с. Катичи немцы колхоз распустили. После ухода оккупантов, в октябре 1943 г. в село приехал секретарь новозыбковского горкома ВКП(б) Г.И.Гордеенко для того, чтобы «вручить колхозникам на общем собрании акт на вечное пользование землей. В одной из уцелевших хат собрались женщины. Они знали Гордеенко как комиссара партизанского отряда им. Спартака и секретаря подпольного райкома партии. После выступления секретаря в хате повисло безмолвие. Гордеенко воспринял молчание, как согласие с его предложением о восстановлении колхоза и предложил проголосовать.

И тут началось.

— Акт нам не нужен!

— Колхоз, в котором наши спины трещат от работы, а получать на трудодни нечего - нам не нужен!

— В колхоз не пойдем!

Собрание затянулось, Женщины не отступали. Гордеенко поставил вопрос на голосование. Лишь несколько рук потянулось за принятие акта.

Встретив противодействие, Гордеенко перешел к уговорам:

— Одумайтесь! Рядом фронт, а вы против колхоза. В дни немецкой оккупации вы нам, партизанам, хлеб пекли, давали молоко. Все ждали Красную армию. А теперь? Разве возможна советская власть без колхоза?

— Мы не против советской власти. Советская власть — это наша власть, но не желаем работать за палочки (так называли трудодни).

— Сами-то денежки получаете!

— Кто вас так настроил? — возмутился, обыкновенно уравновешенный Георгий Иванович и вытер со лба пот. — Это же настоящая контрреволюция.

Женщин считают слабым полом. Но не такой уж это слабый пол.

— Не пугайте. Мы, русские бабы, пуганы и перепуганы. Немцы сожгли село, мужья ушли на фронт. Чем будем кормить детей? Земля должна принадлежать крестьянам. А колхоз, если он вам хорош, берите себе в город. Пошли, бабы! Стадо идет, надо коров встречать.

Женщины с шумом разошлись. Обескураженный секретарь горкома уехал. Это событие всколыхнуло всю округу. В село приехал представитель госбезопасности. Главными виновными антисоветского выступления определили Могилевскую Анастасию, Подольскую Анну, Нешитую Агрипину и Нешитую Марию. Суд *определил им по восемь лет тюремного заключения* (курсив наш. – Ю.С.). В селе без присмотра у каждой из осужденных осталось по трое детей» [11, с.120-121] .

Случай этот был не единичным. Ниже С.К.Лузик цитирует протокол заседания правления новозыбковского колхоза «Комсомолец» от 13 марта 1945 г.: «Слушали докладную записку бригадира бригады № 8 Казаковой К.Ф. о том, что гражданка Малашенко Анна порубала колхозные сани, чтобы они не достались колхозу. Пояснение: сани она взяла в колхозе в 1941 году при вступлении немцев. Постановили: Малашенко Анна во время немецкой оккупации была членом комитета мира и порядка, являясь ярким противником колхоза и советской власти и чтобы сани не достались колхозу, решила порубить. Считать: что это является фактом вредительства, а поэтому гражданку Малашенко Анну Ефимовну привлечь к уголовной ответственности как вредителя» [11, с.203] .

А вот какой рассказ о жизни в восстановленных колхозах записал в 2011 г. брянский фольклорист В.Д.Глебов в д. Кизиловке Погарского района Брянской области от местного крестьянина Николая Ивановича Антощенко 1929 г.р.: «Как немцы-то ушли, так колхозы опять начались. А разруха и голод такие тогда были, что и передать невозможно. И чегой только народ не натерпелся, чегой ён не ел тогда! Мякину просеивали, кору толкли. <...> Если, бывало, повезёт кому, так макуху пекли. <...> Хлеба-то тогда не было. Ее из картохи и коноплюшки делали – из конопляных семян то есть. Добавять в картоху, помнуть и пекуть. Какая-никакая, а еда. Сытно, вроде. Она многих тогда спасала... Так что? Думаете, коноплюшку-то легко достать? Как бы не так! Вообще-то конопли тогда много выращивали: из нее много чего делали – мешки, веревки, канаты. А в деревнях-то и полотно ткали... А головки у конопли отрывали и сушили, потом их шелушили, чтоб семя отделить. Его колхоз на олейню свозил, из него масло давили. <...> Его у нас раньше по трудодням давали. <...> Жрать-то тогда всем хотелось. Всё время только об еде и думали... Ну, мужики и бабы иной раз и при-таскивали тогда коноплюшку, семя то есть. Ну, как это? – приворовывали, что ли... А брали-то всего ничего, на разок только – граммов по сто (думали, что за такую мелочь не накажут). Как бы не так! Идут однажды бабы вечером, а навстречу председатель. Начал, как всегда, шмонать (обыскивать. – Ю.С.). Ну и нашел у одной в подоле чуток, разорался, акт составил. Судили бабу вскоре и дали ей 5 лет лагерей. Все жалели ее, да что от этого! Так и пропала тогда, не вернулась. А с детьми-то как, а? Всех в детдомы пораспихали» [10, с.226-227].

В описанном инциденте повторилась, ситуация начала 1930-х годов, когда в активном и пассивном сопротивлении колхозам частенько тон задавали женщины [15, с.426; 16, с.158-159; 22, С.168]. Повторилась она и еще в одном. Тогда, в 1930-х, брянские крестьяне бежали из родных мест на обезлюдевшую от голодомора Украину [16, с.479; 21, С.800-802]. Теперь их путь лежал гораздо дальше. Исполнявший в Локотском округе обязанности офицера связи с командованием сначала 2-й танковой, а потом 9-й общевойсковой армий Вермахта зондер-фюрер Артур Доллерт, после войны писавший под псевдонимом Свен Стеенберг, вспоминал, что с территории Локотского округа вслед за немцами эвакуировались в белорусский Лепель более 50 тысяч человек [19, с.93, 188]. Следующим шагом для многих было переселение в Польшу и Германию (Доллерт оценил первую партию переселенцев в эти страны в 35 тысяч человек). Много это или мало, если учесть, что к 22 июня 1941 г. в Локте проживало около 6 тысяч человек, а в Брасовском районе - 35 тысяч [1, с.68] ?.. Всего же территорию Брянской области покинуло вместе с немцами и, вероятно, далеко не всегда насильно, 160 тыс. человек. Так, по крайней мере, говорится в составленном 26 июля 1945 г. проекте записки отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) «О ходе репатриации, об устройстве на работу репатрированных граждан и об организации политической работы с ними», адресованной секретарю Г.М.Маленкову ЦК ВКП(б) [17, с.368].

К 15 июля 1945 г. из ушедших с немцами людей в Брянскую область возвратилось менее половины - 69007 человек, в том числе 11616 мужчин, 26268 женщин и 31093 ребенка [17, с.368]. Встретили репатриантов на родине совсем недружелюбно. В том же проекте записки от 26 июля 1945 г. сказано: «Председатель Брасовского райисполкома Брянской области т. Столяров на вопрос, как используются средства, отпущенные государством для оказания материальной помощи нуждающимся репатрированным, отвечает: “Давать-то им жалко, не стоят они этого”. <...> Второй секретарь Брасовского райкома ВКП(б) Брянской обл. т. Цыганков в беседе с работниками управления пропаганды о необходимости оказания помощи репатрированным и о политической работе с ними заявил: “Приехали изменники родины, которые нам покоя не давали, а мы с ними беседовать еще будем. Пойдут работать – ладно, не пойдут – не надо, уговаривать не будем”» [17, с.372, 376].

Жительница деревни Любошь (в 6 примерно километрах от Комаричей) Валентина Ивановна Поликарпова, 1933 г.р., вспоминала: «Вернулись из эвакуации с одним лишь меринном «Литым». Он был тягловой силой – вспахивали свои сотки, давали людям возить из Домаховского леса бревнышки на строительство хат. В 1945 году в Любоши «возродился» колхоз им. Жданова и «Литого» забрали в колхоз за так (безвозмездно)» [14, с.200]. Стоит ли удивляться, ввиду этого, такому замечанию из проекта записки отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) от 26 июля 1945 г.: «Особенно сильно проявляются антиколхозные настроения в Борисовском (Брасовском. – Ю.С.) районе Брянской области, который в период немецкой оккупации был местом вербовки полицейских» [17, с.374]? Правда, в областном центре, городе Брянске, настроения были такие же. Брянский рабочий Иван Виссарионович Павлов писал «по просьбе жителей Брянска, Брянск 1-2, Бежицы, Жуковки и Московско-Казанской жел[езной] дор[оги]» в газету «Труд» 1 октября 1945 г.: «В колхозах у некоторых не дали ни грамма рабочим на трудодни хлеба. Чем им питаться? Рой сам себе могилу пока еще талая земля. Да что с того, что дают в городе карточки. Их отоварить не каждому удается. Большинство продуктов пропадает: сахар, крупа, соль, мыло, масло и т.д. – позабыли, когда получали, так что снабжение отвратительное. Колхозники не один не доволен колхозами, они говорят, что если бы не было колхоза, мы бы жили – деревни, села и города. Сало с салом ели б» [17, с.283] ...

* * *

Пользуясь возможностью, автор выражает глубокую сердечную благодарность немецкому историку доктору Себастьяну Штопперу за любезное разрешение использовать найденные С.Штоппером в архивах Германии, но пока не опубликованные документы.

Библиографический список

1. Александров К.М. Причины и условия возникновения Локотского окружного самоуправления в юго-западных районах Орловской области осенью 1941 года // Военно-исторический архив. 2011. №10 (142). С.52-72.
2. Армстронг Д. Партизанская война. Стратегия и тактика. 1941-1943 / Пер. с англ. О.А.Федяева. М., 2007.
3. Даллин А.В. Бригада Каминского / Перевод с англ. А. Жукова и М. Кожемякина. М., 2011 // <http://zadocs.ru/download/literatura-25449/25449.doc>
4. Дандыкин Т. Непокоренные колхозы // Блокнот агитатора. (Брянск.) 1986. №9-10. С.20-23.
5. Дандыкин Т.К. Страницы подвига. Военно-хозяйственная и политическая деятельность коммунистической партии в партизанских краях и зонах центра России (1941-1943 гг.). Тула, 1979.
6. Дробязко С.И. Локотской автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия // Материалы по истории Русского Освободительного Движения. Вып. 2. М., 1998. С.168-216.
7. Ермолов И.Г. Русское государство в немецком тылу. История Локотского самоуправления. 1941-1943. М., 2009.
8. Жуков Д.А., Ковтун И.И. 29-я гренадерская дивизия СС «Каминский». М., 2009.
9. Исаков Н.П. Так сгинула бы чума. О борьбе органов НКВД-МВД с политическим бандитизмом в Брянских лесах. Документально-художественная повесть. Брянск, 2014.
10. Легенды, предания, устные рассказы Брянской области / Сост., вступ. статья, подгот. текстов и прилож. В.Д.Глебова. Брянск, 2012.
11. Лузик С.К. Отчий край. Документы и факты из истории Новозыбковского района. Новозыбков, 1992.
12. Партизаны Брянщины. Сборник документов и материалов. Брянск, 1962.
13. Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник / Составитель К. М. Александров. СПб., 2011.

14. Прохоров В.Е. Сермяжные истории. Брянск, 2009.
15. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 3. Кн. 1. / Под ред. А.Береловича, В.Данилова. М., 2003.
16. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 3. Кн. 2. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2005.
17. Советская жизнь. 1945-1953 / Составители Е.Ю.Зубкова, Л.П.Кошелева, Г.А.Кузнецова, А.И.Минюк, Л.А.Роговая. М., 2003.
18. Соловьев Ю.П. Партизанский генерал Михаил Ильич Дука // *Studia internationalia*. Материалы IV международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X-XX вв.» (1-3 июля 2015 г.). Брянск, 2015. С.249-280.
19. Стеенберг С. Власов / Пер. с нем. И.Сабуровой. Мельбурн, 1974.
20. Stopper S. Das Brjansker Gebiet unter der Besatzungsherrschaft der Wehrmacht 1941 bis 1943. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doctor philosophiae (Dr. phil.) eingereicht an der Philosophischen Fakultät I der Humboldt-Universität zu Berlin. Berlin, 2012 // edoc.hu-berlin.de/dissertationen/stopper-sebastian-2012-07-09/PDF/stopper.pdf.
21. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. Т. 3. / Под ред. В.Данилова, Р.Маннинг, Л.Виолы. М., 2001. С.800-802.
22. Фаев Ю. Всемирная брянская история. XX век. [Смоленск,] 2010. С.168.
23. Приложение 1 к рапорту об операции «Vogelsang» от 11.07.1942 // Bundesarchiv, Abteilung Militärarchiv in Freiburg im Breisgau (далее ВА-МА). RH 26-339 (339. Infanterie-Division - 339-я пехотная дивизия) /25. (Предоставлено С.Штоппером).
24. Запись в журнале боевых действий № 6 штаба 339-й пехотной дивизии от 18.05.1942 // ВА-МА, RH 26-339/15. (Предоставлено С.Штоппером).
25. Запись в журнале боевых действий № 7 штаба 339-й пехотной дивизии от 07.06.1942 // ВА-МА, RH 26-339/22. (Предоставлено С.Штоппером).

Сведения об авторе:

Соловьев Юрий Павлович, кандидат филологических наук, профессор Московского психолого-социального университета, филиал в г. Брянске, yur.solovjev@yandex.ru

УДК 94(100)1939/1945+623.557(470.433)

А. М. Арещенко

ВОЕННЫЕ ОПЕРАЦИИ НЕМЕЦКОЙ АРМИИ ПРОТИВ ПАРТИЗАН: АНТИПАРТИЗАНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ «ЗЕЛЁНЫЙ ДЯТЕЛ» 1942 ГОДА

Аннотация. Статья посвящена анализу событий происходивших в районе юго-западнее Брянска, где находился Южный партизанский край летом 1942 года. В результате роста партизанской угрозы, немецкие власти предприняли в этом районе крупную наступательную операцию, что отразилось на судьбе партизанских формирований. Поэтому в статье, с опорой на архивные материалы, отражены события проведения операции и её результаты.

Ключевые слова: каратели, операция, отряды, партизаны, подразделения.

Areshenko A. M.

The military operations of the German army against partisans: anti-guerrilla operation "Green Woodpecker", 1942

Abstract. The article is devoted to the analysis of the events that took place in the region south-west of Bryansk, where the Southern guerilla territory was in the summer of 1942. As a result of the growth of the guerrilla threat, the German authorities conducted a major offensive operation in this region that had an impact on the guerrilla formations. Therefore, the events of the operation and its results based on archival materials are reported in this article.

Key words: punitive expeditioners, operations, detachments, guerrillas, subunits.

Изучение событий Второй Мировой войны является одним из основных направлений в исторической науке современности. Среди всех сюжетов войны важное место в изучении занимают события Великой Отечественной войны, в отечественной исторической науке её изучение занимает особое положение. Хотя с момента окончания войны прошло много лет, интерес к этой теме не ослабевает, по многим вопросам историки ведут оживлённые споры. В ходе войны немцами были оккупированы значительные территории СССР, многие регионы были под властью немцев несколько лет. На оккупированной территории была создана новая система управления, в том числе немцами была занята и территория современной Брянской области. Однако большой проблемой для оккупационных властей стали партизанские подразделения. Их действия нарушали работу созданной системы управления оккупированной территории, тем самым дестабилизируя обстановку в тылу немецкой армии.

В этом отношении, удобная географически, Брянская область стала местом появления многих партизанских отрядов, лесистая и болотистая местность лишала немецкие подразделения маневренности. Приток кадров в партизанские отряды стал следствием проводимой оккупационными властями политики. Особенно сильно на рост партизанских отрядов повлияли мероприятия немцев по регистрации всех жителей, проживающих в зоне оккупации. К проживавшим без прописки «новая администрация» начала применять штрафные санкции от денежного штрафа, до тюремного заключения. На Брянщине весной, летом 1942 года прошла вторая волна регистрации, которая ставила под угрозу свободу многих жителей [4. 52]. Из постановления Германской армии по городу Брянску следует: «В списки должны записываться только надёжные лица. Старосты, старшины и начальники районов несут личную ответственность за всех лиц, заносимых в списки жителей. Лиц ненадёжных передать ближайшей местной комендатуре или же сообщить ей о них» [1. Д.80, л. 32]. Поэтому всем, кто находился в населенных пунктах без регистрации, пришлось спасаться от наказания, отправляясь в лес.

Ситуация которая сложилась на территории современной Брянской области к лету 1942 года начала сильно беспокоить немецкое командование. Ряды партизанских отрядов пополнялись, а их действия становились все более угрожающими. До этого времени немец-

кие власти проводили мероприятия по борьбе с партизанами, но это не дало существенных результатов. Партизанская угроза росла, лесным мстителям удалось захватить ряд населённых пунктов и создать зоны, где немецкая власть не действовала. Партизанские рейды недалеко от крупных районных центров Локоть или Комаричи, а также нахождение значительных территорий Выгоничского, Трубчевского, Суземского, Навлинского района в руках партизан требовали срочных действий. Чтобы ликвидировать партизанскую угрозу, немцы начали проведение крупномасштабной карательной операции по всему массиву южных лесов Брянщины, где скрывались большие силы партизан. Данная операция получила кодовое название «Зелёный дятел» (Grünspecht) [5. 149].

Немцы начали проведение операции 10 июля 1942 года. Это следует из донесения на имя Емлютина от командира отряда Суземского района Ткаченко за 11 июля 1942 года: «Противник получил большое подкрепление живой силы и техники. Разведкой установлено, что 6 июля 1942 года на станции Брасово разгрузилось 2 эшелона немцев и маршем направились в районы: Шарово, Ольговка, Олешок и Добрунь. 10 июля 1942 года противник сосредоточил на этих участках 4 батальона мадьяр, которые стояли на стационарной обороне, около 2-х батальонов немцев, около 1-го батальона полиции, роту автоматчиков, эскадрон кавалерии и танковый батальон, вооружённый средними танками и бронемашинами, и нанёс удар сразу по нескольким пунктам: Игрицкое, Селечня, Кукушкино и Невдольск. Партизаны после упорных боёв эти районы оставили. Развивая наступление, противник захватил деревни: Теребиково, Подгороднюю Слободу, Устарь и Негино.

Партизанские отряды заняли оборону по опушке леса и удерживают оборону до сего времени. Отряды, находящиеся в районе дер. Алёшковичи и Шепетлево, вследствие создавшегося положения без боя отошли в район Суземки.

11 июля 1942 года противник начинает наступление на лес по направлению Красного Двора, по дороге Негино-Денисовка. Партизаны удерживают напор противника и удерживают занятые позиции» [2. Д. 175, л. 28].

Из данного донесения видно, что немцы, сконцентрировав значительные силы, при поддержке техники смогли в течение одного дня выбить партизан из нескольких населённых пунктов и начать продвигаться на северо-восток к участку железной дороги Суземка - Навля. Карательные силы оттеснили партизан к лесу, а в районе Теребиково, вклинились в лес. Отступив из ряда населённых пунктов, партизаны оставили важный продовольственный район. Отступление партизан из деревни Алёшковичи можно объяснить попыткой избежать окружения, в силу отступления подразделений партизан из Негино. Вероятно, замедление наступления карателей объясняется особенностями лесной местности. В таких условиях партизаны проще могли держать оборону, а использование техники карателями было затруднено.

Юго-западнее данных населённых пунктов противник начал наступать с 11 июля 1942 года, это следует из донесений, отправленных на имя Емлютина партизанами отряда им. Ворошилова № 2. Наступление развивалось в трёх направлениях: на Гварилова-Слобода, Старая-Гута, Белоусовка. Партизанские отряды начали отступать на север. «Под давлением превосходящих сил противника, который наступал до 500 чел., 2 бронемшины Зелёный-Гай, Гварилова-Слобода» [2. Д. 175, л. 36]. По сообщениям на 12 июля 1942 года, в результате паникерства командиров Середина-Будского отряда, партизаны покинули свои позиции и в беспорядке ушли по направлению на Ямное, Смележ [2. Д. 175, л. 35]. В ходе упорных боёв, согласно партизанской сводке, населённые пункты Гварилова Слобода, Новая Гута и Гварилов Хутор перешли в руки карателей.

17 июля 1942 года из партизанского отряда им. Ворошилова № 2 пришли донесения, в которых сообщается о продолжающемся наступлении карателей. В них сообщается о том,

что левый фланг отряда открыт в результате оставления без боя Суземким отрядом Суземских партизан. Таким образом, Гудзенко опасался выхода с востока карателей в тыл отряда. «Противник 15. 7. 1942 г. в виду открытых флангов вышел в тыл 2 батальону отряда. Батальон оказался в окружении, где не растерялся, а вёл бои в окружении с 8:00 16.7. 1942 г. до 21:00 16. 7.1942 г. Батальон полостью из окружения вышел» [2. Д. 175, л. 39].

Из этого следует, что наступление карателей было успешным и им удалось, оттеснив партизанские отряды, занять ряд населённых пунктов включая Суземку. Наступление с юга, заставило партизанские отряды отходить на север по направлению на Ямное, вглубь Брянских лесов. В свою очередь, стоит заметить, что партизаны были не готовы к такому развитию ситуации. Некоторые отряды не смогли оказать достойное сопротивление.

Разведка партизан установила, что на данном участке были собраны следующие силы: «Противник в трёх пунктах сосредоточил силы до 1500 чел. На вооружении которых установлено: 2 бронемшины, один средний танк, 18 автомашин и в районе Знобь-Новгородская около 200 подвод с боеприпасами, две автоматические пушки, большое количество полковых и батальонных миномётов, большое количество автоматов» [2. Д. 175, л. 57]. При этом здесь не учтены силы наступающие со стороны Суземки. Из этого следует, что плохо обеспеченным партизанским отрядам пришлось столкнуться с грозной силой, в лобовом столкновении с которой они были обречены на поражение.

Каратели продолжали наступать, и на участке юго-восточнее Суземки, были отмечены следующие действия: «В 6:00 16. 7. 42 года немцы и мадьяры до батальона повели наступление в Гаврилова слобода, хут. Монсов и Улица на первый батальон отряда. В 7:00 группа противника до 200 чел. Заняли пос. Грузская и Касалеров, где и повёл наступление на 1-й батальон, который был в обороне на опушке леса, что южнее Зелёный Гай 1,5 км и опушка леса, что сев. хут. Гаврилов. Отряд стал уходить к Новая Погощь» [2. Д. 175, л. 62].

Наступление продолжалось и уже 17 июля 1942 года каратели заставили партизан отойти в район Новая Погощь. Немцы продолжали давить на партизан в этом направлении. Из донесения также следует, что отряды, находящиеся на флангах, им. Чапаева и им. Буденного отошли без предупреждения в неизвестном направлении. При этом оборона вдоль железной дороги на пос. Нерусса от Суземки прикрыта небольшими отрядами со слабым боевым духом [2. Д. 175, л. 40]. Ранее в донесении шла речь о наступлении карателей в данном направлении. Обстановка говорит о слабой защите участка. Продвигаясь в данном направлении, в руках немцев оказалась бы железная дорога, а это позволит наладить сообщение между Брянском и Серединной-Будой, через Суземку.

Относительно обстановки на участке наступления немцев, между Суземкой и станцией Нерусса, можно судить по донесению Белясова. В котором сообщается, что 14-15 июля 1942 года подразделения из немцев, мадьяр и полиции были сосредоточены в населённых пунктах Игрицкое и Селечня, численностью до 1300 чел., и совершают попытки наступления вглубь леса на участке Теребиково. Подробности боёв в сводке не сообщаются, однако в донесении говорится об артиллерийском обстреле позиций партизан.

Из этого следует, что каратели, сосредоточив значительные силы на юго-восточном участке территории занимаемой партизанами, с севера от Навли в южном направлении на Суземку и далее на запад до Знобь-Новгородской, перешли в наступление. Их действия были успешными, и партизаны были вытеснены на запад и север вглубь Брянских лесов.

Приблизительно в это же время, каратели начали активные боевые действия и на другом участке территории занятой партизанами. После рейда партизан на западную сторону реки Десна в первых числах июля немцы начали преследование этих отрядов. Командир отряда им. Фрунзе, Хохлов, сообщает об отступлении его отряда за реку в районе Витемля (35

км юго-западнее Трубчевска). При этом украинские отряды отошли к Знобь-Новгородской, а отряд им. Чапаева и группа Сталинского отряда оставив другие отряды, ушли на север к Погару. Отряд им. Фрунзе, отойдя на восточный берег Десны 11-12-го июля 1942 года, стал препятствовать форсированию реки немцами. Немцы, встретив сопротивление, начали вести артиллерийский и миномётный огонь по позициям партизан в районе переправы. В такой обстановке, когда отряд остался один на этом участке, командир отряда сомневался в возможности удержать переправу [2. Д. 175, л. 31]. Тот факт, что отряды не объединенными силами стали оборонять переправу, а многие отряды просто ушли, говорит о плохой координации между отрядами и слабым командованием. В свою очередь, наличие крупных сил карателей вооружённых миномётами и пушками говорит о спланированной акции против партизан.

Кроме этого, в районе Рамасухи (25 км северо-западнее Трубчевска) каратели, начиная с 12 июля 1942 года, предприняли наступление со стороны Почеп и Красного Рога на юг. Из кратких донесений партизан отряда им. Фурманова становится ясно, что противник занял Котовку, Красную Слободу, Милечь и хут. Тизань. Силы противника не установлены [2. Д. 175, л. 10]. Карателям удалось захватить северную часть Рамасухских лесов, и таким образом закрыть от ударов партизан с юга участок железной дороги Почеп – Красный Рог.

Севернее Рамасухских лесов в районе посёлка Выгоничи каратели также готовили силы для наступления на партизан с севера. Из разведсводки отрядов Выгоничского района можно узнать следующее: «Противник сосредоточивает свои силы в селе Лопушь и селе Красноселье для наступления на населённые пункты, занятые партизанами Мякишево, Сосновка, Колодное и др.

На 13. 7. 1942 г. нашей разведкой установлено, в селе Лопушь находится украинский батальон и местная полиция около 200 чел. Имеют на вооружении: пушка 122 мм – 1, пушка 45 мм – 2, миномётов полковых – 1, ротных – 4, пулемётов станковых – 3, ручных – 6.

Немцев на ст. Выгоничи и пос. Кресты находится около 60 чел.» [2. Д. 175, л. 33].

Среди донесений на имя Емлютина, есть сообщения о авиаударе 14 июля 1942 года по деревне Ворки, а 15 июля 1942 года по – Алтухово. Сообщается, что акции прошли без потерь [2. Д. 175, л. 40]. Хотя других сведений об использовании авиации нет, следует заметить, что внимание к партизанам было проявлено значительное. Немецкое командование понимало, что просто так отмахнуться от партизан не удастся.

Сведенья, которые удалось получить, о ходе антипартизанской операции «Зелёный дятел» – отрывочны. По имеющимся данным нельзя восстановить всю последовательность происходящих событий, так как до конца неизвестно, как развивались события в 20-х числах июля. Но о результатах проведения операции можно судить по разведсводкам партизан.

Карателям удалось закрепиться на правом берегу реки Десна по направлению от посёлка Выгоничи до Трубчевска, где были начаты работы по созданию оборонительного рубежа [2. Д. 190, л. 15].

Это говорит о том, что каратели смогли закрыть выход партизанам в район Рамасухских лесов. Возможно в 20-х числах июля 1942 года, этот район был очищен от партизан. Согласно показаниям перебежчиков из подразделений майора Вайзе выясняется следующее: «16 июля полк выгрузился 1 батальон, 2 батарея и штабная батарея – ст. Почеп. Учебный батальон, 2-й батальон, и 1-я батарея Красный Рог, оттуда повели наступление в направлении Милечь, Плюсково, Юрово, Манцурово, Яковское, Уты» [2. д. 190, л. 22]. Значит, полк занимался прочёсыванием леса в районе Рамасухи, а нахождение сил данных подразделений вдоль правого берега реки Десна говорит в пользу успешного выполнения задачи.

Согласно данным партизанкой разведки карательные подразделения распложены в селе Лопушь, затем юго-западнее в деревне Мякишево, Сосновка, Переторги, Колодное,

Уручье, Уты, Яковск, далее на юг в Гнилёво, Остры Луки, Глинск, Селище. Активных боевых действий на данном участке не ведется, но по позициям партизан на левом берегу Десны производился артиллерийский огонь. Здесь проводились работы по созданию оборонительных позиций. На данном участке находились подразделения из немцев, полиции и легионеров приблизительно в 3000 тыс. человек, на вооружении у которых были пушки и минометы [2. Д. 190, л. 5, 11, 15, 22]. Вероятно, основной задачей для подразделений на участке Выгоничи – Трубчевск, была борьба с партизанами на правом берегу реки Десна в районе Рамасухи. Таким образом, это позволяло оккупантам лишить партизан продовольствия из данного района, а так же перекрыть доступ к участку железной дороги Почеп – Выгоничи и большаку Трубчевск – Выгоничи.

На востоке от посёлка Выгоничи, каратели контролировали участок железной дороги на Брянск. Силы подконтрольные немцам находились в Палужье, на станции Пятилетка. По данным на 1 августа 1943 года, значительные силы охраны находились в лесу и вели борьбу с партизанами [2. Д. 190, л. 1].

Из сообщений партизан становится понятно, что Синезёрки находятся в руках карателей. По информации на 8 августа здесь располагается гарнизон не менее 100 человек, на вооружении которых есть миномёты [2. Д. 190, л. 27].

Значительны силы противника, на 10 августа 1942 года, находились в Навле: «Навля – мадьяр 300 чел., немцев 100 чел., отряд карателей 70-50 чел., полиции 40 чел.

Район Навля – мадьяр 600-700 чел., немцев 100-150 чел., отряд карателей 250 чел., полиции 60-70 чел.

Вооружение: орудий 122 мм - 4 шт., 76 мм – 1 шт., 37 мм – 3 шт., 45 мм – 6 шт., пулемётов 28-30, батальонных миномётов 6 шт.» [2. Д. 190, л. 35]. Кроме этого гарнизоны противника были в населённых пунктах на участке железной дороги Синезёрки – Навля.

По направлению на юг на участке железной дороги от Навли к Суземке, по информации на 1 августа 1942 года сообщается: «посёлок Алтухово занят противником, численность которого установить не удалось» [2. Д. 190, л. 1]. Однако в протоколе допроса полицейского Коршунова Аркадия Петровича от 25 августа 1942 года сказано: «В наступлении на Алтухово принимали участия объединенные силы Локотского округа в составе: полиции 80 чел., мадьяр 200, немцев 30, танков 4-5, бронемашин 2-3» [2. Д. 190, л. 91]. В ходе операции объединенным силам, удалось занять ряд подлесных населённых пунктов и тем самым ограничить партизанские отряды в действиях.

Хотя в августе 1942 года в южных лесах Брянщины немцы прекратили активное наступление на партизанский край по всему фронту, в отдельных районах противник проводил локальные операции. Так было предпринято наступление на Кокоревку, на участке железной дороги Навля – Суземка. Из того же протокола допроса Коршунова Аркадия Петровича можно узнать, что: «в наступлении на Кокоревку 14. 08. 42 г. принимали участие объединенные силы Локотского округа совместно с немцами и полицией численностью около 1000 чел. Наступление вели немцы и мадьяры. Полиция собирала семьи по лесу и участия в бою не принимала» [2. Д. 190, л. 91]. Была ли железная дорога Навля – Суземка под контролем немцев сказать сложно, но согласно данным разведки партизан немцы приступили к восстановлению полотна на этом участке. Все же август месяц был относительно спокойным. Из сообщений партизан, в это время немцы активно занимались уборкой хлеба. По периметру территории занятой партизанами возводились оборонительные сооружения.

Подводя итоги летней операции против партизан, в южной части лесов Брянщины, следует привести слова из мемуаров Д. Емлютина: «Июль и август 1942 года вспоминаются целой полосой тяжёлых боёв. Чувствовалось, что гитлеровцы намеревались решительно рас-

правится с самым близким к Москве Партизанским краем» [3.66]. В результате первой крупной карательной операции против партизан в южном массиве Брянских лесов, немцам удалось добиться положительных результатов. Наступая по всему периметру зоны контролируемой партизанами, они смогли занять ряд населённых пунктов, в том числе и Суземку, при этом партизанам пришлось уйти вглубь леса. Например, в районе Рамасухи каратели смогли отвоевать целый массив леса, а партизан вынудили с боями уйти за Десну. В ходе операции партизаны были блокированы в лесах. Отнятые территории были для партизан важной продовольственной базой, а блокада леса не позволяла партизанам организовывать крупные рейды в соседние районы. Таким образом, и без того не простая жизнь партизан становилась ещё сложнее. Точных сведений о силах карателей, задействованных в операции, найти не удалось, но исходя из данных собранных партизанами и зафиксированных в донесениях и сводках, их можно оценить в 15000 тыс. человек. Для проведения операции были брошены отдельные немецкие подразделения, венгерские пехотные части, подразделения полиции, силы Локотского округа и добровольческий полк майора Вайзе. На вооружении карателей было несколько танков и бронемашин, в отдельных районах использовались грузовики, артиллерия и миномёты различного калибра, пулемёты и автоматы, кроме этого есть сведения об использовании авиации.

Хотя немцам удалось добиться положительных результатов, выполнить свою задачу по ликвидации партизан в этом районе им не удалось. Оттеснив партизан вглубь леса, карателям не удалось захватить все населённые пункты подконтрольные партизанам. Очаг сопротивления сохранился и привлекал новых борцов с оккупантами.

Библиографический список

1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 8 «Западный штаб партизанского движения. Информационно-разведывательный отдел. 1942-1943 гг.». Оп. 2, д. 80.
2. Центр документации новейшей истории Брянской области (ЦДНИБО). Ф. 1650 «Брянский штаб партизанского движения (1941-1943 гг.)». Оп. 1, д. 175, 190.
3. Емлютин Д. В. Шестьсот дней и ночей в тылу врага. М., 1971.
4. Ермолов И. Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941-1944. М., 2008.
5. Жуков Д. А., Ковтун И. И. Полицаи: история, судьбы и преступления. М., 2016.

Сведения об авторе

Арещенко Андрей Михайлович, магистрант 2 курса Брянского государственного университета им. акад. И. Г. Петровского, plyusia@bk.ru

УДК 94(100)1939/1945

М.Ю. Мисник, А.М.Паршикова

ПСКОВСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИЯ И НЕМЕЦКИЕ ОККУПАНТЫ (ПРОБЛЕМА КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА)

Аннотация: С началом Великой Отечественной войны на оккупированных немцами территориях происходит религиозный подъем среди русского населения. Ярким и уникальным примером такого явления духовного возрождения Русской Православной Церкви, гонимой в СССР, можно считать Псковскую Православную Миссию, действовавшую под руководством митрополита Виленского и Литовского Сергия (Воскресенского) в северо-западных областях СССР. В статье рассматривается деятельность Миссии в годы войны и отношения членов Миссии с нацистскими оккупационными властями.

Ключевые слова: Псковская Православная Миссия, митрополит Сергий (Воскресенский), миссионерство, оккупированные территории, Церковь.

Misnik M.Yu., Parshikova A.M. Pskov Orthodox Mission and German occupants (collaboration problem)

Abstract: With the beginning of the Great Patriotic War there is a religious upsurge among the Russian people in the territories occupied by the Germans. A bright and unique example of such a phenomenon of the regeneration of the Russian Orthodox Church persecuted in the USSR can be considered the Pskov Orthodox Mission under the leadership of the Metropolitan of Vilna and Lithuania Sergiy (Voskresenskiy) which functionated in the northwestern regions of the USSR. The article reviews the Mission's activities during the war years and the relations between the Mission members and the Nazi occupation authorities.

Keywords: Pskov Orthodox Mission, Metropolitan Sergius (Voskresensky), missionary work, the occupied territories, the Church

При изучении истории Псковской Миссии возникает много спорных вопросов, но главным «камнем преткновения» остается отношение самой Миссии к немецким оккупационным властям. Поэтому до сих пор опыт и значение трудов духовенства в северо-западных регионах в годы Великой Отечественной войны не изучены в полном объеме. Сохраняется устойчивое мнение о том, что любая легальная деятельность на оккупированной территории является проявлением коллаборационизма, в силу самого факта сотрудничества с оккупационной администрацией, в какой бы форме оно не происходило и какие бы цели не преследовало. Потому в отношении Псковской миссии неразрешимым остается вопрос – кем же были священники: предателями или мучениками?

Накануне Второй мировой войны нацистская Германия не имела четкой и окончательно сформулированной стратегии по отношению к Православной Церкви, и потому в руководстве Третьего рейха возобладала умеренная позиция до окончания военной кампании на Востоке. Таким образом, все отношение сводилось к положению, что «религиозную или церковную деятельность гражданского населения не следует ни поощрять, ни препятствовать ей. Военнослужащие Вермахта должны, безусловно, держаться в стороне от таких мероприятий» [10, с.157]. Немецкая оккупационная администрация должна была лишь терпеть на местах деятельность Русской Православной Церкви, при этом, не допуская «...никакого оформленного организационного слияния находящихся в стадии формирования церковных православных кругов» [10, с.158], но всячески содействуя расщеплению «...на отдельные церковные группы» [10, с.158]. Вместе с тем, военное руководство подготовило ряд инструкций, в которых признавалось возможным использование религиозного фактора для проведения пропаганды на занятых восточных территориях, так как авторитет Русской Православной Церкви был достаточно высок [10, с.161]. Однако, нужно помнить, что немецкая терпимость была явлением временным, и нацистское руководство скорее бы склонилось к окончательному искоренению православия как такового. Члены Миссии это прекрасно понимали, а по-

тому относились к новой власти, как к «меньшему злу» по сравнению с безбожным большевистским режимом, используя представившуюся возможность для миссионерских трудов и служению Богу. «Что немцы — зло, никто из нас не сомневался. Ни у кого из нас не было, конечно, никаких симпатий к завоевателям «жизненного пространства» нашей Родины. Глубокое сострадание и сочувствие к бедствующему народу, нашим братьям по вере и по крови, — вот что наполняло наши сердца», - писал в своих воспоминаниях протоиерей Алексей (Ионов), один из участников Миссии[9].

Образование Псковской Православной Миссии связано с именем Экзарха Прибалтики митрополита Сергия (Воскресенского). Как только немцы вошли в Прибалтику, митрополит Сергей сразу занял активную миссионерскую позицию на оккупированных территориях Прибалтики и части российских земель: Псковской, Новгородской, Ленинградской областей. На этих территориях проживали около 2 млн. человек мирного населения. В конце 1941 года стараниями миссионеров и православных псковичей в городе действовали уже три храма: Троицкий Собор, Варлаамовская церковь и церковь св. Димитрия Мироточивого. В конце 1943 - начале 1944 года численность действующих храмов выросла до восьми. Псковская Миссия пополнилась местными священниками, которые прибывали из лагерей. И уже к концу деятельности Миссии в ее составе было уже 175 священнослужителей. Причем, это были священники и Ленинградской епархии, и освобождавшиеся из тюрем и лагерей на оккупированной территории, и те, кого рукополагал митрополит Сергей из регентов, псаломщиков, церковных старост. Кроме того, митрополит добился у оккупационных властей, чтобы при Духовном монастыре в Вильнюсе были открыты богословские курсы для того, чтобы подготавливать священнические кадры для Псковской Миссии, которых катастрофически не хватало. Священникам приходилось окормлять несколько храмов сразу, и они совершали большие поездки по округам, служа в радиусе 30-40 километров. Если за первый год на территории, которую окормляла Псковская Миссия, открылось 220 храмов примерно, то к концу деятельности Миссии действующих храмов было уже около 400. В 1942 году по указу митрополита Сергия были возрождены округа, назначены благочинные, появился отдел по работе с молодежью, его возглавил отец Георгий (Бенигсен), организовав в Пскове церковные школы и приюты для детей. Главной направленностью Псковской Православной Миссии было не только возрождение храмов, но и миссионерская работа. Отец Кирилл (Зайц) садился на подводу и, объезжая приходы, где не было священников, совершал богослужение, служил молебны, отпевал умерших за многие годы, крестил, совершал Таинство брака, а вечерами отец Кирилл проводил миссионерские беседы, на которые собирались и старшее поколение, и молодежь. Члены Миссии помогали военнопленным, которым в немецком плену помощи ждать было неоткуда. Такие священнослужители, как отец Иоанн (Легкий), отец Алексей (Ионов) возглавляли общественные благотворительные организации, предметом заботы которых были беспризорные дети, больные, инвалиды. При этом Д.В. Пospelовский в своей книге "Русская Православная Церковь в XX веке" о Псковской Миссии пишет, что "...священники не получали жалованья и существовали исключительно на пожертвования прихожан» [7, с.207].

В период деятельности Православной Миссии в освобожденных областях России нацистская власть была лояльна к Церкви до тех пор, пока это не входило в противоречие с ее захватническими целями. Уже в первые дни пребывания в Пскове миссионеры на собственном опыте убедились в шаткости своего положения на оккупированной немцами земле. По воспоминаниям протоиерея Алексея (Ионова), священников поначалу пытались отправлять в лагеря на работы, но позднее в комендантуре членам Миссии выдавали удостоверения, позволяющие им свободное передвижение на оккупированной территории, совершение богослу-

жений и освобождение от принудительных работ, на которые мобилизовалось местное население. На закате войны в конце 1944 года немецкие власти отменили эту своеобразную «бронь» и признали возможным использовать православных священнослужителей в качестве трудовой силы.

Несколько человек — клириков Православной Миссии были отправлены нацистами в трудовые лагеря и на сооружение линий обороны. Такая судьба постигла отца Романа (Берзиньша), он был мобилизован немцами для рытья окопов в Баусском районе, а за попытку бежать был отправлен в Саласпилсский лагерь [5, с.97].

Псковские миссионеры отмечали, что в большинстве случаев немецкие военнослужащие и чиновники относились к Церкви и ее служителям благосклонно, достаточно «вежливо, но требовательно». При этом они могли входить во время богослужений, вести себя достаточно вольно. Но, несмотря на подобные эксцессы, неизбежные в военных условиях вражеской оккупации, сохранились примеры того, непривычный для немцев духовный подъем среди населения поражал немецких офицеров и солдат, вызывая у них чувство уважения, а подчас оказывая на них и умиротворяющее действие. В селе Велье Пушкиногорского района произошел один из таких ярких случаев спасения православного храма от разграбления и разрушения генералом Вермахта [1, с.36]. Уместно упомянуть здесь о сотруднике хозяйственного отдела В. Бруно, бывшем офицере русской царской армии. В годы оккупации Пскова он помогал священнику Георгию (Бенигсену) в снабжении продуктами воспитанников церковного приюта при храме св. Димитрия Мироточивого [6, с.24].

Следует сказать несколько слов о сущности германской пропаганды. Официальная нацистская пропаганда на оккупированных восточных территориях сводилась к нескольким основным тезисам:

1. Германская армия пришла для того, чтобы освободить народы СССР от коммунистического ига. Новый режим гарантировал возрождение частной собственности, возвращение земли крестьянам через уничтожение ненавистной деревне колхозной системы.

2. Германия принесет народам СССР свободу вероисповедания, выраженную, в том числе, в лояльном отношении к Русской Православной Церкви.

3. Победа Германии над СССР позволит народам восточных территорий приобщиться к высочайшим достижениям европейской, прежде всего немецкой культуры, и избавиться от варварства.

Немецкие отделы пропаганды в своей работе делали определенную ставку и на взаимодействие с Русской Православной Церковью. Одна из первых и, возможно, наиболее торжественных пропагандистских акций состоялась в Пскове 1 января 1942 года. Она была связана с передачей немцами чудотворной Тихвинской иконы Божией Матери, особо почитаемой в народе, Управлению Псковской Миссией. Во время боев, проходивших в городе Тихвине, загорелся монастырский храм, в котором в качестве музейного экспоната хранилась древняя святыня. Какой-то немецкий солдат, заметив древнюю икону, вынес ее из горящего здания. После этого образ был отправлен в Псков, так как именно там находился центр церковного управления в русских оккупированных областях Северо-Запада. В Пскове немцы передали икону на хранение протоиерею Николаю (Колиберскому), который в тот момент возглавлял Псковскую Православную Миссию. В конце 1941 года военный комендант города Пскова издал указ, по которому древнюю икону разрешалось использовать в богослужебных целях. В указе предписывалось пронести икону крестным ходом так, чтобы везде благодарили немецкую власть [3, с.107]. Подобный случай произошел и 27 ноября 1942 года в городе Риге, когда митрополиту Сергию (Воскресенскому), возглавлявшему Псковскую Миссию, были безвозмездно переданы 1026 церковных книг. Чиновник Рейхскомиссариата в своей речи по

случаю этого события показал те цели, к которым стремились оккупационные власти. Они рассчитывали, что посредничество возрождаемой Православной Церкви поможет добиться лояльности и поддержки германской армии со стороны местного населения. Он «отметил, что русскому народу Германия возвращает не только поправленную большевиками свободу веры, но и отобранное ими церковное достояние. Зная непримиримое отношение Церкви к большевизму и оказывая ей доверие, Германия вправе рассчитывать на то, что верующий русский народ высоко оценит подвиги освободительной германской армии и во всем окажет ей лояльную, деятельную, жертвенную поддержку» [2, с.22].

Весной 1942 года в Управление Миссией из Псковского отдела СД пришло предписание, согласно которому руководство Миссии должно было подготовить и распространить среди подведомственного духовенства циркуляр «О служении благодарственных молебнов в годовщину занятия немцами того или иного населенного пункта» [3, с.53]. О том, как проходили подобные «празднества» в других городах оккупированного Северо-Запада России достаточно подробно рассказывалось на страницах газет того времени, которые являлись основным средством нацистской пропаганды. Прочитываем некоторые характерные отрывки публикаций, не забывая, что в пропагандистских акциях желаемое порой выдавалось за действительное.

Газета «Псковский Вестник» оповещала своих читателей о том, что «в воскресенье, 21 июня, в православных храмах во всех освобожденных русских областях по распоряжению митрополита Сергия будут совершены торжественные благодарственные богослужения по случаю годовщины освобождения от коммунистического ига. В проповедях духовенство укажет молящимся на великий шаг Вождя германского народа А. Гитлера, решившегося положить конец коммунизму и связанному с ним террору. Во время благодарственного молебна будут помянуты Вождь германского народа А. Гитлер и его победоносная армия с призыванием на них Божьего благословения для окончательного уничтожения еврейско-коммунистического засилья» [8, с.3].

Все прервалось в начале 1944 года... Когда немцы начали отступать, прошло собрание Миссии, которое провёл епископ Иона, назначенный её главой после загадочного и неожиданного убийства митрополита Сергия (Воскресенского). Стоял очень важный вопрос: уходить с немцами или остаться на приходах, ожидая неминуемого ареста. Решение было принято - уходят с немцами только престарелые и немощные священники, которые заведомо не вынесут лагерной жизни. Все остальные выполняют свою миссию и служение до конца, остаются на своих приходах, по сути, пренебрегая своим спасением и своих близких, так как иллюзий никто не строил.

Возвращаясь к нашему первоначально поставленному вопросу, так кем же были священники Псковской Православной Миссии, хотелось бы для начала напомнить, что в первую очередь это был духовный процесс, а не политический, и значит давать оценки нужно не с точки зрения господствующей идеологии, а на основе моральных принципов, которыми руководствуются члены Церкви. Ситуация в стране на тот момент была такова, что легально существующая Церковь могла исчезнуть совсем. Агрессия нацистов принесла нашей Родине страшное горе и большие потери, но, как это часто бывает, вместе с горем и потерями пришло и исцеление. Оккупация территорий дала шанс Русской Православной Церкви для возрождения, это было началом преображения после страшных лет большевизма. Русский народ искал духовную опору, поддержку в страшных условиях войны. Людей не загоняли в храмы, они шли туда добровольно, тратя последние усилия на восстановление, и немецкая власть видела это, делая свой корыстный расчет. Миссионеры служили в чрезвычайно тяжелых обстоятельствах, чтобы вернуть веру русскому народу, чтобы возродить церковную жизнь. По-

этому трудно говорить, насколько действия и слова священнослужителей были всегда верны, но следует помнить, что за ними был духовно «изголодавшийся» народ. И это возрождение не иссякло и не кануло в лету. Большинство открытых Псковской Миссией храмов продолжили действовать и в послевоенное время. А потому следует помнить одну из важных христианских истин: «По плодам их узнаете их».

Библиографический список

1. Васильев М.Е., Васильева Т.М. Велье. История старинного псковского села Велья. Государственный мемориальный музей-заповедник А.С. Пушкина. Сельцо Михайловское. 2001.
2. Гримм И.Д. Божие Богу. Германия возвращает Церкви отнятые большевиками богослужебные книги // Православный Христианин. 1942. №5.
3. История Псковской православной миссии в документах. Введенский ставропигиальный мужской монастырь, Оптина Пустынь, 2017.
4. Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М., 2011.
5. Обозный К.П. История Псковской православной Миссии. 1941-1945 гг. М., 2008.
6. Полчанинов Р.В. Псковское содружество молодежи при православной миссии // Православная Жизнь (Приложение к «Православной Руси»), 2001. №1 (612).
7. Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995.
8. Псковский Вестник. 20.06.1942. №22(34).
9. Священник Алексей Ионов. Записки миссионера. [Электронный ресурс] URL: <http://ricolor.org/history/pv/46> (дата обращения: 11.06.2017 г.)
10. Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002.

Сведения об авторах

Мисник Мария Юрьевна – студентка 4 курса факультета истории и международных отношений, старший лаборант кафедры Отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, misnik-marija@rambler.ru;

Паршикова Анастасия Михайловна – студентка 2 курса магистратуры факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, plyusia@bk.ru

Первые шаги в науку

УДК 94(44)044

К.В. Егорова

«ТЕРРОР КАК ДОБРОДЕТЕЛЬ». ПРОБЛЕМА ТЕРРОРА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЛИДЕРОВ ЯКОБИНСТВА 1793-1794 ГГ.

Аннотация: Статья посвящена проблеме террора в период якобинской диктатуры. Рассматривается террористическая деятельность революционеров, а также анализируется сам феномен террора.

Ключевые слова: Французская революция, террор, Робеспьер, политика, мораль.

Egorova K.V. "Terror as virtue". A terror problem in representation of leaders of Jacobeans of 1793-1794.

Annotation: Article is devoted to a terror problem during Jacobin dictatorship. Terrorist activity of revolutionaries is considered, and also the phenomenon of terror is analyzed.

Keywords: French revolution, terror, Robespierre, policy, morals.

Складывание системы террора происходило постепенно. Неправоммерно говорить о том, что террор был действительностью лишь в период якобинской диктатуры. Нет, он имел место быть еще до прихода к власти якобинцев, ведь террор в любой революции это есть ни что иное, как акт правосудия. А поскольку история террора неотделима от истории самой революции, то его корни произрастали с начала Французской революции. Прежде чем стать политикой, узаконенной идеологией власти, террор был повседневной действительностью, которую составляли доносы и произволы чиновников, ставшие обыденным делом, расправы между различными общественными группами с их актами мести, насилия и жестокости. Другое дело, что в якобинский период лидеры партии поставили террор в порядок дня, узаконив его 5 сентября. Логичнее было бы сказать, что якобинская диктатура явилась той гранью, которая отделила политику «разумного» революционного террора от смертоносной утопии всеобъемлющего и неразборчивого террора. «Революция, подобно Сатурну, пожирает своих детей» - с этими пророческими словами оборвалась жизнь Верньо, выходца-революционера из Якобинского клуба, который разошелся во взглядах с правящими лидерами якобинцев.

Многие события в период якобинской диктатуры происходили именно с подачи главного идеолога того периода – Робеспьера. С его именем связаны жестокости, в которых, однако, сам он не участвовал; казни и «праведная гильотина», и именно он является человеком-символом большого террора. Каков же был этот человек? Его сестра в своих воспоминаниях пишет, что «ни на один момент мой брат Максимилиан не отступал от своих принципов. Когда все вокруг него менялись, он один оставался непоколебимым в своих убеждениях» [5]. По ее воспоминаниям мы можем судить и о других чертах его характера: упрям, честолюбив и горд, но в то же время скромнен и непритязателен; его невозможно обольстить деньгами, за что он и получил свое прозвище «Неподкупный». Она пишет: «Все знали мягкость его характера и чистоту его сердца, и каждому горячо хотелось его иметь в числе своих друзей» [5]. Однако же его политические соратники иначе видят лидера якобинцев, оценивая его как человека с желчным темпераментом и завистливой душой, которые предназначали Робеспьера для великих преступлений и который «в высшей степени обладал талантом ненавидеть и желанием подчинять себе» [9, с.14]. Необходимо отметить крайнюю фанатичность этого че-

ловека и преданность своим идеям. Однако его размышления о всеобщем счастье, добродетели, республике равенства без богатых и бедных и прочих подобных вещах представляли собой лишь возвышенную утопию, так как на практике Робеспьер не имел способа провести их в жизнь. Возможно, именно этот диссонанс между желаемым и действительным толкал его на путь насильственного насаждения своих идеалов; а в несогласных с собой он видел угрозу, в первую очередь своим политическим амбициям, а уже потом переносил это на общество в целом.

«Я – сам народ» - так позиционировал себя Робеспьер. Надо заметить, что это отчасти является верным, поскольку действительно проводимые мероприятия указывали на его приверженность народу, будь то Конституция с ее пунктом о праве сопротивления народа угнетению со стороны властимущих, или же политика введения всеобщего народного образования, или социальное обеспечение нетрудоспособных граждан, всё это создавало видимость союза с народом. Но не являлось ли это нечто иным? Не означало ли это, что Робеспьер+народ было лишь политической конструкцией, способной сделать все его утверждения легитимными? Ведь по этой формулировке народ не мог иметь более чем одну волю и более чем одну точку зрения, которые заключались именно в Робеспьере. Утвердить свою тождественность с народом означало присвоить себе право высказывать эту точку зрения: Робеспьер тем самым воспользовался непререкаемым авторитетом истинного мнения, которое устанавливало, кто принадлежит к народу, а кто – к его врагам. Очевидно, что враги народа были в то же время и врагами Робеспьера, а нападавшие на него становились врагами народа. Это было невероятно удобно, для того, чтобы осуществлять свои замыслы и идеи, мотивируя это волей народа.

Рассмотрим, как якобинские лидеры посредством народа провозгласили террор. В движении 4-5 сентября, так называемым «плебейском натиске», проявилось открытое требование народа к власти разрешить их проблемы с помощью террора. Но важно понять какого именно террора, а требовали они социального, террора против богачей, спекулянтов и всех тех, кто наживается на страданиях народа. И тут мы видим, как монтаньяры быстренько эту идею поворачивают в своих целях. В этот же день в Конвенте представители Якобинского клуба провозгласили: «Законодатели, поставьте террор в порядок дня!»[1, с.264]. Но теперь речь шла уже не о том терроре, которого требовал народ. Социальный смысл санкюлотского террора заменялся политическим. Поскольку якобинцы давно указывали на необходимость покарать Бриссо и других жирондистов, то очевидно, что террор предназначался не только для врагов революции, но главным образом для устранения политических противников. Монтаньяры опирались на народную веру во всемогущество террористических мер, чтобы получить в дальнейшем оправдание своей собственной политики. Все народные инициативы, которые подхватывали робеспьеристы, были заменены их собственной интерпретацией. Именно это стало началом узаконенного террора.

Однако мы должны иметь понятие о том, что машина террора включила свой мотор гораздо раньше. Связанно это прежде всего с созданием Революционного Трибунала 10 марта 1793г. и учрежденных вслед за ним Наблюдательных комитетов, главной функцией которых было выявление и арест «подозрительных». Под эту категорию могли подвести кого угодно, поскольку в декрете не было четко прописано, кого именно считать подозрительными и что считать преступлением, а довели такие расплывчатые понятия как «все заговоры...» или «все преступления, направленные против свободы, равенства и единства республики»[1, с.210]. Таким образом, открытию первого сезона игр со смертью поспособствовал как раз данный закон. Однако если в первые месяцы своего существования Трибунал выносил в среднем по 50 приговоров в месяц, то по мере централизации власти, начиная с осени,

деятельность трибунала резко усиливается и число осужденных до лета 1794г. составляло около 300. Многие историки считают, что монтаньяры перешли к усилению террора под давлением низов общества. Но факты говорят о другом. Еще 25 августа Робеспьер сам проявил инициативу и выступил в Якобинском клубе с речью о медлительности Революционного трибунала. В своей речи он пояснял: «Трибунал должен быть столь же активным, как и само преступление... Бесплезно собирать присяжных и судей, поскольку этому Трибуналу подсудно преступление одного лишь рода — государственная измена — и за нее есть одно наказание — смерть» [2, с.45]. Отсюда мы видим, что пыл в деле судов и казней произрастает не только среди народа, но и само правительство активно стремится к развязыванию террора.

Террор в политической сфере имел свое дальнейшее развитие и углубление в декретах об иностранцах и о подозрительных. По предложению Леонарда Бурдона 5 сентября 1793 г. Конвент, издал закон об иностранцах. Этот закон был вызван необходимостью обезопасить республику от шпионской деятельности агентов коалиции и от иностранцев-иммигрантов [13]. Закон против иностранцев был чрезвычайной мерой, необходимость которой диктовалась военными и политическими соображениями. Дальнейшим развитием этого закона явился декрет, изданный через 2 дня о конфискации имущества иностранцев.

Дальнейшему расширению террора поспособствовал закон 17 сентября «о подозрительных», который, как считает Генифе, открыл новую эпоху террора [11, с.215], и мы согласимся с этим, поскольку с осени количество казней стремительно взметнулось вверх. Он представлял собой революционную меру, призванную сыграть еще более важную роль в осуществлении политического террора по отношению к силам внутренней контрреволюции, которые, впрочем, зачастую были тесно связаны с внешними врагами [13]. Подозрительными объявлялись враги революции и республики, те, кого подозревали сами комиссары Конвента, родственники эмигрантов. Во втором пункте прописывалось, что подозрительными являются «те, кто своим поведением или связями, речами или сочинениями проявили себя как сторонники тирании, федерализма и враги свободы» [1, с.265] - на практике это существенно развязывало руки комиссарам. Например, в тюрьму была брошена торговка, которая на рыночной площади слишком громко сетовала на трудности нынешней жизни по сравнению со старыми временами, и сходных примеров уличения ни в чем неповинных людей было множество. Начальники вооруженных сил обязаны были арестовывать всех, на кого укажет Комитет, под страхом увольнения. В Париже комитеты заключали в тюрьмы без объяснения причин. В такой ситуации в число заговорщиков мог попасть каждый. Вообще, мания заговоров — характерная черта революционного менталитета. Идея заговора, которая позволяла перекладывать ответственность за насилие на чужую, внешнюю волю, стала спасительным снадобьем — она позволяла в случае необходимости убивать революционеру, оставляя его невиновным [12].

Все же, наряду с законом «о подозрительных» еще одной условной линией, разделившей революцию на время разумных мер и на время тиранических, можно считать законодательное оформление революционного правительства. Это и есть еще одна черта, после которой начинается ужесточение террора.

Политическую природу революционного правительства и необходимость диктатуры превосходно раскрыл Сен-Жюст в своей речи перед Конвентом. Доклад содержит не только идеи террора, но и освещает общие принципы управления экономикой, армией, продовольствием и страной в целом. Обосновывая необходимость установления революционного правительства, Сен-Жюст говорил: «Нужно полностью перестроить весь порядок управления, чтобы воспрепятствовать усилиям наших врагов вернуть нас к тирании... уничтожение всякого зла приведет к благу, и изобилие восстановится само собой» [3, с.102]. Также он разъяс-

нял, что правительство должно быть революционным, и оно не должно быть связано обязанностями соблюдать конституционные установления, а его главная задача - подавить врагов свободы любым путем.

Если подробно рассмотреть доклад Сен-Жюста, то можно обнаружить довольно много интересных идей, которые будут активно применять монтаньяры. Уже в начале своего выступления Сен-Жюст сразу обозначает будущую позицию революционного правительства. Какую? Ответ на это вопрос мы видим в его словах: «Свобода должна победить какой угодно ценой» [3, с.102]. Ради свободы оно пойдет на все, не чураясь никаких методов. Что примечательно, террор разрешалось применять не только в отношении контрреволюционеров и заговорщиков: «Нужно карать не только предателей, но и равнодушных; надо наказывать всякого, кто равнодушен к Республике и ничего не делает для нее» [3, с.102].

Говоря, об усиливающемся терроре, мы не можем не отметить зверства монтаньяров в мятежных городах. По мере того, как обновляется армия и высшее руководство, победы начинают становиться все более частым явлением. В начале осени был взят город Нант, с Вандейским мятежом было покончено в октябре, Тулон был взят в декабре. Но какой ценой было остановлено движение «непокорных» центральной власти? В Нанте имели место быть массовые затопления в Луаре. Заключенных связывали группами и грузили на баржи, а затем на середине реки топили по ночам. Каррье собственноручно подписал приказ о предании смерти без всякого суда и прочих формальностей 24 «разбойников», из которых двоим было 13, а двоим 14 лет [6, с.275]. Еще более страшной участи подвергся Лион. Комиссарами туда назначали левых экстремистов Комитета Колло д'Эрбуа и Фуше. Начались массовые казни – «обреченных связывали группами по 50-100 человек и стреляли из пушек картечью по этим стонущим скоплениям живой плоти, а особо крепких добивали саблями или закапывали живьем» [7, с. 234].

Разгул террора объясняется, прежде всего, упадком государственной власти. Когда революционное правительство было установлено, открылось время для его ничем не ограниченных действий, ведь всё, что оно предпринимало, должно было играть положительную роль в деле революции. Однако такая ситуация развязывает руки для преступления. Не всегда то, что хорошо для одних, является хорошим для других, тем более если это касается власти и общества. Вся суть заключается в этом положении: робеспьеристы не хотели понять, что их принципы и идеалы, следствием которых Франции был явлен большой террор, не могут быть полностью приложены к обществу.

Если террор летом-осенью можно было оправдать, поскольку мятежные города и контрреволюционеры, внешняя ситуация на фронтах, способствовали призыву крайних средств, то в 1794г. это оправдание уже не годилось, поскольку победы революционеров становились повсеместным явлением. Сейчас же террор очень незаметно меняет свою сущность. Политика революционного террора заменяется политикой террора моралистического. Мы можем наблюдать это в докладе Робеспьера 5 февраля, где он искусно совместил добродетель и террор, утверждая, что они взаимосвязаны и нераздельны в условиях революции: «Террор есть не что иное, как правосудие, быстрое, суровое и непреклонное, следовательно, он проистекает из добродетели. Он не столько особый принцип, сколько следствие общего принципа демократии, примененного к наиболее насущным потребностям отечества... Кто не питает ненависти к преступлению, тот не может любить добродетель» [2, с.113]. Стирается грань между политикой и моралью и это становится общей субстанцией, а в свою очередь такое смешение приводит к невозможности проводить различие между преступлением и добродетелью.

Следствием совмещения политических догм с моральными, а затем и постановка в превалярующее положение именно морали как оправдания террора, стал прериальский закон. Он не был поворотным моментом в истории террора, а лишь добавил новую главу в длинное повествование о революционном насилии, став еще одним порождением революционного менталитета [12, с.248]. Два покушения на вождей робеспьеристов стало поводом для принятия экстренных мер, имевших целью немедленно наказать виновных, а также пресечь другие возможные поползновения на робеспьеровскую власть, которая олицетворяла добродетельность и вела общество через потоки крови к всеобщему благу.

Обосновывая суровую данность нового чрезвычайного закона, Кутон представлял его как победу революционных идей, которые заменяют прежнюю систему судебных доказательств новой – системой моральных доказательств и делает внутреннюю убежденность единственным критерием для вердикта присяжных. По декрету, врагами народа, помимо реальных контрреволюционных личностей, объявлялись: «те, кто преследуют и клеветают на патриотов... извращает революционные принципы... те, кто пытается вызвать в народе отчаяние для того, чтобы помочь замыслам тиранов... кто пытается ввести народ в заблуждение и препятствует его просвещению»[4, с.108]. Без всякого подтекста прямо сказано, что данный закон будет преследовать цель морального очищения общества, т.е. террор с настоящих врагов революции сменил свое направление на уничтожение самого народа, который загрязнен извращенной моралью и пороками. В действительности же он был направлен в большей мере против тех, кто хоть каким-то образом не согласен с властью Робеспьера. Кутон говорит: «...наказание врагов родины должно следовать немедленно за их обнаружением; речь идет не столько об их наказании, сколько об их уничтожении»[4, с.106]. В последнем положении заключается вся суть данного закона: то был не закон правосудия, но закон искоренения.

Робеспьеровская мораль проявилась именно в этом законе. Для самого Робеспьера революция стала той силой, которая изменит общество и приведет к системе, где все есть благо, соответственно террор стал тем средством, которое освободит общество от привнесенной историей испорченности. В новой республике суть самого народа, гражданина, изменилась. Если раньше говорили, что всякий человек есть гражданин и имеет свои гражданские права, то теперь – гражданином являлся только истинный республиканец, полностью покорный данной власти, и защиту мог получить только он. Террор сейчас осмысливался как война добродетельного народа, против развращенных индивидов. Таким образом, данный закон призван был расчистить дорогу к созданию идеального общества без пороков.

Применявшийся отныне для выполнения нравственных задач революции, террор приобрел безграничный характер. Он более не имел цели, диктуемой внешними, объективными обстоятельствами, а приобрел субъективный взгляд робеспьеровской добродетели. После принятия декрета 22 прериала начался большой террор. Именовать его «большим» нужно не случайно, поскольку казни обрушивались на всё население, поражая без разбора все классы общества. Сравним число казненных. За период с марта 1793 года и до принятия прериальского декрета Трибунал вынес смертный приговор 1251 человеку. А за ничтожно короткий отрезок времени с 10 июня (22 прериала) по 29 июля (9 термидора) число гильотинированных показывало 1376 человек[8, с.257]. Такая огромная разница в числе жертв, прямо говорит нам в пользу одного – робеспьеристы, пытаясь создать общество с идеальными моральными ценностями, сами потеряли естественно-человеческий моральный ориентир.

9 термидора стало последним днем якобинской диктатуры с его неограниченным террором. Якобинский террор изжил себя как в глазах простого народа, так и правящей элиты и пал пресыщенный широкомасштабными расправами. Это действительно был наивысший пик революции, и ликвидация такой жесткой системы правления была неизбежна. Неизбежна по-

тому, что террор стал не просто атрибутом революции, он стал сущностью самой революции, ее неотъемлемой частью. Как больной зуб, не дающей человеку покоя, так и безграничный террор мучил французское общество, пока оно само не решилось выдернуть его с корнем. Большой террор, облеченный в робеспьеристскую мантию добродетели и был как раз тем больным зубом во всей французской революции.

Библиографический список:

1. Документы истории великой французской революции. Под ред. Адо А.В. М., 1990. Т.1.
2. Робеспьер М. Избранные произведения. М., 1965. Т. 3.
3. Сен-Жюст. Речи. Трактаты. М., 1995.
4. Сборник документов и материалов. Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента. Под ред. Лукина Н.М. М., 1927/
5. Шарлота Робеспьер. Воспоминания. Ленинград, 1925. URL: <http://archive.li/Yem0> (дата обращения: 22.06.17).
6. Матьез А. Французская революция. М., 1995.
7. Молчанов Н. Монтаньяры. М., 1989.
8. Ревуненков В.Г. «Очерки по истории великой Французской революции». Ленинград, 1989.
9. Тарле Е. В. «Революционный трибунал в эпоху Великой французской революции». Петроград, 1918.
10. Блуменау С.Ф. Колло д'Эрбуа во время якобинской диктатуры. М., 1972.
11. Генифе П. Политика революционного террора. М., 2003.
12. Генифе П. Французская революция и Террор // Французский ежегодник 2000: 200 лет Французской революции 1789—1799 гг.: Итоги юбилея. М., 2000.
13. Тонкова-Яковкина Р.М. Борьба течений внутри якобинского блока по вопросам максимума и революционного террора осенью и зимой 1793 -1794 г. В сб. «Классовая борьба во Франции в эпоху Великой революции». М., 1931.

Сведения об авторе:

Егорова Ксения Викторовна – студентка 4 курса факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского. ksu.egorova.bk@mail.ru

«ФРАКЦИЯ КРАСНОЙ АРМИИ» - ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ГРУППИРОВКА В ГЕРМАНИИ

Аннотация. В данной статье рассмотрена проблема студенческого восстания в Германии 1968 года. Студенческие мятежи прокатились по всей Западной Европе и Северной Америке. К числу наиболее известных и оказавших непосредственное воздействие на практику террористических организаций в разных странах мира можно отнести «Фракцию Красной Армии» в ФРГ, действующую в 1970-е-1990-е годы. Идеологическое влияние РАФ на аналогичные структуры делает ее наиболее влиятельной ультралевой террористической организацией в истории последней трети XX века. Поскольку проблема терроризма является одной из наиболее обсуждаемых в России и мировом сообществе, то, только проанализировав ошибки прошлого, мировое сообщество сможет их не допустить в будущем.

Ключевые слова: Фракция Красной армии, «аутсайдеры», радикализация, Франкфуртская школа, пропаганда, террор, городская партизанская война.

Lakhtikova S. A. "Red Army Fraction" - terrorist group in Germany

Annotation. In this article the problem of a student's revolt in Germany of 1968. Student's mutinies have swept across all Western Europe and North America. To number of the most known and the terrorist organizations which have made direct impact on practice in the different countries of the world it is possible to carry "Fraction of Red Army" to Germany operating in 1970-e-1990-e. Ideological influence of RAF on similar structures does it by the most influential ultraleft terrorist organization in the history of the last third of the 20th century. And as the problem of terrorism is one of the most discussed in Russia and the world community, having only analysed past mistakes, the world community will be able not to allow them in the future.

Keywords: Rote Armee Fraktion, «outsiders», radicalization, Frankfurt school, propaganda, terror, city guerrilla war.

С 1960-х гг. Федеративная Республика Германия считается государством с одним из наиболее многочисленных и активных леворадикальных движений в Европе. Начало 1960-х гг. отметилось бурными студенческими волнениями, сотрясавшими всю Западную Европу. ФРГ не стала исключением – здесь на улицы выходили многотысячные демонстрации студенческой молодежи, тон на которых задавали ораторы и пропагандисты ультралевых группировок. Одним из таких примеров является появления организации Фракции Красной Армии.

Первый фактор — последствия воссоединения с ГДР. Жители последней в материальном отношении были обеспечены гораздо хуже, чем их соотечественники из Западной Германии, вдобавок на востоке гораздо сильнее оказалась безработица. Это привело к внутренней миграции из восточной в западную половину страны.

Во-вторых, очень актуальной была и остается проблема миграции и ее последствий для немецкого общества. Сейчас в ФРГ проживает несколько миллионов эмигрантов из Турции — турок и курдов, причем многие из них принадлежат к турецким или курдским леворадикальным организациям. В Германии находятся крупнейшие в Европе представительства турецких и курдских леворадикальных групп.

Еще одной причиной, вызвавшей рост леворадикальных настроений среди собственно западногерманской молодежи, стало усиление политических позиций ультраправых партий. Рост влияния националистов вызывает ответную реакцию со стороны той части немецкого политического спектра, которая ориентирована на леворадикальные идеи: антифашизм, интернационализм и толерантность, гуманизм, поддержка сексуальных и национальных меньшинств.

Рассматривая социальный состав немецких ультралевых, отметим, что ведущее место в революционной борьбе занимал не пролетариат, а так называемые «аутсайдеры»: молодая интеллигенция и студенчество, иностранные эмигранты, национальные и сексуальные меньшин-

ства. Кроме студенческой молодежи и радикальных интеллигентов, в рядах немецких левых немалую долю составляли безработные молодые люди, как правило, выходцы из восточногерманских федеральных земель. Доля турецких, курдских или арабских эмигрантов в собственно немецких ультралевых группах была невелика, поскольку последние имеют свои многочисленные организации, также действующие на территории Федеративной Республики.

В 1968 г. происходит окончательная радикализация студенчества, связанная с протестами против войны во Вьетнаме, которую вели Соединенные Штаты, и против общества потребления. Как говорили студенты, «против потребительского террора», который был возвращен в Федеративной Республике Германия. Радикальные группы студентов поджигали торговые центры во Франкфурте, в Западном Берлине, чтобы показать, насколько ничтожным является потребление и общество потребления, которое выстраивается.

В резком неприятии перевооружения ФРГ, как и в протестах молодежи против вступления страны в НАТО, можно увидеть личностный момент. Многие из тех, кто поступил в университеты в середине 1950-х гг., выросли без отцов, родители многих погибли на войне. Те, кто уходил на войну как герои Рейха, вернулись побежденными. После разгрома национал-социализма молодежь, глядя на своих родителей, считала политику «грязным делом». Среди буржуазной интеллигенции, представители которой имели больше возможностей получить образование, подобные идеи получали все большее распространение. Встречи в университетах и знакомство с трудами Т. Адорно, Д. Лукача, Г. Маркузе обеспечили студенческое движение теоретической базой, в этих трудах виделось продолжение марксистских теорий, а так как марксизм являлся и признавался в Третьем Рейхе основным и достаточно опасным политическим противовесом национал-социализму, антифашизм студенческого движения наследуют ультралевые. К примеру, постоянное общение в семье будущего идеолога РАФ Ульрики Майнхоф с людьми, пострадавшими от нацизма, репрессии, затронувшие членов семьи, привели к постепенной радикализации взглядов У. Майнхоф.[4]

Особую роль в радикализации студенческих настроений сыграла Франкфуртская социологическая школа, которая была сформирована еще до 1933 г: Адорно, Хоркхаймер, Маркузе. Знаменитая работа Герберта Маркузе «Одномерный человек» становится «библией» студенческого радикализма, как раз направленная против капиталистического общества с его потребительством, отчужденностью, наемным трудом и так далее. Все это приводит к радикализации.

Так как эти радикальные настроения не смогли быть оформлены и каким-то образом институционализированы в рамках существующих легитимных систем, происходит формирование нелегальных организаций. Одной из таких организаций стала «Фракция Красной Армии» (*Rote Armee Fraktion, RAF*), которая возникла в 1968 г. 2 апреля 1968 г. Андреас Баадер, Гудрун Энслин, Торвальд Проль и Хорст Зонляйн взорвали бомбу в одном из магазинов во Франкфурте-на-Майне. Эту дату можно считать началом истории городской партизанской войны, которую немецкие ультралевые развернули против властей ФРГ. В 1970 г. Баадер, Энслин и примкнувшие к ним адвокат Хорст Малер и журналистка Ульрика Майнхоф создали группу Фракция Красной Армии, ставшую самой известной террористической организацией современной Германии. [1]

Поводом к переходу немецких ультралевых к террористическим действиям стало убийство 2 июня 1967 г. на демонстрации против визита иранского шаха 23-летнего студента Бенно Онезорга, вызвавшее бурю возмущения среди радикальной молодежи. А после того, как 12 марта 1968 г. полицией был убит Карл Кунц, покушавшийся на крупного бизнесмена, новые левые решили от демонстраций перейти к более экстремистским действиям.

В немецких СМИ эта организация часто называлась группой Баадера—Майнхоф или Бандой Баадера и Майнхоф. Её история насчитывает не одну смену поколений революционеров-террористов. Кроме этого, каждое новое поколение РАФ отличалось от предыдущего организационной структурой и изменениями в теории и практике ведения «борьбы за новый мир».

РАФ представляла собой сравнительно небольшую группу людей. Число лидеров, возглавлявших группу и занимавшихся активной подпольной деятельностью, за всю её историю с 1970-х по 1990-е гг. составляло от 60 до 80 человек. Число лиц, непосредственно не входивших в группировку, но оказывавших ей всяческую поддержку, составляло около 300 человек. В 1970 г. её профессиональный состав выглядел следующим образом: Журналист – 2 чел., юрист – 2 чел., студент – 8 чел., медсестра – 1, фотограф – 1, парикмахер – 1, автомеханик – 1, без определенной профессии – 1 чел. [5]. Символом РАФ стал пистолет-пулемет НК MP5 на фоне красной звезды.

В истории существования РАФ выделяют несколько периодов:

1. 1968 - май 1970 г. - фаза подготовки к активным выступлениям.
2. Июнь 1970 - июнь 1972 г. - первый состав РАФ.
3. Июль 1972 - 1980 г. - второй и третий составы РАФ.
4. 1980 - 1989 г. - РАФ в 80-е годы.
5. 1989 - начало 1990-х гг. - РАФ конца 80-х гг. - фаза смены ориентиров.[3]

История организации, которую также называют объединением, насчитывает 4 поколения. 20 апреля 1998 года группировка официально объявила о самороспуске.

Методы воздействия на общественное мнение, которые использовала РАФ, являлись по преимуществу открытыми и входят в традиционный инструментарий пропаганды. Это риторические приемы в воззваниях, выпускавшихся для обоснования терактов против тех представителей ФРГ, которые являлись, с точки зрения террористов, наиболее яркими представителями системы капиталистической эксплуатации. Важным аспектом коммуникационного воздействия является выбор жертвы, чья деятельность отождествляется с официальным политическим курсом ФРГ и НАТО. Используются негативные эпитеты и определения по отношению к жертвам терактов и самому государственному аппарату.

Популярным становится в пропаганде РАФ прием «блестящей всеобщности». Широко используются теоретиками РАФ ссылки в программных документах на теории идеологов «студенческой революции» 1968 г., таких, как М. Хоркхаймер, Т. Адорно или В. Райх. Группа приписывает себе качества советской Красной армии, заимствуя ее название и символику (намек и на массовость организации, и на цель ее вооруженной борьбы - достижение и защита социальной революции и победа над «латентным фашизмом» в ФРГ).[6]

Окружение РАФ выпустило большое количество плакатов, героизирующих группу, в том числе прибегая к популярному приему глушения массовой культуры и политической пропаганды. Самыми бескомпромиссными и радикальными методами воздействия на общественное мнение, помимо самих терактов, являются протестные голодовки террористов РАФ, примеру которых последовали ее сторонники в целом ряде крупных городов Западной Германии.

Отличительной чертой политической лексики РАФ стал термин «свиньи», под ним в зависимости от контекста подразумевали своих противников – полицейских, государство. Капиталистов, военных: «Свиньи захотели...», «Свиньи думали ...».[2]

Первый состав РАФ (июнь 1970 - июнь 1972 г.) перешел от политических дискуссий к террористической практике. Успехи первого состава РАФ, помимо эффекта неожиданности молодежных протестов для полиции, вызваны большей открытостью руководства РАФ для политических дискуссий по сравнению с последующими составами организации. Известность ключевых фигур первого состава (популярность У. Майнхоф как журналистки и поли-

тического деятеля, известность Х. Малера как адвоката поджигателей универмага «Кауфхаус» и т. п.) позволила РАФ на первом этапе своей истории наладить контакты с прессой, с Организацией освобождения Палестины, привлечь большое число сторонников и убедить их в обоснованности первых акций группы, которые связывались с антивоенным, антиядерным движениями и демократическим движением в целом. Первый состав РАФ приступил к террору, располагая широкой теоретической базой протестного движения.

На начальном своем этапе террористическая практика, осуществлявшаяся в соответствии с тактикой городской партизанской войны, также явилась неожиданностью для властей. Полиция оказалась во многом не готова к тому, что представители интеллигенции ФРГ начнут действовать методами палестинских террористов, поэтому на первом этапе терактов дискредитировала себя рядом ошибок, способствовав росту популярности РАФ.

Второй и третий составы РАФ (июль 1972 - 1980 г.), действовавшие после ареста руководства и наиболее активных террористов первого состава, изменяют цели организации. Меняется структура организации, большое значение приобретают группы симпатизирующих РАФ представителей радикальной молодежи, а также «почта» и «информационная система», благодаря которой арестованные террористы осуществляют связь с внешним миром (главным образом, через своих адвокатов). Через этот комплекс отношений первый состав РАФ смог стать центром борьбы, происходящей за пределами изоляторов и тюрем. В 1970-е гг. основной целью членов РАФ, находившихся на свободе, становится освобождение своих арестованных соратников, которое оттесняет на второй план саму леворадикальную пропаганду. Второй и третий составы РАФ продолжают в своем идеологическом противостоянии властям традиции первого состава. К этому времени уже вполне оформилась идеология РАФ как террористической группы и произошел переход от политических дискуссий ультралевой направленности к «примату практики».

Таким образом, в 1972 - 1979 гг., по сравнению с периодом деятельности первого состава РАФ, мы имеем дело с организацией, в еще большей мере ориентированной на практику терактов. РАФ во втором и третьем составах неуклонно теряет возможность легальных методов политической пропаганды.

В 1980-х - начале 1990-х гг. для преодоления общественной изоляции и в программных документах, и в практической деятельности РАФ делает упор на создание «единого антиимпериалистического фронта в Европе». В новых воззваниях группы не было никаких существенных расхождений с основными программными документами 1971 - 1972 гг. Снова РАФ видела себя в авангарде международной освободительной борьбы и ставила план антиимпериалистического фронта в центр своих рассуждений.[1]

Теракты 1980-х – начала 1990-х гг. обосновывались с помощью видоизмененной концепции антиимпериализма, направленной против ВПК, особенно против учреждений НАТО и области высоких технологий в военной промышленности. Также 15 января 1985 г. было объявлено о формальном объединении РАФ и французской ультралевой организации «Прямое действие». С арестом террористов из ответвления «Прямого действия», ориентированного на международную деятельность, стал очевиден провал попыток создания единого фронта западноевропейской городской гериллы.

К весне 1992 г. члены РАФ осознали, что продолжение вооруженной борьбы на базе прежней идеологии и в столь сложном положении невозможно. 10 апреля 1992 г. РАФ объявила о прекращении вооруженной борьбы. Отказ от активных действий объяснялся распадом восточного блока и окончанием «холодной войны», после чего стала видна невозможность создания единого антиимпериалистического фронта. Обнаруживается явная слабость идеологии РАФ. Ранее в государствах восточного блока ими виделся образчик бюрократического

государства. Теперь же, когда организация лишилась, прежде всего, поддержки левых на Западе, распад СССР послужил объяснением невозможности сплочения революционных сил. Реальная же причина кроется, главным образом, в отсутствии революционной ситуации в ФРГ в период деятельности РАФ, а также в уже упоминавшемся «примате практики» в деятельности самой организации.

После 1992 г. закончилась «вооруженная борьба» РАФ, однако некоторое время продолжилась пропагандистская деятельность в ее окружении. От имени РАФ публиковались воззвания вплоть до 1998 г., но их авторство до сих пор является предметом споров среди немецких исследователей.

Актов индивидуального террора у первого поколения РАФ было очень мало, в основном экспроприации и взрывы. 1 июня 1972 г. арестовали Баадера, Распэ и Хольгера Майнца, 7 июня Энслин, а 15-го -Майнхоф. Таким образом, летом 1972 г., в момент подготовки самого мощного своего покушения все руководящее ядро РАФ оказалось за решеткой. Остатки первого поколения были арестованы в начале 1973 г.

Возникает и другой центр терроризма второго поколения – «адвокаты РАФ», как правило это были друзья Хорста Малера. Особенно отличились двое из них, Клаус Круассон и Зигфрид Хааг – фактический руководитель второго поколения РАФ. Баадер и в тюрьме развернул бурную деятельность – через адвокатов руководил оставшимися на свободе бойцами РАФ, писал манифесты, составлял листовки, разрабатывал планы новых акций. В ответ на это тюремная администрация все ужесточала условия содержания и, тем самым, фактически подготавливала почву для новой РАФ. На волне сочувствия к заключенным РАФ в Гамбурге возникла новая организация «Комитет против пыток», из него вышли многие лидеры второго поколения. Можно отметить определенную закономерность – люди обращались к террору не просто под воздействием некоего импульса, а исчерпав все возможности что-либо изменить в обществе, действуя через легальные нетеррористические организации.

И все-таки первому поколению РАФ не удалось достичь своей главной цели – создать массу РАФов, развернуть тотальную городскую герилью против немецкого государства.

В тюрьме заключенные первого поколения РАФ регулярно объявляли голодовки, во время одной из таких голодовок 1974 г., на 83-м дне голодовки умер Хольгер Майнц. Его посмертная фотография обошла все газеты. До ареста это был красивый, здоровый парень, студент факультета кинематографии, ему не было еще 30 лет. И фотография мертвеца – огромная борода, заострившийся нос, лицо как у скелета, кажется что это столетний старик. На следующий день после его смерти председатель Верховного суда Западного Берлина Гюнтер фон Дрекман отмечал день рождения. В разгар праздника в дверь раздался звонок. Хозяин открыл – на пороге стояли две юные красавицы. Одна протянула ему букет роз, а другая достала автомат и изрешетила тело судьи. Это девицы из «Движения 2 июня» отомстили за смерть Хольгера Майнца. Это было одно из самых громких дел «2 июня».

В результате в 1977 г. вся Германия была поставлена на уши. 9 мая 1976 года в своей камере была найдена повешенной Ульрика Майнхоф. Это была незаконная казнь, а не самоубийство. Даже власти косвенно признали это, похоронив тело Ульрики в черте кладбища, на освященной земле. Ее провожали в последний путь 4 тысячи студентов в масках. Массовые демонстрации прошли в этот день по всей Германии, по Италии, по целому ряду европейских стран. Тогда смешанная палестино-турецкая террргруппа захватила самолет, угнала его в столицу Сомали Могадишу, и потребовала в ответ на освобождение заложников освободить ряд террористов и в т.ч. Андреаса Баадера. Израильские коомандос организовали штурм самолета, угонщиков захватили, а на следующий день в своих камерах в самой страшной тюрьме Германии – Штамхайм были найдены убитыми Баадер, Энслин и Распэ.

На подошвах ботинок мертвого Баадера обнаружили песок, идентичный песку Могадишо. В камерах были обнаружены оружие и радиоприемники, строжайше запрещенные тюремным режимом. Выяснилось, что у самых охраняемых преступников в мире под рукой хранился целый арсенал оружия, хотя каждого допущенного к ним адвоката тщательно обыскивали и чуть ли не рентгеном просвечивали. Всех их похоронили, как и Ульрику, внутри кладбищенской ограды, причем добивался этого лично бургомистр Штутгарта – Роммель, сын национального героя Германии Эриха Роммеля.[7]

Но история RAF не закончилась со смертью его основателей. В 1978 году совершает побег из тюрьмы Стефан Вишневский. В 1979 г. члены РАФ организуют в Бельгии покушение на главнокомандующего силами НАТО в Европе генерала Александра Хейга, а в 1981 г. покушение на командующего вооруженными силами США в Европе Фредерика Крезена – оба неудачные. В конце 1982 г. ядро руководителей РАФ второго поколения – Бригит Монхаупт, Адельхайд Шульц и Кристиан Клар – была арестована. Так завершилась деятельность 2-го поколения РАФ, действовавшего с 1977 по 1982 гг.

За арестом лидеров последовала целая цепь провалов, и лишь с 1984 г. начинается история третьего поколения РАФ. Центральными фигурами этого периода стали супруги Барбара и Хорст-Людвиг Майер, Людвиг Гранц, Биргит Хегефельд и Томас Симон. Новая РАФ взяла за правило с середины 1980-х и по 1991 г. включительно убивать раз в год какого-нибудь ведущего деятеля Германии (чиновник МИД, председатель концерна «Сименс», директор «Дойче банка» и др.). Но массового движения им вызвать не удалось.

В 1998 г., как известно, оставшиеся на свободе бойцы РАФ приняли решение о самороспуске организации, в связи с «изменившейся политической обстановкой». Но борьба продолжалась – стоило РАФ заявить, что они отказываются от индивидуальных покушений, как появилась целая серия новых организаций, прежде совершенно неизвестных. Наиболее известна среди организаций новой волны группа, практически дословно повторявшая лозунги RAF 1972 года – РАФ (Антиимпериалистические ячейки сопротивления имени Нади Зехада). Они организовали в 1995 г. покушения на двух видных христианско-демократических политиков Бланка и Келлера (к ним в квартиры были подложены бомбы), а также целую серию взрывов.

Таким образом, дело РАФ продолжается и сегодня. Многие бойцы германской «городской герильи» так и остались на свободе.

Библиографический список

1. Вэйг Т. «Телемечтатели: Фракция Красной Армии: 1963-1993». - Гродно, 2004.
2. Женин И. Левый терроризм в Германии (Электронный ресурс <http://postnauka.ru/video/42423>) Дата обращения: 16.09.2016.
3. Колпакиди А. Краткий курс истории RAF (Электронный ресурс <http://mikeshuv.narod.ru/Istoriya/raf.html>) Дата обращения: 16.09.2016).
4. Майнхоф У. От протеста – к сопротивлению. М.: Гилея, 2004.
5. Морозов И.Л. Политический экстремизм - леворадикальные течения. Учебное пособие для студентов и аспирантов. Волжский: Издательство ВФ МЭИ, 2002.;
6. Полонский И. РАФ и другие: ультралевые в послевоенной ФРГ. // Военное обозрение (Электронный ресурс <http://topwar.ru/64218-raf-i-drugie-ultralevye-v-poslevoennoy-frg.html>) Дата обращения: 16.09.2016.
7. Херрман Ф. Радикальные молодежные движения Германии // Неприкосновенный запас. 2008. №5 (Электронный ресурс <http://magazines.russ.ru/nz/2008/5/he17.html>). Дата обращения: 16.09.2016.

Сведения об авторе:

Лахтикова Светлана Александровна – студентка 5 курса факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, sesolnce2@mail.ru

ПРОБЛЕМА ЧЕРНОМОРСКИХ ПРОЛИВОВ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация: Статья посвящена международным отношениям, касающимся черноморских проливов накануне первой мировой войны. В работе кратко рассмотрены все переговоры, соглашения и договоры в период с начала XX века до 1914 года. Вопрос описан как со стороны стран Антанты, так и Тройственного союза, что позволяет дать полную картину событий того периода.

Ключевые слова: Первая мировая война, великая война, черноморские проливы, Босфор, Дарданеллы, Антанта, Тройственный союз, внешняя политика, Сазонов, Грей.

Nagorny A.A. The issue of Black Sea straits in international relations in the beginning of 20th century.

Abstract: The article is focused on the issue of Black Sea straits in international relations before World War I. The article contains brief annotation of all negotiations, agreements and pacts from the beginning of 20th century to 1914. This issue is reviewed by both sides of the conflict (the Triple Entente and the Triple Alliance) and it let the author to provide us with fair picture of international relations within a specified time period.

Keywords: World War I, great war, Black Sea straits, Bosphorus, Dardanelles, the Triple Entente, the Triple Alliance, foreign policy, Sazonov, Grey.

Черноморские проливы Босфор и Дарданеллы на протяжении всей истории имели важное геополитическое положение. Контроль над ними давал право прохода в Средиземное море, что могло значительно расширить внешнеполитическое, экономическое и военное влияние во всей Европе. Проливы часто вызывали международную напряженность, их статус часто подталкивал страны-соперницы к конфликтам, особенно в периоды ослабления той или иной державы.

Для Российской империи вопрос контроля проливов был одним из актуальнейших пунктов внешней политики. Прежде всего, через них шел огромный поток торговых судов, осуществлявших импорт товаров с юга страны. Также существовала проблема сообщения Балтийского и Черноморского флота. В связи с этим отечественные дипломаты постоянно обращали внимание на изменение статуса Босфора и Дарданелл.

Особенно эта проблема обострилась накануне Первой мировой войны. Образовались новые прибрежные государства – Румыния и Болгария. Также особую активность проявляли Англия, Германия и Франция, стремившиеся к увеличению своего влияния в стратегически важном регионе. Сейчас же, в связи с возвращением в состав России Крымского полуострова и севастопольской военно-морской базы, вопрос статуса проливов снова может стать актуальным, а потому следует обратить внимание на исторические особенности данного региона.

Данная проблема не слишком широко освещена в научной и публицистической литературе XX века, писать о ней начинают на рубеже столетий и в начале двухтысячных.

Целью данной работы является изучение проблемы черноморских проливов во внешней политике начала XX века.

В самом начале XX века вокруг проливов Босфор и Дарданеллы сложилась крайне сложная геополитическая обстановка. Их статус определялся Лондонской конвенцией 1841 года, а также Парижским мирным договором 1856 года, по которым был установлен принцип закрытия черноморских проливов для военных кораблей других государств. При этом в результате Лондонской конвенции 1871 года Россия и Турция имели право держать на Черном море неограниченное количество судов. Также, в этой конвенции также были прописаны дополнительные условия, по которым султан мог открывать Босфор и Дарданеллы в мирное

время для военных кораблей «дружественных и союзных держав», если в Стамбуле посчитают это необходимым [4.499].

Итогом стала примерно следующая ситуация: Российская империя имела право держать Черноморский флот, но вывести сего за пределы акватории данного водоема не могла из-за закрытого режима проливов. Открывались они только на время ведения Турцией военных действий, в остальную же часть времени Балтийский и Черноморский флот были разобщены.

Надеяться на значительное потепление русско-турецких отношений и, как следствие, проход военных судов по «дополнительным условиям», также вряд ли представлялось возможным. Этот пункт скорее был направлен против России, так как иностранные государства получили возможность представлять для нее военную опасность в черноморском регионе.

В целом, такое положение вещей полностью устраивало Англию. Ее флот оставался самым сильным в Средиземноморском регионе. Другие же европейские страны желали открытия проливов для военных и торговых судов всех государств и не хотели признавать особый статус прибрежных стран.

Проблема изменения режима проливов остро встала перед Россией во время войны с Японией в 1905 году. Черноморский флот не смог прийти на помощь 2-й эскадре Рожественского, потому что Англия, находившаяся в союзе с Японией, блокировала его проход через проливы [3.8]. После поражения в этой войне вектор внешней политики сместился на Ближний Восток. Русские дипломаты добивались выгодного для их страны изменения режима проливов, другие же государства не спешили с решением этого вопроса, а иногда и умышленно затягивали переговоры.

Проект министра иностранных дел России Александра Петровича Извольского состоял в получении согласия на проход русских военных судов через проливы при закрытии их для военного флота нечерноморских держав. Но он был вынужден отказаться от него, не желая усугублять переговоры, таким образом, отсрочив обсуждение вопроса изменения статуса проливов.

Важным событием, в ходе которого переговоры по Босфору и Дарданеллам вспыхнули с новой силой стал Боснийский кризис 1908-1909 гг. Российская дипломатия решила воспользоваться сложившейся ситуацией, чтобы обеспечить право проводить военные суда через проливы. Между Извольским и министром иностранных дел Австро-Венгрии Алоизом фон Эренталем начались переговоры по разработке соглашения. По нему Россия признавала бы аннексию Боснии и Герцеговины в обмен на согласие австро-венгерцев пересмотреть вопрос режима проливов. Однако, пересмотр Берлинского трактата 1878 года требовал собрания международной конференции.

Ситуацию усугублял также государственный переворот в Турции, который заставил российскую дипломатию форсировать события. Извольский надеялся, что при сделке с Австро-Венгрией Германия также не станет противодействовать. Франция являлась союзником Российской империи, а Великобритания выполнит положения, которые обсуждались в ходе переговоров 1907 года.

Однако, после аннексии Боснии и Герцеговины, ситуация на мировой арене резко обострилась. Сербия не признавала действий Австро-Венгрии и готовилась к войне. России же было необходимо отговорить ее от такого опрометчивого поступка. Вопрос проливов оказался тесно связанным с балканским кризисом.

Французские министры были недовольны выбранным Россией неудачным моментом для решения вопроса по проливам, а также возмущены переговорами с Эренталем за спиной

у союзников. Франция выступала за суверенитет Турции и советовала согласовать вопрос проливов с Британией.

Проект Извольского, составленный для переговоров с Лондоном, предусматривал открытие проливов для военных судов прибрежных государств Черного моря, если Порта находится в состоянии мира. Однако, не более трех военных судов за раз и с предварительного предупреждения Турецкой стороны [3.65].

Английские министры были солидарны со своими французскими коллегами и просили переноса обсуждения вопроса проливов на период, когда балканский кризис разрешится. Извольский же настаивал на продолжении переговоров. Тогда 17 октября 1908 года Грей вручил ему секретный меморандум, по которому английское правительство было согласно поддержать Россию в вопросе открытия проливов, но не только для прибрежных держав, но и для всех государств мира. Причем, как в мирное, так и в военное время [8.231-232]. Этот проект никак не мог быть поддержан российской стороной, потому что таким образом доступ к морским границам империи всех стран поставил бы под удар ее государственную безопасность.

Германия в данном вопросе безусловно находилась на стороне Австро-Венгрии, а в сложившемся мировом кризисе немецкие политики винили интриги Англии. Германия была оскорблена присоединением России к двойственному союзу, а потому крайне заинтересована в том, чтобы отказ по рассмотрению вопроса проливов пришел русским именно из Англии. Этот шаг значительно ослабил бы Тройственное согласие и усилил позиции союза во главе с Германией.

По итогам длительных переговоров в ходе Боснийского кризиса добиться пересмотра режима проливов так и не удалось. К тому же, Антанта продемонстрировала свою разобщенность по ряду вопросов, а также не способность сплотиться для решения важных геополитических проблем.

В 1911 году началась Итало-Турецкая война. Российская империя решила использовать этот конфликт для открытия проливов для собственного военного флота. Британия же хотела с помощью этой войны оторвать Италию от сложившегося Тройственного союза. Франция была солидарна со своими английскими партнерами. Страны Антанты официально объявили о своем нейтралитете в этом конфликте.

Российскими дипломатами был разработан план, по которому в обмен на отказ от привилегий на железнодорожное строительство в Северной Анатолии, оттоманское правительство дало бы согласие на проход русских военных кораблей через проливы без остановки. А также некоторые другие статьи. В дальнейшем проект дорабатывался и в него добавлялись еще положения. Турки приняли проект русских дипломатов, однако, ответ давать не спешили. Англия и Франция, как и раньше, были согласны лишь на открытие проливов для военных кораблей всех держав. Между тем, Турция стремилась к сближению с Англией, так как для победы в войне им нужен был сильный флот. Британия отказалась от союза, указывая на свой нейтралитет.

Тем временем, правящие круги Италии в 1912 году решили перенести наступательные действия в район проливов, чтобы принудить европейские державы к более активным действиям в Константинополе, чтобы убедить Турцию начать мирные переговоры. В ответ на итальянскую агрессию турки закрыли проливы. Порта рассчитывала на то, что европейские державы потребуют от Италии отказа от боевых действий.

Оба плана сработали. Торговые интересы России и Великобритании были затронуты, страны терпели значительные убытки. Под давлением великих держав Италия была вынуж-

дена сместить боевые действия в Эгейское море, а Турция открыть проливы. А позже был заключен и мирный договор.

Итало-турецкая война показала соперничество за экономическое и политическое влияние великих держав в Турции, а также подняла проблему пересмотра статуса проливов на новый уровень.

Следующей важной вехой в развитии этого вопроса стало образование Балканского союза и две последовавшие за этим событиями войны. Успехи Балканского союза в начале первого конфликта с Турцией обеспечили их стремительное продвижение к Константинополю.

Такой ход развития событий вызвал необычайную тревогу, прежде всего у русского правительства. Безусловно, России было не выгодно, чтобы проливы из рук ослабленной Турции перешли в руки более сильного оппонента. Министр иностранных дел Сергей Дмитриевич Сазонов решил воспользоваться сложившейся ситуацией для разрешения извечного вопроса касательно Босфора и Дарданелл. Россия была готова помочь Турции переброской войск, однако другие страны Тройственного соглашения выступали против таких действий.

Нерешенный вопрос черноморских проливов был залогом того, что Российская империя останется союзником Англии и Франции и выступит на их стороне в случае надвигавшегося вооруженного конфликта. Австро-Венгрия же решила пойти на сближение с Болгарией, что только усилило активность России по защите независимости Турции. Балканский союз теперь стал угрожать собственным Российским интересам.

Французов и Англичан крайне беспокоила возможность появления русского флота в Константинополе. В Лондоне вынашивались даже собственные планы по захвату этого турецкого города. Англичане относились к русским, как к непримиримым конкурентам в этом вопросе.

В итоге для решения вопроса в район проливов была направлена международная эскадра, которая должна была не допустить захвата этих территорий ни сторонами конфликта, ни иными государствами.

После подписания в 1913 году мирного договора, заключенного под давлением Англии, Турция потеряла все свои европейские территории, за исключением Константинополя. Однако, страны участники Балканского союза остались недовольны разделом территорий по условиям договора, что послужило поводом для Второй Балканской войны.

Поощряемая Австро-Венгрией Болгария 29 июня 1913 года начала военные действия против своих бывших союзников. Османская империя, стремясь к усилению и восстановлению былого величия, также ввязалась в конфликт и захватила Адрианополь. Российская дипломатия призывала страны всей Европы к морской демонстрации против действий турок. Однако, ни страны Тройственного союза, ни союзники по Антанте в итоге не поддержали идею России (Франция была согласна на подобные меры в случае выступления всех важнейших европейских держав, чего так и не случилось).

Тогда российская дипломатия стала намекать партнерам на возможность единоличных мер подобного характера. Англия заявила о том, что не будет препятствовать этим действиям, прекрасно понимая, что Германия и Австро-Венгрия не останутся в стороне при выступлении России против Турции. Однако, убедившись, что остался в одиночестве, Петербург отступил.

По итогам Балканских войн статус проливов также остался неизменным. Однако, они еще более обострили противоречия между двумя противоборствующими военно-политическими блоками, а также наглядно показали несогласованность позиций стран Антанты, особенно России и Великобритании.

Итог позициям стран Антанты в первой мировой войне был таков: Россия вступила в войну во имя сохранения свободы проливов, Франция – во имя сохранения Тройственного соглашения, которое являлось гарантией сохранения ею положений великой державы. Англичане же сражались за независимость суверенных государств и для того, чтобы помешать установлению германского господства на континенте [3.236].

Касательно стран Тройственного союза, Германия, как инициатор создания сначала Тройственного, а затем и Четверного союза старалась ослабить позиции своих оппонентов, играя в том числе и на имеющихся противоречиях внутри самой Антанты. В спорных моментах, касающихся изменения статуса проливов, немцы внешне поддерживали проекты Российской империи, при этом прекрасно понимая, что Великобритания не сможет пойти на предложенные уступки. Такое маневрирование вносило смуту в русско-английские отношения изнутри. К тому же, в мировом разладе немцы винили именно внешнюю политику Великобритании.

Австро-Венгрия также не упустила возможность воспользоваться вечной головной болью России и путем дипломатических уловок признать аннексию Боснии и Герцеговины в обмен на обещание поддержки в вопросе проливов. И опять же именно англичане оказались виноваты в срыве переговоров. Также австрийцы в период Балканских войн пытались поддерживать страны, желавшие получить контроль над Константинополем, обеспечив таким образом усугубление обстановки на международной арене. Страны Тройственного союза пытались запутать своих оппонентов, способствуя дальнейшему развитию конфликта на Балканах. В то же время падение Турции было им крайне невыгодно, скорее они хотели ослабить влияние своих противников в этом регионе.

В то же время немцы имели огромное влияние на саму Турцию, хозяйку проливов, посредством Берлинско-Багдадской железной дороги. Назначение ее состояло в том, чтобы благодаря доведению ее до Персидского залива отвлечь ближневосточную, индийскую и дальневосточную торговлю от торговли с Лондоном по морю, направив ее по суше – в Германию [2.32]. Эта железная дорога также была плотно связана с другими отраслями промышленности Германии, но что самое главное – она пользовалась поддержкой «Дойче банк». Он стал главным инициатором политики немцев в Турции. Влияние этого банка было достаточно велико, и оно год от года продолжало только расти.

Однако одним из важнейших шагов для создания Германско-Турецкого союза стала миссия генерала-полковника Лимана фон Сандерса. Кайзер стремился восстановить престиж германского оружия, поколебленный болгарами, сербами и греками, разгромившими учеников фон дер Гольца. Кроме того, он рассчитывал на военные заказы со стороны Турции [1.583]. По сути фон Сандерс должен был получить контроль над вооруженными силами Турции, реорганизовать их по немецкому образцу и превратить в единицу, послушную Германии.

Весной 1913 года Вильгельм II сообщил о планировании этой миссии Николаю II и британскому королю Георгу V. Монархи не возражали против этой миссии. В том числе и потому, что в Турции уже находился британский адмирал Лимпус, который занимался реорганизацией флота. Также англичане по просьбе турок предоставляли специалистов для преобразований в турецкой полиции и жандармерии. Потому миссия фон Сандерса считалась вполне логичным шагом.

Стоит отметить, что главы государств не знали, что немецкая миссия будет направлена именно в район Константинополя, что, безусловно, ставило под угрозу безопасность проливов. Таким образом, Германия получала господствующее положение на Босфоре.

Министерства иностранных дел стран Антанты выступили с нотами протеста. Россия просила перевести миссию фон Сандерса в другой регион. Англичане поддерживали эту точку зрения и рекомендовали настаивать на этих требованиях, желая накалить мировую обстановку. К тому же затрагивались их экономические интересы. Франция же полностью поддержала Российскую империю. Германия оправдывала свои действия тем, что они были вызваны исключительно просьбой Турции, которой немцы не смогли отказать в поддержке.

Миссия Лимана фон Сандерса продолжала свою работу в Константинополе, достичь консенсуса дипломатическим путем, казалось, не представлялось возможным. Россия начала готовиться к решению вопроса проливов военным путем, Британия и Франция старались ее сдерживать.

Между тем произошли некоторые изменения в позиции Германии. 14 января 1914 года Лиман фон Сандерс был произведен в генералы от кавалерии германской службы. На следующий день, он был произведен Портой в турецкие маршалы, что означало оставление им командования корпусом в Константинополе. По сути, эта уступка не меняла положение дел, Германия оставалась хозяином на Босфоре и Дарданеллах.

Таким образом Германия получила выгодные для себя позиции в Турции, обеспечила себе плацдарм в Черноморском регионе и имела под своим контролем, вымуштрованную по немецкому образцу, армию османов.

Вопрос Черноморских безусловно имел важное значение в политике европейских государств еще до начала Первой мировой войны. Решающее стратегическое значение они, безусловно имели для Российской империи и Турции. Для русских важно было иметь право прохода своих военных судов через Босфор и Дарданеллы, а также не допустить проход в Черное море флотилий иных государств. Турки же напротив хотели держать судоходство (если повезет, то и торговое) в проливах под своим полным контролем. На этой почве два образовавшихся военно-политических блока и пытались строить свои отношения, пытались склонить страны к союзу, обещая те или иные привилегии. Прийти до начала Первой мировой войны к какому-либо консенсусу великие державы не смогли, а потому итогом стали боевые действия в этом регионе.

Библиографический список:

1. Айрапетов, О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801 – 1914) – М.: Европа, 2006. – С.672.
2. Готлиб, В.В. Тайная дипломатия во время Первой мировой войны / пер. с англ. – М.: Издательство социально-экономической лит-ры, 1960. – С.604.
3. Лунева, Ю.В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1908-1914) - М.: Квадрига, 2010. – С.256.
4. Мартенс, Ф. Сборник трактатов и конвенций / Т. 15. - СПб.: СПб, 1898. С. 836.
5. Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. - Сб. документов. Тула: Аквариус, 2014. — С.960.
6. Россия и Черноморские проливы (XVIII-XX столетия). – Сб. статей. М: Междунар. отношения, 1999. — С.560.
7. Фей, С. Происхождение мировой войны / пер. с англ. – М.: СОЦЭКГИЗ, 1934. – С.388.
8. Grey, E. Twenty-five Years 1892-1916. – New York.: 1925. – P.797.

Сведения об авторе:

Нагорный Артем Андреевич – студент Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского, darking72aka32@yandex.ru

Историография

УДК 9.94, 271-9, 271.5

А. В. Федин

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИЕЗУИТСКОЙ МИССИИ В НОВОЙ ФРАНЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Аннотация. *Историография миссионерской деятельности Общества Иисуса всегда была в центре внимания исследователей как колониальной, так и религиозной истории раннего Нового времени. На современном этапе (XX – начало XXI вв.) эта тема весьма обогатилась новыми источниками и подходами к ее изучению. Вместе с тем, представляется, что изучение иезуитской миссионерской деятельности в Северной Америке, прежде всего, в культурно-историческом аспекте, все еще находится в формационном периоде своего становления и нуждается в дальнейшей разработке ключевых проблем ее истории.*

Ключевые слова: *иезуиты, миссионерская деятельность, Новая Франция, историография XX-XXI вв., этноистория, постколониальные исследования, интеллектуальная история.*

Fedin A. V. Modern historiography of Jesuit mission in first half 17th-century New France

Annotation. *The historiography of missionary activity of the Society of Jesus always was the focus of attention researchers both colonial, and a religious history of early Modern world. At the present stage (XX - the beginning of XXI centuries) this theme was rather enriched with new sources and approaches to its studying. At the same time, it is represented that studying of Jesuit missionary activity in the North America, first of all, in cultural-historical aspect, still is in the formation period of the evolution and requires the further working out of key problems of its history.*

Keywords: *Jesuits, the missionary activity, New France, 20-21th-centuries historiography, ethnohistory, postcolonial researches, intellectual history.*

Рубеж XIX-XX вв. стал важным переломным этапом для всей историографии колониальной истории Канады, и прежде всего, в изучении миссионерской деятельности иезуитского ордена. Основой этого перелома стал 70-томный английский перевод «Иезуитских реляций» и других документов миссии в XVII-XVIII вв. в 1896-1901 гг. Рубеном Голдом Твейтсом. Шампленовское общество в США продолжило работу в этом направлении, издав в первой половине XX в. на английском языке труды ранних исследователей Канады, в том числе, «Путешествия» С. де Шамплена (1922-1936) и Г. Сагара (1939), исторические сочинения М. Лекарбо (1907-1914), Ф. Дюкре (1951) и Дж.-Ф. Лафито (1974-1977), мемуары Н. Дени (1908) и К. Леклерка (1910), и проч. [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8]

Во-первых, историки получили доступ к громадному массиву документов, доселе почти не освоенном не только англо-, но и франкоязычной историографией. Появились сотни работ, опирающихся на эти источники, наиболее яркими из которых были труды иезуита Т. Дж. Кэмпбелла («Первые священники Северной Америки, 1642-1710» (1908-1913), «Иезуиты, 1534-1921» (1921) и др.) [9; 10]. В методологическом отношении книги Кэмпбелла, с одной стороны, продолжали традиции его клерикальных предшественников XIX в., демонстрируя биографический подход и явную симпатию к своим героям, но, с другой, содержали попытки систематизации богатого фактического материала, предоставленного опубликованными источниками, в общем контексте истории колониальной Северной Америки.

Во-вторых, эта обширная документальная коллекция стимулировала как археологические, так и этнологические изыскания на территории североамериканского Вудленда в первой половине XX в., весьма обогатившими исторические работы, конкретизируя и иллюстрируя данные документальных источников. Это вело к более объективным представлениям о ранней колониальной истории Северной Америки, преодолевая национальные или конфессиональные тенденции в историографии предшествующих периодов. Археологические раскопки в Гуронии, ведущиеся с 20-х гг. XX в. [11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18], этнографическое изучение индейских племен бассейна реки и залива Св. Лаврентия и Великих озер не только расширили знания историков о событиях первого контакта, одним из основных участников которого были иезуитские миссионеры, но впервые поставили задачу исследования самого этого контакта, его экономических, политических и, конечно же, культурных аспектов. Это было одной из важнейших предпосылок для становления современного этапа изучения иезуитской миссии в Северной Америке, связанного с использованием достижений культурной антропологии, этноистории и интеллектуальной истории.

Тема культурного контакта между французами и американскими индейцами одним из первых была рассмотрена А.Г. Бейли, заложившего основы этноисторического изучения канадских аборигенных народов [19]¹: в центре внимания исследователей впервые оказались не европейские версии контакта, а реакции и представления индейцев. Тем не менее, в своем подавляющем большинстве, знания об этих реакциях были получены из колониальных источников, прежде всего, иезуитских, поэтому новое поколение этнологов и историков стремилось критически осмыслить информацию об аборигенах, которую те содержали. Одновременно утверждались релятивистские подходы к изучению документов, требующие учитывать весь социально-экономический, политический и культурно-психологический контекст, в котором они создавались.

В *«Истории Новой Франции»* (1963-1983) франко-канадский историк Марсель Трюдель уделил закономерно большое внимание роли иезуитской миссии в исторических судьбах французской Америки. Полностью отказавшись от оценочных суждений о пользе или вреде присутствия иезуитов в Канаде, Трюдель попытался исследовать их миссионерскую деятельность как одну из стратегий европейского доминирования над туземным населением. С точки зрения Трюделя, эта стратегия себя не оправдала, так как не обеспечила достижения поставленной цели [20]. Тем не менее, на наш взгляд, историк не до конца раскрыл эту тему, фактически, не касаясь целей и задач, формулируемых непосредственно самими иезуитскими миссионерами, которые очень часто входили в противоречие с целями светских властей и методами их достижения.

Эти и другие исследования подготовили настоящий прорыв в изучении культурного контакта в ранней истории Северной Америки (и роли иезуитских миссионеров в нем), произошедший во второй половине XX века. Как в общих работах по истории Французской Канады (или Северной Америке в целом), так и в специальных исследованиях были сделаны попытки рассмотреть иезуитскую миссионерскую деятельность среди индейских народов именно как процесс взаимодействия культур, столкновения различных культурных установок и стереотипов, а также изучить результаты этого взаимодействия. Этноистики, как правило, подчеркивают релятивизм иезуитских миссионеров, их способность отклониться от строго европейской модели христианства, включая аспекты туземной культуры в свое миссионерское послание [21; 22]. Дискуссия в основном разворачивается по вопросу, был ли

¹ Первое издание – 1937 г.

этот релятивизм присущ иезуитской идеологии и практике изначально или возник в результате непосредственного опыта, приобретенного на миссионерских полях.

Первая точка зрения, с одной стороны, опиралась на длительную традицию исторических и религиоведческих исследований, рассматривавших орден иезуитов и его деятельность как нечто экстраординарное и не вписывающееся в рамки традиционной деятельности других институтов католической церкви. С другой, – была развитием тезиса Паркмена о национально-конфессиональных особенностях европейской колониальной политики в Америке: «Испанская цивилизация сокрушила индейца; английская цивилизация презирала и пренебрегала им; французская цивилизация приняла и оберегала его» [23]. Таким образом, французские иезуиты, являясь важнейшим элементом французской колонизации, демонстрировали в своей деятельности закономерные для нее черты вне зависимости от времени и пространства.

Американский историк Дж. Х. Кеннеди исследуя этапы развития франко-индейских отношений и представлений друг о друге их участников, стремился представить деятельность иезуитских миссионеров с точки зрения их времени. Он сосредоточился не столько на самих индейских народах, сколько на образах коренных жителей, созданных европейцами, представлениях миссионеров XVII в. о туземцах. Важным вкладом Кеннеди был тезис о прямом влиянии этих представлений на становлении миссионерского предприятия иезуитов в Канаде и его результаты [24]. С другой стороны, автор никак не отразил эволюцию этих представлений в контексте развития иезуитского апостолата.

Значительный вклад в понимание закономерностей и особенностей франко-индейского контакта внес канадский этноисторик Брюс Триггер, во многом переосмысливший существующие представления о его природе и результатах. Ревизионизм Триггера заключался в попытке создания более объективной истории европейской колонизации Северной Америки, с одной стороны, путем сравнительного анализа двух версий событий, европейской и аборигенной, с другой, – широко привлекая данные этнологии, археологии и других дисциплин, корректирующих сведения исторических источников. Специализируясь на изучении этнической истории и культуры гуронов, Триггер стремился понять ее специфику, сравнивая до-контактный и пост-контактный периоды ее развития. Неизбежно, одним из главных источников, к которым он прибегнул в своем исследовании, стали *Гуронские реляции* и другие документы иезуитской миссии первой половины XVII в. Триггер органично и квалифицированно дополнил их данными археологических изысканий в регионе Великих озер, создав широкую полотно этноистории гуронов, от их этногенеза до рассеяния в середине XVII в. [25]

В результате своих исследований, Б. Триггер пришел к выводу о во многом мифологическом представлении о ранней истории Канады, созданном работами авторов XVII-XVIII вв., развитом и дополненным новыми мифами историками XIX в. и сохранявшемся в исследованиях современных ученых. Называя период 1534-1663 гг. «Героическим веком» истории Новой Франции, Триггер, в первую очередь, подчеркивал именно этот мифологический аспект современной историографии ранней колониальной истории Северной Америки [26]. В результате сформировались определенные стереотипы и штампы, некритичное принятие которых серьезно искажало истинную картину тех отношений и процессов, которые существовали на Северо-Востоке в тот период. Так, относительно иезуитов, Триггер отмечал, что внешние аспекты их деятельности (вклад в географическое исследование континента, в социально-экономическое и культурное развитие французской колонии и, конечно, их миссионерская деятельность, акцентированная яркими событиями и личностями периода Ирокез-

ских войн), скрыли от исследователей истинную природу их воздействия на индейские народы, во многом способствовавшей их дальнейшему упадку или даже гибели.

В этой связи, одним из ключевых положений Триггера стал тезис о «культурном шоке», испытанным племенами гуронской конфедерации в результате контакта с французами, прежде всего, иезуитскими миссионерами. Они, жившие в течение нескольких десятилетий среди гуронов, своей деятельностью разрушили их образ жизни и ценности, сделав уязвимыми перед внутренними и внешними угрозами. При этом, Триггер, развенчивая мифы канадской истории, фактически следовал другим историографическим мифам, в том числе и «иезуитскому». Так, относительно миссионерской стратегии иезуитов, он считал, что они руководствовались собственной стратегией христианизации, созданной в Старом свете и мало изменявшейся на протяжении истории их деятельности в Канаде [25, р. 376-381; 26, р. 200-202, 296]. Эту точку зрения разделяет значительное количество современных исследователей [27, р. 44; 28, р. 195; 29, р. 309-317; 30, р. 19-20; 31, 67-92].

В рамках этого «перманентного» подхода остается и клерикальное направление в историографии иезуитской миссии в Канаде, которое не угасло и во второй половине XX в. Более того, используя новые идеи и достижения, которые развивались этноисториками и культурологами в это время (в том числе, значимость культурного контекста исследуемой эпохи), церковные историки активно продолжили изучение религиозных аспектов франко-индейского контакта. Наиболее влиятельными не только в церковной, но и в светской научной среде стали работы священника Объединенной церкви Канады Джона Вебстера Гранта и иезуита Люсьена Кампо.

В «*Зимней луне*» (1984) Грант нарисовал масштабную картину европейско-индейского контакта в XVI-XX вв. Как и большинство его светских коллег (и в противоположность клерикальным предшественникам), Грант констатировал ограниченный эффект миссионерской деятельности среди туземных народов Америки. Признавая высокое качество иезуитских конверсионных усилий и, соответственно, искренность и рвение туземных новообращённых, Грант, тем не менее, считал, что они скорее меняли «экономическое или социальное поведение, не ассимилируя христианские ценности». Причиной этого, по мнению историка, стало не столько отсутствие правильной стратегии (и «теологии») конверсии у всех миссионерских организаций колониального и постколониального периодов (в том числе, и иезуитов), сколько сама миссионерская интерпретация христианского послания, основанная на рациональных положениях и ведущая к «разочарованию» окружающего мира, что в принципе не согласовывалось с индейским религиозным мировоззрением [32, р. 5, 25, 35-38, 46, 252]. С этой точки зрения Грант рассматривает отказ иезуитов от реализации программы «францизации» аборигенов как показатель неспособности миссионеров утвердить ценности их версии христианства среди «дикарей».

Вершиной современной церковной историографии иезуитской миссии стали работы канадского иезуита о. Люсьена Кампо, посвященные как истории миссии в Новой Франции в целом, так и ее различным аспектам. Ключевыми работами этого автора для изучаемого периода представляются монографии «*Миссия иезуитов к гуронам, 1634-1650*» (1987) и «*Монреаль, миссионерское учреждение*» (1991) [33, 34], а также ряд статей, посвященных таким важным вопросам как экономические основания иезуитской миссии, ее организационные особенности, проблемы церковной юрисдикции и пр. Важнейшим вкладом о. Кампо в изучение как миссионерской деятельности, так и ранней истории Канады, стали публикация и анализ документальных источников в рамках иезуитской серии «*Monumenta Missionum*».

Особенностью работ Кампо, по сравнению с предшествующей клерикальной традицией, стал отход от агиографической тенденции при сохранении интереса к отдельным исто-

рическим персонажам. В результате изучения громадного массива документов он создал яркие и законченные образы наиболее значимых деятелей иезуитской миссии: оо. Лежёна, Вимона, Лалемана и др. Показав их деятельность в контексте всего исторического развития Новой Франции, Кампо удалось раскрыть те закономерности и процессы, которые определяли и иезуитский апостолат, и политику светских властей, порождая то тесное сотрудничество церкви и государства в колонии, которое лишь констатировалось, но не было осмыслено другими авторами.

Тем не менее, нескрываемая симпатия к своим героям (даже при наличии подчас весьма острой критики в адрес тех или иных миссионеров и их действий) не позволила автору оставаться до конца объективным, что отразилось и на общей оценке деятельности иезуитов в Новой Франции, и в трактовке ее различных аспектов. Так, о. Кампо несколько преувеличивает свободу иезуитских миссионеров в Канаде «от любых политических или финансовых связей», что обеспечило им, по его мнению, беспрепятственную реализацию своих собственных апостольских проектов в колонии [33, р.331, 352]. Здесь отчетливо заметны не только общая позитивная оценка деятельности миссионеров, но и вышеозначенное представление о изначально существовавшей стратегии и тактике иезуитского миссионерского предприятия в Северной Америке, реализуемое в условиях, определяемых самими его участниками.

Исходя из тех же предрасположений, историк не только не совсем корректен в подсчетах количественных показателей миссионерских успехов иезуитов среди гуронов, но и, что важнее, создает не критичное представление об их качественных аспектах. Утверждая, что к 1650 г. иезуиты крестили «почти всю конфедерацию» [33, р. 325-326], Кампо, тем не менее, не пытался выяснить качество этой конверсии, насколько глубоко и надолго христианские ценности и поведенческие паттерны определяли образ жизни и мировоззрение гуронов. Для него оказались достаточным основанием расчеты и мнения иезуитских корреспондентов XVII в. по этому вопросу. Собственно, этот недостаток не критического подхода к миссионерским документам отразился и в фактическом игнорировании Кампо иных факторов христианизации индейцев, кроме привлекательности христианского послания самого по себе и незаурядного таланта его проповедников. С другой стороны, такой, весьма далекий от клерикальных трактовок истории Новой Франции, историк, как К. Жанен считал работу Кампо над серией *Monumenta Novae Franciae* «шедевром редактирования и исторической критики» [35, р. 199].

И Кампо, и Грант отвергли однозначную оценку деятельности иезуитских миссионеров у гуронов и других племен как «деструктивную», полемизируя с Триггером и его единомышленниками. Вместе с тем, Грант уточняет, что иезуиты, как часть (и весьма активная) нового мира, контакт с которым неизбежно вел к фундаментальным изменениям во всем образе жизни традиционных племенных обществ, объективно способствовали возникновению уязвимости гуронов перед внешними вызовами, несущими угрозу их существованию как этноса, например, со стороны ирокезов.

Иной взгляд на иезуитскую идеологию и практику миссионерской работы восходит к тезису одного из классиков историографии колониализма в Америке – Г. Болтона, утверждавшего, что так называемая «индейская политика» в Новой Англии, Новой Испании и Новой Франции была основана на общем фундаменте западноевропейской идеологии колониальной экспансии, региональная специфика которого определялась географическими и культурно-историческими особенностями определенной «контактной зоны» (*borderland*), а не национальными или конфессиональными факторами [36, р. 473]. Соответственно, цели и средства миссионеров одного ордена могли различаться, будучи реализуемы в разных «пограничных зонах», с различными природными условиями и уровнем развития местных народов.

Профессор истории университета Оттавы К. Ж. Жанен в серии монографий («*Друг и Враг*» (1976), прежде всего [35]) и статей подчеркивал культурный аспект европейско-индейских отношений, во многом обусловивший их форму и содержание. С этой точки зрения иезуитский миссионер, культурный посредник между двумя мирами, играл ключевую роль в развитии и результатах франко-индейского контакта: «Миссионеры были агрессивными поставщиками нового и возможно лучшего образа жизни, цель которого состояла в том, чтобы переделать отдельных людей и целые общества по образу их идеала» [37, р. 8]. Жанен положил начало изучению программы «францизации», то есть ассимиляции и аккумуляции канадских аборигенов французскими колонистами, и роли иезуитов в ее реализации в Новой Франции. В этом контексте он впервые отметил трансформации первоначальных установок иезуитских миссионеров относительно целей и задач христианизации туземного населения, вызванные переосмыслением результатов их деятельности: от принятых ими в начале XVII в. идеологических и стратегических установок реколлектов (воплотившихся в францизации как цели миссионерской деятельности) к формулированию собственных теоретических и практических наработок к середине столетия [38, р. 24-30; 39, р. 43].

На тех же позициях находится американский этноисторик Дж. Экстелл, отмечавший высокую степень «аккомодации» (приспособления) иезуитских миссионеров к условиям окружающей этнокультурной и природной среды, что неизбежно влекло за собой модификацию их первоначальных конверсионных положений [22, р. 59-64; 40, р. 155]. Утверждая, что «иезуиты достигли успеха в значительной степени потому, что им удалось осознать самые жизненные проблемы и тревоги индейцев... и затем предложить единственное решение, которое казалось туземцам не только эффективным, но и непреклонным», Экстелл подчеркивал эффективность этой аккомодационной стратегии. Поэтому, как он отмечал, «лучшие миссионеры всегда были лучшими исследователями индейской культуры и лучшими учителями христианской альтернативы» [22, р. 285-286]. Что касается оценки результатов миссионерской деятельности иезуитов, Экстелл напоминает Триггеру, Дженнингсу (который в принципе отождествлял колонизацию и христианизацию [42, р. 190]) и всем другим критикам иезуитского апостолата, считавшим их ответственными не только за разрушение традиционной культуры американских индейцев, но и деструктивных последствий этого для самого их существования, что «само по себе изменение является нормальным, естественным и нейтральным». И задачей историка является «не решать заранее хорошо или плохо само изменение, или насколько хуже изменение, вызванное [извне], чем внутреннее изменение, но точно определить двигатели изменения и оценить... последствия и для самого общества, и для более широкого мира. Наша главная задача состоит не в восхвалении или осуждении прошлого согласно современным нормам, а в понимании прошлого в его собственных терминах» [40, р. 157-158; 41, р. 19-26].

Опираясь на положения «школы Жанена», канадская исследовательница О. П. Дикасон изучала французскую колонизацию с точки зрения представителей туземных народов, создававших собственные образы европейцев и стратегии общения с ними. Дикасон отрицала ставшую традиционной в историографии колониализма культурную дихотомию в Канаде между «дикарями» и цивилизованными европейцами, и в качестве доказательства этого тезиса привлекла именно миссионерский опыт иезуитов в Новой Франции. Согласно Дикасон, иезуиты строили туземную христианскую церковь на основе признания (хотя и неполного) элементов традиционной культуры американских аборигенов, с целью их «синкретизации» с европейской культурой. С другой стороны, она утверждала, что миссионеры так и не преуспели в «культурном» обращении канадских индейцев, а их деятельность привела к культурно-психологической дезориентации и социально-политической дезорганизации туземных

обществ [43, p. 251-278; 44]. Японский исследователь Такао Абэ также считает «упрощением» приписывать «фиксированные цели и идеалы» тем религиозным группам, которые в XVII в. занимались миссионерской деятельностью по всему миру (прежде всего, иезуитам) [45, p. 102].

Представляется, что данная дискуссия об основах миссионерской стратегии и тактики Общества Иисуса сыграла важную роль в понимании особенностей развития не только иезуитской миссии, но, в целом, природы этнокультурного контакта в колониальном контексте. Несомненно, взгляды исследователей, разделяющих тезис Болтона, более близки исторической реальности колониальной экспансии XVI-XVIII вв. Образ «добрых» французов-католиков противопоставляемых «плохим» англичанам-протестантам слишком примитивен и представляет собой еще один вариант «черной легенды», столь популярной в Европе Нового времени. Вместе с тем, нельзя отрицать и некоторое единство в целях и методах миссионерской деятельности не только у французских иезуитов в Северной Америке XVII и XVIII вв., но даже шире, в рамках всего ордена по всему миру: универсальная идея аккомодации реализуемая через множество конкретных, подчас уникальных, методов. И единство это достигалось не столько некими *миссионерскими программами*, зафиксированными в уставных орденских документах или литературных рефлексиях полевого опыта отдельных миссионеров, а общими идеологическими установками посттридентского католицизма, запечатленными в форме уникальной игнатианской духовности с ее сочетанием мистики и рационализма, с одной стороны, и потребностями мировой миссии, порожденными складывающимся мировым рынком и глобализационными процессами, с другой.

Такой подход, стремящийся учитывать множество факторов, определявших развитие западноевропейской цивилизации в раннее Новое время и ее превращение в мировую, утверждается с конца XX в. По мере развития новых исторических подходов в рамках социокультурной, интеллектуальной, гендерной, постколониальной и пр. историй, расширяется и обогащается новыми аспектами исследовательское поле иезуитского апостолата в Северной Америке. На первый план выступили ранее не изучавшиеся проблемы, связанные со сферой менталитета и интеллектуальной деятельности.

Так, канадская исследовательница Д. Деландр в работе «*Верить и вести к вере*» (2003) рассматривала канадскую миссию не столько в колониальном контексте, сколько как аспект религиозного возрождения во Франции XVII в., как продолжения т. н. «внутренних миссий» (с целью рекатолизации французских гугенотов) на заморские территории [46]. Важнейшей чертой, объединявшей эти «внутренние» и «внешние» миссии, стала, с точки зрения Деландр, их интегративная функция, стремление к упорядочиванию социально-политических и культурных отношений между различными сегментами общества (будь то нормандские крестьяне и парижские буржуа или канадские индейцы и французские колонисты). Этот подход позволил автору сделать важное наблюдение относительно собственно иезуитской перспективы миссионерской деятельности: если с современной точки зрения события 1648-1650 гг. в Гуронии означали несомненное фиаско их усилий в христианизации аборигенного населения, с точки зрения миссионеров это было торжеством истинной веры и созданием крепкого фундамента для новой церкви в результате мученических смертей священников.

Стремление сохранить более взвешенный, по сути, релятивистский, подход демонстрируют работы А. Больё. Вместо попыток определить степень вины иезуитов в бедствиях, обрушившихся на индейские племена Северо-Востока, или полностью реабилитировать их, он сконцентрировал внимание на процессе культурного контакта между иезуитскими мис-

сионерами и коренными жителями долины Св. Лаврентия, изучая особенности восприятия друг друга его участниками, мотивации их поступков, результаты взаимодействия [47].

С точки зрения теории глобализации попытался рассмотреть иезуитскую миссию раннего Нового времени Л. Клосси. Оспаривая (в духе Г. Болтона) предположение об абсолютной централизации ордена, определявшей методы миссионерской деятельности и ведшей, в результате, к созданию одинаковых церквей-клонов по всему миру, Клосси, тем не менее, отмечал несомненную тенденцию католической церкви к развитию в «мировую церковь», а «иезуитские миссионеры могли бы быть отмечены как агенты ранней, религиозной формы глобализации», воплотившейся в так называемом «Золотом веке» мировой христианизации (XVI-XVII вв.), экономической основой которой стал возникающий мировой рынок [48, р. 89, 254-255, 257]. Сходным с «децентрализационным» подходом к иезуитской миссионерской деятельности Л. Клосси представляется взгляд американского историка Дж. Райта, считавшего, что как «никогда не было одной иезуитской истории, и единственный иезуитский "идеал" также никогда не существовал», так не существовало «какого-то единого "общеиезуитского" подхода к вопросу о миссионерстве» [49, р. 12; 50, р. 119].

Гендерный подход к изучаемой проблеме продемонстрировали работы социолога К. Андерсон, в первую очередь, ее известная книга *«Прикуйте ее за ногу»* (1991), посвященную «подчинению туземных женщин в Новой Франции XVII века» иезуитскими миссионерами [51]. Андерсон проанализировала гендерные стратегии миссионеров в отношении христианизируемых ими народов, придя к выводу, что христианские доктрина и практика, проповедуемые иезуитами XVII в., опирались на присущее европейской культурной традиции с античных времен представление о превосходстве мужчин над женщинами. Реализуя христианские нормы моногамной и патриархальной семьи (тем более успешно в условиях экономического и социально-политического кризиса, охватившего аборигенные сообщества Вудленда к середине XVII в.), иезуиты разрушали существовавшие среди индейцев половое равноправие, основанное на традиционной экономике и выражавшееся в свободе сексуальных отношений, как их инициирования, так и разрыва любой из сторон. Андерсон справедливо видит в такой стратегии причину жесткого противостояния миссионерам в их работе со стороны индейских женщин, терявших в результате принятия новых стандартов поведения и общения прежний семейный и общественный статус. При этом, однако, автор упустила из виду достаточно примеров обратного поведения, когда индейские женщины принимали христианство (и навязываемые им паттерны гендерных отношений) не только добровольно, но и вопреки воле мужчин, как язычников, так и христиан.

Важным направлением в современных исследованиях индейско-европейского культурного контакта является изучение иезуитских миссионерских текстов на основе новых подходов к текстологическому анализу (например, постструктурализма), в первую очередь, – *Реляций*, одного из ключевых источников, описывающих этот контакт. При этом, сохраняется дихотомия в оценках этих свидетельств, заложенная еще несколько столетий назад: истину или ложь содержат иезуитские донесения из Новой Франции?

Утверждая, что миссионерские мученики и их страдания были «риторическими фикциями» *Иезуитских реляций*, Ги Лафлеш приписывает создание этого мифа личной инициативе миссионерских корреспондентов оо. Франсуа Лемерсье и Жерома Лалемана, подхваченной и усугубленной ультрамонтанским духовенством XIX в., при этом считая эту миссионерскую мартирологию чуждой игнатианской духовности. Он назвал эту мифологизацию «фарсом мифа святых канадских мучеников» [52, р. 35-45; 53, Vol. 1, р. 25]. Полемизируя с ним, японский историк Такао Абэ считает, что если и существовали «фикции» и мифы, они, скорее, были на совести иезуитских супериоров и редакторов в метрополии, развивавших

мартирологический дискурс в полемике с янсенистами и атеистами. С другой стороны, в противовес мнению Лафлеша, Такао Абэ утверждает, что мартирология была важнейшей частью духовной формации иезуита, его образования и воспитания, именно как наследие св. Игнатия. «Поэтому, корреспонденты из Новой Франции никогда не создавали или инициировали риторику мученичества», она была частью их мировоззрения и определяющим мотивом для миссионерской деятельности, особенно в первой половине XVII в. [45, р. 44-45] В целом идеи Лафлеша не были приняты большинством исследователей раннеколониальной истории Канады и миссионерской деятельности из-за «полемической природы его работы и банальности тезиса» [54, р. 12-13; 55, р. 120-122].

Тем не менее, работы Лафлеша открыли новый этап в критическом осмыслении иезуитского миссионерского литературного и эпистолярного наследия, его значения для понимания как особенностей французской колониальной системы в Северной Америке, так и социальных и культурных процессов в Западной Европе в XVII в. Негативная оценка *Иезуитских реляций*, как свидетельства и инструмента колониального порабощения коренного населения Канады, была подхвачена, прежде всего, последователями школы Б. Триггера, то есть, по преимуществу, этнологами и антропологами. В частности, канадский историк индейского происхождения Ж. Э. Сьюи в работах, посвященных истории и культуре гуронов, считает, что иезуитские комментарии относительно коренных жителей не только культурно и религиозно обусловлены, но также высокомерны, насмешливы или безразличны [56, р. 264].

С позиций постколониальной истории иезуитская миссионерская деятельность в Новой Франции первой половины XVII в. была рассмотрена К. Блэкбёрн в ее работе «*Урожай души*» (2000) [57]. Блэкбёрн анализирует свидетельства «колониализма» в иезуитских текстах (почти исключительно ранние *реляции* о П. Лежёна). Признаками «иезуитского колониализма», с ее точки зрения, являются: программа перевода охотников и собирателей к оседлому образу жизни, основанному на земледелии, стремление заменить свободу половых отношений строгой моногамией, а традиционные религиозные представления и практики – монотеизмом. Таким образом, «колониализм» Блэкбёрн это, прежде всего, риторическая конструкция из цитат и тропов, созданная в рамках постструктурализма. С этой точки зрения, интерпретация автором иезуитской идеологии и практики миссионерской деятельности в Канаде основана на положениях «школы Триггера», представляя их статичными, раз и навсегда данными вне всяких изменений [57, р. 130-131].

При этом, автор считает иезуитские свидетельства их миссионерских достижений, в лучшем случае, неадекватными. В совершенно ином ключе, нежели Дж. Грант, она заявляет, что иезуитское «изображение Северной Америки не опиралось на темы разума и прогресса» [57, р. 17]. Индейцы иезуитских сочинений, как язычники, так и неофиты, лишь образы, навеянные существующими стереотипами и стремлением к господству. Согласно Блэкбёрн, христианизации коренного населения не было: индейцы сознательно принимали иезуитские программы ради материальной выгоды, отвергая как само христианское учение, так и авторитет его проповедников. К точно таким же выводам пришли и некоторые другие исследователи иезуитских миссионерских текстов [58].

Совершенно иную точку зрения на миссионерские успехи иезуитов демонстрирует Н. Кушнер в работе «*Зачем вы пришли сюда?*» (2006), утверждая, что они весьма успешно заменяли традиционные религиозные системы индейцев христианской на основе общих для всех религий принципов. И даже если процесс такой замены остался незавершенным, иезуиты успели сделать достаточно, чтобы «гарантировать долговременную точку опоры» для процессов дальнейшей аккультурации [59, р. 3, 198].

Современную отечественную историческую науку тоже не обошли стороной те новые подходы и методы, которые обогатили изучение иезуитской миссионерской деятельности в Северной Америке за рубежом. Преодолевая наследие старых предубеждений и стереотипов, российские историки с конца XX в. заложили прочную основу для развития отечественной историографии как колониальной истории Канады, так и иезуитской миссионерской деятельности. Речь, прежде всего, идет о работах петербургского историка Ю.Г. Акимова, наряду с В.А. Коленко, по сути, возродившего российское канадоведение в 90-х гг. прошлого века [60; 61; 62; 63].

Ю. Г. Акимов впервые в отечественной исторической науке попытался дать объективную оценку деятельности католической церкви в Новой Франции, в том числе, и иезуитских миссионеров. Он отметил ту важную роль, которую они сыграли в истории как самой колонии, так и тех индейских народов, которые находились в орбите ее влияния. В результате, его работами было положено начало «демифологизации» истории колониального освоения Северной Америки, в том числе, той роли, которую в ней сыграли иезуиты (прежде всего, относительно запрета протестантизма на территории Новой Франции, стремления создать там «северный Парагвай», независимый от светских властей, и пр.). Также впервые в отечественной историографии Ю. Г. Акимовым были поставлены вопросы о мотивации как миссионеров, отправлявшихся в заморские миссии, так и аборигенов, отказывавшихся от традиционных верований ради новой религии, экономического обеспечения миссионерской деятельности, стратегиях христианизации (в том числе, посредством ассимиляции) и ее результатах [60, с. 3, 102; 64, с. 16-26; 65, с. 157-164; 66, с. 25-29].

Существенный вклад в понимание концептуальных основ миссионерской деятельности Общества Иисуса внесли современные отечественные религиоведы и философы, прежде всего, Д. В. Шмонин и Г. В. Вдовина, изучавших так называемую «вторую схоластику» XVI – начала XVII вв. и таких ее представителей, как испанский иезуит Франсиско Суарес, работы которого оказали серьезное влияние на идеологию ордена в целом [67, с. 58-79; 68, с. 38-51; 69; 70, с. 141-152; 71; 72, с. 84-99; 73, с. 128-139; 74, с. 68-98; 75]. Как отмечал, Д. В. Шмонин, «недооценка роли иезуитов в модернизации католицизма влечет за собой непонимание некоторых важных моментов становления мира культуры» Нового времени (и не только) [71, с. 73]. В той же мере эти слова относятся к их миссионерской деятельности в заморских колониях, в том числе, в Новой Франции.

Представляется, что историография иезуитской миссионерской деятельности в Новой Франции как самостоятельное направление фактически сформировалось в общих чертах лишь к рубежу XX-XXI вв., и его оформление в этом качестве еще продолжается. Подавляющее большинство работ, так или иначе затрагивающих деятельность иезуитов в Северной Америке, расценивают ее не саму по себе, а в контексте более широких проблем ранней колониальной истории континента, и/или так называемого «мифа о иезуитах». В результате такого «подчиненного» положения, из поля зрения исследователей «выпали» многие темы, изучение которых позволило бы весьма расширить наше представление о ранних этапах открытия и освоения Америки (мотивация миссионеров, их изначальные представления о том миссионерском поле, куда они отправлялись, и их эволюция в результате соприкосновения с ним, стратегия и тактика этнокультурного контакта, разработанные иезуитами, и пр.).

Библиографический список:

1. The Jesuit Relations and Allied Documents. Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New-France, 1610-1791 / ed. by R. G. Thwaites. Vol. I-LXXIII. Cleveland, The Burrows Brothers Company Publishers, 1896-1901.

2. Champlain S. de. The works of Samuel de Champlain / ed. by H. P. Biggar. Vol. 1-6. Toronto, Champlain Society, 1922-1936.
3. Sagard G. T. The Long Journey to the Country of the Hurons / ed. by G. M. Wrong. Toronto, The Champlain Society, 1939.
4. Lescarbot M. The history of New France / ed. by H. P. Biggar. Vol. I-III. Toronto, Champlain Society, 1907-1914.
5. Du Creux F., SJ. The history of Canada or New France / ed. by J. B. Conacher. Vol. I-II. Toronto, Champlain Society, 1951-1952.
6. Lafitau J.-F., SJ. Customs of the American Indians compared with the customs of primitive times / ed. by W. N. Fenton and E. L. Moore. Vol. I-II. Toronto, The Champlain Society, 1974-1977.
7. Denys N. The description and natural history of the coasts of North America (Acadia) / ed. by Ganong W. F. Toronto, Champlain Society, 1908.
8. Le Clercq C. First establishment of the faith in New France. Vol. I-II. N. Y., J. G. Shea, 1881-1882.
9. Campbell T.-J., SJ. Pioneer Priests of North America, 1642-1710. Vol. 1-3. N. Y., Fordham University Press, 1908-1913.
10. Campbell T.-J., SJ. The Jesuits, 1534-1921: A History of the Society of Jesus from Its Foundation to the Present Time. Vol. I-II. N. Y., The Encyclopedia Press, 1921.
11. Orr R. B. The Hurons // 33rd Annual Archaeological Report 1921-22. Toronto, 1922. P. 9-23.
12. McIlwraith T. F. et al. Archaeological Work in Huronia // The Canadian Historical Review. 1946. Vol. 27. P. 394-401.
13. Kidd K. E. The Excavation of Sainte-Marie I. Toronto, University of Toronto Press, 1949.
14. Popham R. E. Late Huron Occupations of Ontario: An Archaeological Survey of Innisfil Township // Ontario History. 1950. Vol. 42. P. 81-90.
15. Jury W., Jury E. M. Sainte-Marie among the Hurons. Toronto, Oxford University Press, 1954.
16. Jury W., Jury E. M. Saint Louis: Huron Indian Village and Jesuit Mission Site // University of Western Ontario, Museum of Indian Archaeology. Bulletin No. 10. London, 1955.
17. Emerson J. N. Cahiagué 1961 // Ontario History. 1962. Vol. 54. P. 134-137.
18. Latta M. A. Identification of the seventeenth century French Missions in Eastern Huronia // Journal of Canadian Archaeology. 1985. Vol. 9. P. 147-171.
19. Bailey A. G. The Conflict of European and Eastern Algonkian Cultures, 1504-1700: A Study in Canadian Civilization. Toronto, University of Toronto Press, 1969.
20. Trudel M. Histoire de la Nouvelle-France. T. 1-4. Montréal, Fides, 1963-1997.
21. Moore J.T. Indian and Jesuit: A Seventeenth Century Encounter. Chicago, Loyola University Press, 1982.
22. Axtell J. The Invasion Within: The Contest of Cultures in Colonial North America. N. Y., Oxford University Press, 1985.
23. Parkman F. The Jesuits in North America in the Seventeenth Century // Parkman F. France and England in North America. N. Y., Literary Classics of the U. S., Inc., 1983. Vol. 1. P. 331-713.
24. Kennedy J. H. Jesuit and Savage in New France. New Haven, Yale University Press, 1950.
25. Trigger B. G. The children of Aataentsic: A history of the Huron people to 1660. Kingston, Montreal, McGill & Queen's University Press, 1987.
26. Trigger B. G. Natives and Newcomers. Canada's «Heroic Age» Reconsidered. Montréal, McGill-Queen's Press, 1985.
27. Eccles W. J. The Canadian Frontier, 1534-1760. Albuquerque, University of New Mexico Press, 1983.
28. Eisen G. Voyageurs, Black-Robes, Saints, and Indians // Ethnohistory. Summer 1977. Vol. 24. №. 3. P. 191-205.
29. Principe Ch. Les Jésuites missionnaires auprès des Amérindiens du Canada // Les Jésuites parmi les hommes aux XVIe et XVIIe siècles. Clermont-Ferrand, Publications de la Faculte des Lettres et Sciences Humaines de Clermont-Ferrand. 1987. Nouvelle serie. Fascicule 25. P. 309-317.
30. Magnuson R. Education in New France. Montreal & Kingston, McGill – Queen's University Press, 1992.
31. Mali A. Strange Encounters: Missionary Activity and Mystical Thought in Seventeenth Century New France // History of European Ideas. 1996. № 22. P. 67-92.

32. Grant J. W. *Moon of Wintertime: Missionaries and the Indians of Canada in Encounter since 1534*. Toronto, University of Toronto Press, 1984.
33. Campeau L., SJ. *La Mission Des Jésuites chez les Hurons, 1634-1650*. Montréal, Éditions Bellarmin, 1987.
34. Campeau L., SJ. *The Jesuits and Early Montreal*. Midland, Steve Catlin, 2002.
35. Jaenen C. J. *Friend and Foe: Aspects of the French-Amerindian Cultural contact in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. Toronto, McClelland and Stewart, 1976.
36. Bolton H. E. *The Epic of Greater America // American Historical Review*. April 1933. Vol. XXXVIII. P. 448-474.
37. Jaenen J. C. *L'Autre En Nouvelle-France / The Other In Early Canada // Canadian Historical Association. Historical papers / Communications historiques*. 1989. Vol. 24. № 1. P. 1-12.
38. Jaenen C. J. *The Role of the Church in New France*. Toronto, Montréal, McGraw-Hill Ryerson, 1976.
39. Jaenen C. J. *Imaginary Reality: French Images of Amerindians, Amerindian Images of the French. Abstracts / Ed. by M. M. Benzoni, A. Canavero and S. Pizzetti // The Images of the Peoples and the History of International Relations from the 18th Century to the Present Day*. Milan, 2000. P. 43.
40. Axtell J. *Beyond 1492: encounters in colonial North America*. N. Y., Oxford University Press, 1992.
41. Axtell J. *After Columbus: Essays in the Ethnohistory of Colonial North America*. N. Y., Oxford University Press, 1988.
42. Jennings F. *The Founders of America: How Indians Discovered the Land, Pioneered in It, and Created Great Classical Civilizations, How They Were Plunged into a Dark Age by Invasion and Conquest, and How They Are Reviving*. N. Y., W. W. Norton, 1993.
43. Dickason O. P. *The Myth of the Savage: And the Beginnings of French Colonization in the Americas*. Edmonton, University of Alberta Press, 1984.
44. Dickason O. P. *Canada's First Nations: A History of Founding Peoples from Earliest Times*. Toronto, McClelland & Stewart, 1992.
45. Takao Abé. *The Jesuit mission to New France: a new interpretation in the light of the earlier Jesuit experience in Japan*. Leiden-Boston, Brill, 2011.
46. Deslandres D. *Croire et faire croire: Les missions françaises au XVIIe siècle (1600-1650)*. Paris, Fayard, 2003.
47. Beaulieu A. *Convertir les fils de Caïn: Jésuites et Amérindiens nomades en Nouvelle-France, 1632-1642*. Québec, Nuit blanche éditeur, 1990.
48. Clossey L. *Salvation and Globalization in the Early Jesuit Missions*. Cambridge, Cambridge University Press, 2008.
49. Wright J. *God's Soldiers: Adventure, Politics, Intrigue, and Power. A History of the Jesuits*. N. Y., Doubleday, 2004.
50. Райт Дж. *Иезуиты: тайная гвардия Ватикана: правда и вымысел: история возникновения и этапы развития самого влиятельного религиозного ордена западной цивилизации / пер. с англ. С. В. Головой, А. М. Голова. М., Эксмо, 2006*.
51. Anderson K. *Chain Her By One Foot: The Subjugation of Women in Seventeenth-Century New France*. L. & N. Y., Routledge, 1991.
52. Laflèche G. *Les Jésuites de la Nouvelle-France et le mythe de leurs martyrs // Les Jésuites parmi les hommes aux XVIe et XVIIe siècles / ed. par G. et G. Demerson, B. Dompnier et A. Regond. Clermont-Ferrand, Presses Universitaires de Clermont-Ferrand, 1987. P. 25-45*.
53. Laflèche G. *Les saints martyrs canadiens*. Vol. 1-3. Laval et Québec, Éditions du Singulier, 1988-1991.
54. Pearson T. G. *Becoming Holy in Early Canada: Performance and the Making of Holy Persons in Society and Culture. A Thesis submitted in partial fulfillment of the degree of Doctor of Philosophy, McGill University. Montreal, 2008*.
55. Deslandres D. *A quand une ethnohistoire des missionnaires? // Société canadienne d'histoire de l'Église catholique: Études d'histoire religieuse*. 1995. Vol. 61. P. 115-124.
56. Sioui G. E. *Les Hurons-Wendats: Une civilisation méconnue*. Québec, Les Presses de l'Université Laval, 1994.

57. Blackburn C. Harvest of Souls: The Jesuit Missions and Colonialism in North America, 1632-1650. Montreal & Kingston, McGill-Queen's University Press, 2000.
58. Laborie J.-C. Mangeurs d'homme et mangeurs d'âme. Une correspondance missionnaire au XVIe siècle: la lettre jésuite du Brésil (1549-1568). Paris, Honoré Champion, 2003.
59. Cushner N. P. Why Have You Come Here? The Jesuits and the First Evangelization of Native America. Oxford, Oxford University Press, 2006.
60. Акимов Ю. Г. Очерки ранней истории Канады. СПб., ВИРД, 1999.
61. Акимов Ю. Г. От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в 1613-1713 гг. СПб., Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002.
62. Акимов Ю. А. Северная Америка и Сибирь в конце XVI – середине XVIII в.: Очерк сравнительной истории колонизаций. СПб., Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2010.
63. Коленко В. А. Французская Канада в прошлом и настоящем: очерки истории Квебека, XVII-XX века. М., Наука, 2006..
64. Акимов Ю. Г. Католическая церковь в Канаде в эпоху французского колониального господства (начало XVII - середина XVIII в.) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2006. Т. 7. № 1. С. 16-26.
65. Акимов Ю. Г. Миссионеры и индейцы в колониальной Канаде: к вопросу о взаимодействии культур // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 2. Вып. 3. С. 157-164.
66. Акимов Ю. Г. Начало контактной эпохи и трансформация традиционных обществ североамериканских индейцев и сибирских аборигенов: общее и особенное // Традиционные общества: неизвестное прошлое: материалы X Междунар. науч.-практ. конф., 21–22 апреля 2014 г. / под ред. Д. В. Чарыкова, О. Д. Бугаса, И. А. Толчева. Челябинск: Изд-во ООО «ПИРС», 2014. С. 25-29.
67. Шмонин Д. В. Введение в философию контрреформации: иезуиты и вторая схоластика // Verbum. Альманах Центра изучения средневековой культуры при философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета. Вып. 1. Франсиско Суарес и европейская культура XVII-XVIII веков. СПб., Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 1999. С. 58-79.
68. Шмонин Д. В. Поворот в лабиринте: Луис де Молина о свободе воли // Verbum. Альманах Центра изучения средневековой культуры при философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета. Вып. 2. Наследие Средневековья и современная культура. СПб., Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2000. С. 39-51.
69. Шмонин Д. В. Фокус метафизики. Порядок бытия и опыт познания в философии Франсиско Суареса. СПб, Санкт-Петербургский государственный горный институт (технический университет), 2002.
70. Шмонин Д. В. О философии иезуитов, или «Три крупички золота в шлаке схоластики» (Молина, Васкес, Суарес) // Вопросы философии. 2002. № 5. С. 141-152.
71. Шмонин Д. В. В тени Ренессанса: вторая схоластика в Испании. СПб., Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006.
72. Шмонин Д. В. Regulae Professoribus, или Как иезуиты учили философии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2009. Т. 10. № 4. С. 84-99.
73. Вдовина Г. В. Метафизика Франсиско Суареса // Вопросы философии. 2003. № 10. С. 128-139.
74. Вдовина Г. В. Франсиско Суарес о метафизике и метафизическом познании // Историко-философский ежегодник-2004. М, Наука, 2005. С. 68-98.
75. Вдовина Г. В. Язык неочевидного. Учения о знаках в схоластике XVII в. М., Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. С. 648.

Сведения об авторе:

Федин Андрей Валентинович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории международных отношений и международного права Брянского Государственного университета, 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14, e-mail: avfedin@yandex.ru

ОБ ОЦЕНКАХ УРОЖАЙНОСТИ ЗЕРНОВЫХ ОРГАНАМИ СТАТИСТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СССР

Аннотация. Статья посвящена проблеме достоверности сельскохозяйственной статистики Российской Империи начала XX в. Для определения степени адекватности имперских оценок урожайности зерновых проведено сравнение данных Центрального Статистического Комитета МВД за 1907-1914 г. с цифрами ЦСУ при Совмине СССР и рядом урожайности В.Г. Растяникова и И.В. Дерюгиной за 1933-1940. В результате анализа установлена значительная близость показателей урожайности зерновых, что свидетельствует в пользу достоверности дореволюционной урожайной статистики и не позволяет утверждать, будто официальные данные Российской Империи о состоянии зерновой отрасли являются заниженными.

Ключевые слова: урожайная статистика, Центральный Статистический Комитет МВД, Центральное статистическое управление (ЦСУ) при Совете Министров СССР, посевные площади, валовые сборы, средняя урожайность зерновых, ряд динамики.

R.W. Sinitsyn About estimations of yield crop grain statistics of the Russian Empire and the USSR

Annotation The article is devoted to agricultural statistics reliability Russian Empire in the early 20th century. To determine the adequacy of the imperial grain yield estimates they compared the data of the Central Statistical Committee of the Ministry of Interior for 1907-1914, with the CSO figures at the Council of Ministers of the USSR and a number of productivity VG Rastyannikov and IV Deriugina for 1933-1940. The analysis established a significant closeness of grain yield indices, that indicates the reliability of the pre-revolutionary fruitful statistics and does not allow to claim that the official data of the Russian Empire on the state of the grain industry are low.

Проблема достоверности российской дореволюционной урожайной статистики принадлежит к числу дискуссионных вопросов отечественной исторической науки. В частности, высказывалось [8, С.18¹] и высказывается [4] мнение, что данные об урожайности, посевных площадях, а значит, и валовых сборах зерновых² были занижены. Соответственно, они не отражали действительного положения дел в зерновой отрасли, составлявшей основу сельского хозяйства.

Поскольку данные о площадях посевов в целом были подтверждены материалами сельскохозяйственной переписи 1916 года [20, С. X – XI. Цит. по: 9, С.48], фактически в качестве предмета для научных споров может рассматриваться только адекватность оценок урожайности, сделанных Центральным Статистическим Комитетом МВД, Министерством земледелия и государственных имуществ (МГИ) и российскими земствами в конце XIX – начале XX вв. Полемика, длящаяся по этому вопросу более ста лет (с перерывами), так и не привела к утверждению общего мнения. В разное время в ней участвовали, в том числе, Фортунатов Н.Ф. [27], Виноградова Н. [2], Нифонтов А.С. [15], считавшие оценки урожайности, сделанные в Российской Империи, достоверными, а с другой стороны – Иванцов Д.Н. [7], Ковальченко И.Д. [9], ставившие их под сомнение. В настоящее время традиции критики продолжают Б.Н. Миронов [10] и М.А. Давыдов [3], оппонентом которых является, в частности, С.А. Нефедов [14], а до недавнего времени также был (ныне, увы, покойный) А.В. Островский [16]. При этом, как критики дореволюционной урожайной статистики, так и историки, признающие ее достоверность, в подтверждение собственной правоты традиционно апеллируют к авторитету исследователей прошлого, вновь и вновь подвергают анализу методику сбора и обработки данных с целью определения ее сильных и слабых сторон, привлекают данные смежных отраслей дореволюционной же статистики (в частности, транспортной [4]).

¹ Речь в этом источнике шла о земской статистике.

² Рассчитывались путем умножения урожайности на площадь посевов [9, С.40]

Однако, в настоящее время, в отличие, например, от начала XX в., существует еще один способ проверки объективности дореволюционных урожайных сведений – проверка данными советской сельскохозяйственной статистики, имевшей тот же объект изучения¹.

Такая проверка и составляет предмет настоящего исследования.

Применительно к Российской Империи для анализа взяты данные Центрального Статистического Комитета (ЦСК) МВД как наиболее представительные. Достоинствами статистики ЦСК, выгодно отличающими ее от сведений Министерства земледелия² и земств, являются:

- полная самостоятельность этого источника (ЦСК оперировал только собственными сведениями, никогда не заимствуя данных у других ведомств);
- наиболее широкий охват объекта наблюдения (число корреспондентов ЦСК только в Европейской России более, чем в 10 раз превышало количество корреспондентов МГИ [9, С. 42]); при этом ЦСК постоянно расширял географию наблюдения, приближаясь к охвату всей территории страны (в 1907 году эта цель была достигнута [Там же]);
- систематичность и регулярность исследований,
- единство и устойчивость методики сбора и обработки информации (чем не могли похвастаться земства).

Из всего массива урожайной статистики ЦСК следует использовать данные за период 1907-1914 гг., когда комитет осуществлял сбор сведений со всей территории страны без изъятий, как позднее – советские органы статистического наблюдения.

С ними сравниваются показатели урожайности зерновых в СССР за 1933-1940 гг. Выбор этого временного интервала обусловлен двумя соображениями.

С одной стороны, к 1933 г. организация сельскохозяйственной статистики в СССР претерпела серьезные изменения и коренным образом отличалась от дореволюционной:

- произошел переход от выборочного наблюдения к фактически сплошному обследованию сельского хозяйства; инструментами такого исследования являлись годовые отчеты колхозов, совхозов и МТС, а в части единоличных хозяйств³ - сведения, подаваемые в органы статистического наблюдения агроуполномоченными и сельскими советами [12, С. 10, 14];
- был установлен контроль за точностью подаваемых статистических сведений (осуществлялся как непосредственно органами государственной статистики на местах, так и сельскими советами, районными подразделениями Наркомзема; функцию контроля фактически выполняли и МТС);
- устанавливалась уголовная ответственность, в частности, за «...дачу заведомо неверных сведений о состоянии посевов, на основании постановлений СНК СССР от 5 марта 1933 года и от 27 ноября 1933 г.» [1].

Тем самым, в СССР удалось преодолеть достаточно серьезные недостатки имперской урожайной статистики, а именно: сравнительно узкий охват наблюдением объекта изучения (ограниченный объемом выборки), бесконтрольность и безответственность корреспондентов.

С другой стороны (и это принципиально важно с точки зрения обеспечения корректности сравнения), основу земледелия в довоенном СССР, как и в Российской Империи, составляла эксплуатация естественного плодородия почв, о чем можно сделать вывод, судя по

¹ Безусловно, в СССР коренным образом изменилась форма организации аграрного производства, произошла его механизация, более широкое распространение получили интенсивные технологии, однако климат и качество почв остались прежними, а значит, не изменилась основа ведения сельского хозяйства.

² В 1905-1915 гг. - Главное управление землеустройства и земледелия [5, С. 350].

³ Доля единоличных хозяйств уже к 1933 году не превышала 38,5% дворов и 22,3% посевных площадей, а в 1940 г. составила 3,1% и 0,1% соответственно [25, С.9]

масштабам применения минеральных удобрений. В 1940 г. в целом по СССР было внесено 16,5 кг. минеральных удобрений на 1 га. пашни [25, С.191]. В дореволюционной России, по расчетам А.С. Чернаввиной, максимальный уровень внесения минеральных удобрений достигал 0,39 пуда на десятину [28, С. 187] или 5,9 кг/га¹. Т.е. объемы применения минеральных удобрений увеличились в 2,8 раза, тем не менее, они оставались весьма незначительными, о чем говорят соответствующие цифры других стран. Еще до первой мировой войны количество вносимых минеральных удобрений на гектар пашни достигало: в Бельгии – 321,7 кг, в Германии – 131,2 кг, в США – 78,3 кг, в Англии – 67,9 кг. [Там же].

При этом следует иметь в виду, что в зернопроизводящих районах в рассматриваемые периоды минеральные удобрения применялись в еще более ограниченных масштабах как в Российской Империи, так и в СССР. Основными потребителями минеральных удобрений в Империи были Привислинские, Прибалтийские, Северо-Западные и Южно-Свеклосахарные губернии (84% общего потребления [28, С. 186]). В довоенном Советском Союзе минеральные удобрения «...использовались, в основном, на хлопковых плантациях Средней Азии в рамках программы по достижению «хлопковой независимости»» [13, С.191].

Сравнение имперских данных об урожайности зерновых будет производиться, в первую очередь, с официальными данными советской статистики за 1933-1940. Существует два ряда официальных показателей урожайности зерновых в СССР за соответствующий период:

- ряд Центрального управления народно-хозяйственного учета при Госплане СССР (ЦУНХУ Госплана), отражающий урожайность, которую, с известными оговорками, можно определить как биологическую или урожайность на корню (биологический урожай - «... количество зерна, произведенного на единице площади...» [12, С. 11]);

- ряд возрожденного в 1941 г. Центрального статистического управления (ЦСУ), который представляет собой ряд показателей урожайности, которую, с некоторой долей условности, можно считать амбарной².

Т.к. в дореволюционной урожайной статистике определялась амбарная урожайность, для анализа будут использованы материалы ЦСУ.

Также данные ЦСК МВД Российской Империи будут сравниваться с авторским рядом урожайности зерновых в СССР В.Г. Растяникова и И.В. Дерюгиной³ [21, Стр. 40].

При этом, поскольку ряд Растяникова и Дерюгиной не включает данных за 1939 год, из данных ЦСУ также исключены сведения об урожайности зерновых в 1939 году. Соответственно, для обеспечения сопоставимости анализируемых рядов данных, массив имперских показателей не будет включать показателей за 1913 год.

Т.о. будут сравниваться соответствующие показатели за 1907-1912, 1914 гг. с показателями за 1933-1938, 1940 гг. Следовательно, ряды динамики, предназначенные для сопоставления, будут включать данные за семь лет во всех трех случаях. Такая продолжительность позволяет (до известной степени) обеспечить выравнивание метеорологических условий⁴.

¹ Из расчета: 1 пуд = 16,3804964 кг. [17, Ст.1 стр. 622], 1 десятина = 1,0925 га. [17, Ст. 3,4,6, стр. 622-623]

² Условность проистекает из того обстоятельства, что, как выяснил С.А. Нефедов, специалисты ЦСУ не включили в урожай «недоучет». Этим термином обозначалось некачественное зерно (зерно третьего сорта, а также так называемые «озадатки»), которое, не включалось в отчеты колхозов, но использовалось, в частности, на корм скоту [13, С. 30]. Тем не менее, поскольку (что также установлено С.А. Нефедовым), величина недоучета (по крайней мере, в 1937-1940 гг.) не превышала 0,5% от намолота [Там же], ею, очевидно, можно пренебречь и (вслед за С.А. Нефедовым) принять данные ЦСУ за амбарный урожай.

³ К сожалению, в этой работе не приведены расчеты, которые позволили бы установить, как были получены соответствующие значения урожайности.

⁴ В России продолжительность периодов с выровненными метеословиями составляет 7-10 лет [6, С.77]

Для обеспечения территориальной сопоставимости имперских и советских рядов урожайности, данные за 1907-1912 гг. взяты без Финляндских, Привислинских, Бессарабской, Литовских (Виленской, Гродненской, Ковенской), а также Прибалтийских (Курляндской, Лифляндской и Эстляндской) губерний. Данные же за 1914 г. - с учетом Бессарабской, Литовских и Прибалтийских губерний, а также Ломжинской губернии (более 50% территории которой в 1939 году вошло в состав Белорусской ССР) и Сувалкской губернии (порядка 70% территории которой¹ также было возвращено по итогам Польского похода РККА 1939 года и в результате вхождения в августе 1940 г. Литовской ССР в состав СССР).

Непосредственно источником данных об урожайности зерновых в Российской Империи послужили сведения ЦСК МВД, переизданные в выпускавшемся Отделом Сельской Экономии Министерства земледелия «Сборнике статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств». Значения урожайности, выраженные в пудах с десятины, переведены в современные единицы (ц/га) по установленному соотношению [17, Ст. 1, 3, 4, 6, стр. 622-623]. Следует иметь в виду, что за 1914 год данные по Привислинским губерниям включают сведения о площади посевов и сборах только в отношении озимых хлебов. Поэтому вынужденно по Привислинским губерниям, в т.ч. Ломжинской и Сувалкской, в качестве сведений о посевных площадях и сборах хлебов в 1914 г. используются средние за десятилетие 1904-1913 гг. данные об урожайности и площади посевов зерновых. Результаты расчетов представлены в таблице 1.

Таблица 1. – Урожайность и площади посевов зерновых в Российской Империи в 1907-1912, 1914 гг.

Показатели	Годы						
	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1914
Урожайность							
- пуд/дес.	43,1	44,6	53,6	50,2	37,8	52,8	49,1
- ц/га	6,5	6,7	8,0	7,5	5,7	7,9	7,4
Площади посевов, тыс. га.	85740,8	86431,4	88685,3	91435,7	93186,5	91583,3	94632,4

Источник опубликования: [22, II - С. 29, 31, 33] [23, С. 15, 25, 27, 29, 31, 35, 39, 59], [24, С. 15, 25, 27, 29, 31, 35, 39, 61]

В таблице 2 представлены данные урожайности зерновых культур в СССР в 1933-1938, 1940 г. по данным ЦСУ, а также по расчетам В.Г. Растянникова и И.В. Дерюгиной.

Таблица 2. – Урожайность и площади посевов зерновых в СССР в 1933-1938, 1940 гг.

Показатели	Годы						
	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1940
Урожайность(ц/га)							
- по данным ЦСУ	6,7	6,5	7,3	5,4	9,3	7,2	8,6
- по данным В.Г. Растянникова и И.В. Дерюгиной	6,7	6,5	7,3	5,6	9,3	7,3	8,6
Площади посевов, тыс. га.	101554,1	104677,3	103440,2	102441,3	104444,8	102411,0	110500

Источник опубликования: [11, С. 210], [18, С.11] [19, С.7] [21, С. 40].

Из таблицы 2 видно, что ряды ЦСУ, с одной стороны, и Растянникова и Дерюгиной – с другой, весьма близки, отличия в показателях урожайности отмечается лишь в 1936 и 1938 гг. и составляет для 1936 г. 3,7%, а для 1938 г. – 1,4%.

¹ Без Сувалкского и части Сенненского уездов, отошедших к Германии.

Для установления степени подобия полученных органами статистического наблюдения и отдельными историками оценок урожайности следует сравнить ряды урожайности зерновых культур в Российской Империи и СССР.

Для этого, в первую очередь, необходимо рассчитать значение средней хронологической урожайности зерновых за анализируемые периоды в Российской Империи и СССР, применяя метод средней арифметической взвешенной:

$$\bar{y} = \sum ux / \sum x \quad (1),$$

где:

\bar{y} - средняя урожайность,

y – урожайность по годам

x – посевная площадь по годам [26, С. 119]

\sum - знак суммы.

Используя данные таблиц 1 и 2 об урожайности и площади посевов, получим следующие значения средней урожайности зерновых:

- по данным ЦСК – 7,1 ц/га,

- по данным ЦСУ – 7,3 ц/га,

- по расчетам Растяникова и Дерюгиной – 7,35 ц/га.

Т.о. отклонение урожайности зерновых в Российской Империи от урожайности в СССР за соответствующие периоды составило:

- 0,2 ц/га (2,7%) по отношению к материалам официальной статистики,

-0,25 ц/га (3,4%) в сравнении с оценками В.Г. Растяникова и И.В. Дерюгиной.

Следует принять во внимание, что, по указанной выше причине, из ряда динамики показателей урожайности зерновых в Российской Империи «выпал» самый урожайный на рассматриваемом отрезке времени 1913 год¹, а из ряда ЦСУ – 1939 год, в котором урожайность зерновых совпала со средним уровнем ряда (7,3 ц/га.). При включении данных за 1913 г. и за 1939 гг. в ряды динамики ЦСК МВД и ЦСУ, средняя урожайность зерновых в Российской Империи составила бы 7,27 ц/га против 7,3 ц/га в СССР. Т.е. отклонение равнялось бы 0,03 ц/га или 0,41% к средней урожайности ряда ЦСУ.

Упорядочив анализируемые ряды динамики по возрастанию рассматриваемого показателя (таблица 3), можно видеть, что большая часть значений урожайности зерновых (по четыре из семи) по всем трем массивам данных находится в интервале от 6,5 до 7,5 ц/га (в таблице наименьшему значению показателя присвоен номер 1, а наибольшему – 7).

Таблица 3. – Упорядоченные по возрастанию ряды динамики показателей урожайности в Российской Империи и СССР в рассматриваемые периоды.

Урожайность зерновых ц/га по данным:	Номер уровня ряда						
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й	7-й
- ЦСК МВД	5,7	6,5	6,7	7,4	7,5	7,9	8,0
- ЦСУ	5,4	6,5	6,7	7,2	7,3	8,6	9,3
- В.Г. Растяникова и И.В. Дерюгиной	5,6	6,5	6,7	7,3	7,3	8,6	9,3

¹ Урожайность зерновых в Империи составила тогда 8,4 ц/га [24, С. 15, 25, 27, 29, 31, 35, 39, 61], на 18,3% превысив средний показатель урожайности за 1907-1912, 1914 годы

Такое подобие данных ЦСК МВД – с одной стороны, а с другой – оценок ЦСУ и Растяжникова и Дерюгиной, позволяет утверждать, что как дореволюционные, так и послереволюционные источники в целом объективно отразили соответствующее явление – урожайность зерновых на заданной территории в сравнимых условиях эксплуатации естественного плодородия почв.

Т.о., сравнение показателей урожайности зерновых Российской Империи начала XX в. и СССР середины - второй половины 30 г. XX столетия позволило установить близость их значений. Это свидетельствует в пользу достоверности дореволюционных оценок урожайности и, в том числе, не позволяет утверждать, что органы официальной статистики в Российской Империи занизили урожайность зерновых культур.

Соответственно, поскольку достоверными следует признать как данные о посевных площадях, так и об уровне урожайности, адекватными являются и расчеты валовых сборов зерновых, произведенные Центральным Статистическим Комитетом МВД.

Библиографический список:

1. Башкин А.В. «Урожай тридцатых или украденные достижения» <http://istmat.info/node/21358>.
2. Виноградова Н. Русская урожайная статистика // Вестник статистики, 1925. Кн. XXIII—XXIV.
3. Давыдов М.А. Пореформенная модернизация России: статистика и идеология. - М., 2012, - 235 с.
4. Давыдов М. А. Урожайная статистика ЦСК МВД: можно ли выпрямить Пизанскую башню? // Экономическая история: Ежегодник. 2011-2012. М., РОССПЭН, 2012.
5. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М.: Высшая школа, 1968. – 368 с.
6. Зинченко А.П. Статистика. Учеб. пособие / А.П. Зинченко, В.К. Горкавый, Е.А. Гуртовник и др.; Под ред. А.П. Зинченко. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 271 с. С.77
7. Иванцов Д.Н. К критике русской урожайной статистики: опыт анализа некоторых официальных и земских текущих данных. - Пг., 1915. - IV, 179 с.
8. Кауфман А.А. Агрономический персонал и его место в земском статистическом аппарате. - Самара. 1916. – 24 с.
9. Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX - начала XX в. - М., 2004. – 504 с.
10. Миронов Б.Н. Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX – начале XX в.? //Уральский исторический вестник, №3 (20), 2008, стр. 83-95.
11. Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный стат. Ежегодник/Госкомстат СССР. – М.: Финансы и статистика, 1987 – 766 с.
12. Немчинов В. Учет и статистика сельскохозяйственных предприятий. Выпуск I. - М., Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1933. - 132 с.
13. Нефедов, С.А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации: монография / С.А. Нефедов; М-во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина». Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. 283с.
14. Нефедов С.А. К проблеме достоверности статистических ЦСК МВД Российской Империи и ЦСУ СССР. // Историко-экономические исследования. 2008. Т.9 №1, стр. 131-144.
15. Нифонтов А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX века. По материалам ежегодной статистики урожаяев Европейской России. - М.: «Наука», 1974. - 234 с.
16. Островский А.В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX - начале XX в. - СПб., 2013. - 416 с.
17. Положение о мерах и весах, выс. утв. 4-го июня 1899 года. № 17056 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание III (1881-1913). Том XIX (1899) Часть 1: Законы (1630-17967) № 17056.
18. Посевные площади СССР. 1938 г. Статистический справочник / Центральное Управление Народного хозяйственного Учета Госплана СССР. – М.,Л.: Госпланиздат, 1939 – 334 с.

19. Посевные площади СССР. Том I. Статистический сборник/ЦСУ при Совете Министров СССР. – М.: Государственное статистическое издательство, 1957. – 516 с.
20. Производство, перевозки и потребление хлебов в России. 1903-1913 гг. Пг., 1917. Вып. 1. С. X – XI. Цит. по: И.Д.Ковальченко. Аграрный строй России второй половины XIX - начала XX в. М., 2004. – 504 с.
21. Растянников В.Г., Дерюгина И.В. «Урожайность хлебов в России. 1795-2007» / Российская академия наук. Институт Востоковедения. - М.: ИВ РАН, 2009. - 192 с.
22. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и некоторых иностранных государств / Г.У.З. и З. Отд. Сел. Экономии и С.-х. Статистики. Год второй. - СПб., 1908. – VII, 458 с.: табл.
23. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств / Г.У.З. и З. Отд. Сел. Экономии и С.-х. Статистики. Год шестой. - СПб., 1913. - XIV, 601 с.: табл.
24. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств / М-во земледелия. Отд. Сел. Экономии и С.-х. Статистики. - Год девятый. - Петроград, 1916. - XIV, 649 с.: табл.
25. Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. – М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1960. – 667 с.
26. Статистика: Учебник / И.И. Елисеева, И.И. Егорова и др.; Под ред проф. И.И.Елисеевой. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. – 448 с.
27. Фортунатов Н.Ф. Урожайи ржи в Европейской России. - СПб., 1893.
28. Чернавина А.С. Снабжение населения минеральными удобрениями // Всероссийский земский союз. Совещание по организации посевной площади в 1917 г. (1916; Москва). Труды Совещания по организации посевной площади в 1917 г. 22-24 ноября 1916 года: доклады и постановления / Всероссий. земск. союз. Совещание по организации посевной площади; Гл. ком. Всерос. зем. союза. Экон. отд. - М. : Тип. т-ва Рябушинских, 1917. - 284 с.

Сведения об авторе:

Синицын Роман Витальевич - к.э.н. Всероссийский заочный финансовоэкономический институт, Россия, Брянск rsinicyn@yandex.ru

ПРОБЛЕМА РОЛИ БРИТАНСКИХ КОМАНДУЮЩИХ ЭПОХИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация: В данной статье автором предпринимается попытка проанализировать и изучить значение британских военных в истории Первой мировой войны. Помимо прочего, в работе рассматривается вопрос о степени виновности британских генералов и адмиралов в беспрецедентном количестве потерь, понесенных Великобританией в «Великой войне». Обозначенный анализ базируется, главным образом, на многочисленных современных исследованиях англоязычных историков, занимающихся исследованием данной проблемы.

Ключевые слова: Первая мировая война, история Великобритании, британская империя, британская армия и военно-морской флот, британский генералитет, английский Генеральный штаб.

Shendygayev D.I.

The problem of the role of the British commanders of the World War I Epochs in English Historiography

Abstract: In this article, the author tries to analyze and study the importance of the British military men in the history of the World War I. The article deals with the importance of the degree of guilt of the British generals and admirals in an unprecedented amount of losses suffered by Britain in the "Great war". The analysis is mostly based on numerous modern studies of English-speaking historians engaged in the study of this problem.

Keywords: World War I, history of Great Britain, the British Empire, the British army and Navy, the British generals, the British General staff.

Первая мировая война является одним из ключевых событий XX века, именно этим объясняется пристальный научный интерес, обращенный к данной теме в последнее время. В 2014 г. исполнилось 100 лет с момента начала Первой мировой войны, именно это событие заставило взглянуть на многие проблемы, в рамках обозначенной темы, по-новому, а также стало стимулом для ряда новых научных исследований [1]. В данной статье пойдет речь о вкладе вооруженных сил Великобритании в победу в Первой мировой войне по оценкам выдающихся англоязычных историков. В данной статье будет предпринята попытка подробно рассмотреть и проанализировать оценки и взгляды на действия британских командующих в трудах таких зарубежных исследователей как: Барбара Такман «Европа перед катастрофой» и «Августовские пушки», Генри Бэзил Лиддел-Гарт «Правда о Первой мировой войне», Джон Киган «Великая война 1914-1918», Мартин Гилберт «Первая мировая война», Макс Хейстингс «Первая мировая война. Катастрофа 1914 года». Обозначенные выше исследования, внесли значительный вклад в историческую науку и являются стержневыми работами в изучении истории Первой мировой войны.

Первым серьезным исследованием по истории Великой войны является исследование участника этой войны, свидетеля позиционной войны на Западном фронте Генри Бэзила Лиддел-Гарта «Правда о Первой мировой войне» [2]. Данный труд был написан историком в 1930 году. Эта работа является не просто изложением хода Первой мировой, но и представляет собой аналитический разбор событий, показывает их причинно-следственные связи, особенно важным является попытка показать значение личностного фактора, игравшего значимую роль в этой войне. Автор оценивает вклад главнокомандующих противоборствующих сторон и пытается абстрагироваться от, господствовавшей в послевоенные годы тенденции, обвинения всех полководцев в огромном количестве жертв. По, вполне понятным причинам, данное исследование развивается, в основном, в рамках Западного фронта и, практически, не исследуются события на других фронтах войны, однако, Лиддел-Гарт неод-

нократно упоминает о значении и роли России в этой войне, которую, нельзя недооценивать и принижать. Необходимо отметить, что к выходу в свет данного труда, не все свидетельства о войне были опубликованы или открыты для изучения.

Небезынтересными являются исследования американского историка и писателя Барбары Такман, которые были изданы в 60-х гг. прошлого века. В своих трудах «Европа перед катастрофой» [4] и «Августовские пушки» [3] автор изучает общие предпосылки и первые месяцы войны. Б. Такман анализирует основные факторы, которые привели к началу конфликта, а также исследует личностный вклад и влияние, как выдающихся представителей той эпохи, так и действия командующих армиями. Свои исследования американский историк посвящает в, большей мере, изучению событий Западного фронта, и в, некоторой степени, описывает военные действия на Восточном фронте, однако, ситуация на других фронтах освещена недостаточно подробно.

Важным, для изучения истории Первой мировой войны и для понимания последующего хода мировой истории, является фундаментальный труд английского историка Джона Кигана «Великая война. 1914-1918» [5]. В своем исследовании Киган, основываясь на многочисленных зарубежных источниках, внимательно изучил предпосылки войны, подробно осветил картину событий войны и подводит трагические итоги европейской катастрофы. Отличительной чертой данного исследования является попытка дать объективную оценку роли, важности и последствий решений, принятых генералами Великой войны.

Многогранным и основательным трудом по истории Первой мировой войны является работа официального биографа Уинстона Черчилля Мартина Гилберта «Первая мировая война» [6]. Историк не акцентирует внимание на каком-то одном аспекте войны, а удачно балансирует и сочетает описание сражений, стратегий, тактик и интриг, как на полях сражений, так и в штабах стран-участниц. Помимо этого в исследовании уделено внимание как оценке деятельности известных представителей воюющих сторон, так и жизни, деятельности и судьбе рядовых участников этой войны: солдат и мирных жителей.

Известный военный историк Макс Хейстингс в своем исследовании «Первая мировая война. Катастрофа 1914 года» [7] прослеживает стезю, которая в итоге привела к началу военного конфликта, дает яркую картину жизни Европы в первый год войны. Автор описывает первые сражения на Западном фронте, но и уделяет большое внимание малоизвестным, в западноевропейских исследованиях, сражениям на Восточном фронте, жестоким битвам на Балканском фронте. Хейстингс дает предельно объективные оценки генералам и политическим деятелям, которые привели Европу к войне. На протяжении всего исследования историк описывает жизнь в странах Европы, начиная от монархов и их амбициозных желаний, политиков, принимающих судьбоносные решения, генералов и солдат, рвущихся в бой, и простых фермеров и домохозяек, мечтающих о прежней жизни.

До сих пор не угадают споры о таинственной природе начала Великой войны. В предвоенные годы в Европе царили самые разносторонние настроения - весь регион сотрясся от новых взглядов и коллективных эмоций. По мнению Кигана, большинство населения, как Европы, так и Великобритании поддерживало мнение будущего лауреата Нобелевской премии мира 1933 года Нормана Энджела, который изложил свои взгляды в книге «Великая иллюзия», опубликованной в 1910 году. Он проанализировал экономическую взаимозависимость государств и выяснил, что европейская война неизбежно приведет к разрушению системы международных займов, вследствие чего она либо вообще не начнется, либо быстро закончится [5, с.21-22]. По мнению Такман идея невозможности войны в Европе существовала и в офицерских кругах Великобритании. Так близкий друг короля и советник лорд Эшер, который являлся председателем Военного комитета по реорганизации британской ар-

мии после англо-бурской войны, заявлял перед офицерами Клуба объединенных вооруженных сил и начальником генерального штаба сэром Джоном Френчем, что благодаря взаимному переплетению интересов европейских государств война все более становится несбыточной [3, с.26]. По мнению Макса Хейстингса высшему сословию Великобритании будущий конфликт мог сыграть только на руку. В Британии, которая являлась крупнейшей финансовой державой, социально-политическое расслоение в обществе все больше увеличивалось. К примеру, в руках у 5 млн. наиболее зажиточных представителей британского общества находилось 830 миллионов фунтов годового дохода, почти столько же, сколько и у оставшихся 38 млн. британцев. Это привело к тому, что по стране постоянно вспыхивали конфликты и забастовки, устраиваемые рабочими, и в некоторых случаях на их подавление призывалась армия. А кризис в Ольстере создал угрозу реальной гражданской войны в Британии [7, с.75]. Мнение Хейстингса также разделяют Киган и Гилберт. В день объявления войны сцены радости и ликования можно было встретить на всех улицах Лондона. На сборных пунктах в Великобритании царил стремление как можно быстрее попасть в войска, т.к. многие были уверены, что война продлится в течение нескольких недель [5, с.117]. К тому же начало войны могло способствовать нормализации внутренних отношений в Великобритании. С просьбой к военному министру о создании Ирландской армии, которая могла воевать плечом к плечу с англичанами, уэльсцами и шотландцами, обратился лидер движения за независимость Ирландии Джон Редмонд. Однако Китченер не поддержал данную идею, и, по словам Хьюберта Гова, генерала британских экспедиционных сил, «Китченер открыл еще одну кровавую страницу в истории Ирландии» [6, с.70].

После объявления войны Великобританией Германии перед британскими военными, на повестке дня, стоял вопрос, непосредственно, о высадке и о месте высадки британских войск на континенте. Все исследователи, в унисон, сообщают о том, что согласия по данному вопросу не было, ни среди правительственных кругов, ни среди военных. Такман пишет о том, что оживленные дебаты между представителями армии и флота, по данному вопросу, развернулись уже за месяц до начала войны. Генералы, во главе с начальником английского штабного колледжа, бригадным генералом Генри Уилсоном, утверждали, что высадка должна произойти только в Бельгии, в помощь левому флангу французских войск, в то время как флот, во главе с адмиралом Джоном Фишером, выступал с диаметрально противоположным мнением, и считал, что высадка британских войск должна произойти у северных берегов Восточной Пруссии, при поддержке военно-морского флота Великобритании [3, с.75-91]. Киган разделяет точку зрения Такман о нескоординированных действиях армии и флота, обвиняя представителей военно-морских сил, которые редко обсуждали свое видение будущего плана боевых действий в Комитете обороны империи и свысока смотрели на командование армии, считая себя наследниками адмирала Нельсона [5, с.50]. Однако к моменту начала войны, возобладала точка зрения генералов, но существовал другой вопрос, о конкретном месте высадки войск.

Одной из главнейших тем в спорах, особенно после войны, стала тема степени виновности британского командования в большом количестве потерь среди солдат Великобритании и ее сателлитов. Киган утверждает, что во многом на нескоординированные действия британского штаба, преимущественно в начале войны, оказало влияние взаимодействие со своими коллегами из Франции. Их сотрудничество привело к тому, что у британского генералитета сложился «континентальный» склад мышления, что не соответствовало тактике ведения боя, при наличии такой армии, которой обладала Великобритания в начале войны. Британская армия была единственной армией в Европе, которая фактически полностью состояла из наемников, однако она имела большой боевой опыт, участвуя в войнах в своих ко-

лониях [5, с.156]. Лиддел-Гарт отдает должное генералитету Великобритании, но, несмотря на громадный боевой опыт британских командиров, они не обладали навыками командования больших соединений, которые были необходимы для успешного ведения войны на континенте [2, с.49]. Лиддел Гарт пишет о вероятных причинах совсем разного отношения к командующим военно-морского флота, нежели к генералитету британской армии. Историк связывает это с тем, что военные на суше, подчас, были охвачены таким пылом и жадной сражений, что снова завязывали совсем ненужные бои, и правительство шло у них на поводу. Адмиралы же, совсем наоборот, иной раз игнорировали желание правительства, если не были уверены в предстоящем положительном результате сражения. Одним из факторов, влияющих на совершенно противоположную манеру поведения, могло являться то, что адмиралы управляли своими войсками, находясь непосредственно в передовой зоне боя, и видели все условия, в то время как большинство генералов, управляли своими подчиненными, находясь в глубоком тылу [2, с.270-271]. Яркий пример того, насколько генералы не были осведомлены об обстановке на полях сражений приводит Лиддел Гарт: «По мере приближения машины офицера генерального штаба к окрестностям поля боя, напомиавшим болота, он становился все взволнованнее и взволнованнее и, наконец, истерично разразился слезами вскричав: «Боже мой, боже мой, неужели мы действительно посылали сюда людей сражаться...», на что его спутник ответил, что впереди местность еще хуже» [2, с.344]. Однако помимо этого, Лиддел Гарт в своем исследовании приходит к выводу, что основные потери британской армии в первоначальный период боевых действий были связаны с тем, что англичанам приходилось поддерживать план ведения войны, выработанный французским генеральным штабом. У британских командиров не было желания вести своих бойцов на смерть, однако здравые суждения, снова, были сломлены нажимом Жоффра. В принятии решения о наступлении британских войск немаловажную роль сыграл и Китченер. После проведенной рекогносцировки в районе сражения Френч заявил, что местность не годится для наступления, и британская армия может поддержать наступление французов только огнем артиллерии. Однако Китченер посетил Френча и сказал ему поддержать действия французов всеми имеющимися способами [2, с.190-192].

Исследователи сообщают о больших затруднениях внутри Генерального штаба во время войны и связывают это, непосредственно, с личностью главнокомандующего. Хейстингс пишет, что Джон Френч, попытался отойти от выработанного совместно с французами плана и пытался действовать самостоятельно. Фельдмаршал в первые недели войны не испытывал глубокого доверия к французам, несмотря на то, что и лорд Китченер и Дуглас Хейг, который затем изменит свое мнение, предупреждали об опасности отделения от французов в начале войны [7, с.251]. Хейстингс продолжает сообщать о полной некомпетентности высшего британского командования, которое показывало себя в самом плохом свете, а главнокомандующий даже смог из самодовольства впасть в уныние, граничащее с паникой [7, с.382]. Однако, исследователь выделяет некоторых командующих, принимающих решения, основываясь на собственных расчётах и окружающей обстановке, в том числе и Дугласа Хейга, благодаря которым удалось избежать больших потерь. Тем самым, утверждает Лиддел-Гарт, многое, в начале войны, зависело от действий солдат и младшего офицерского состава и бои у Ипра и Инкермана стали «солдатскими боями» [2, с.76-77]. Джон Киган дает свою оценку действиям главнокомандующего и его подчиненным. Он утверждает о важности роли главнокомандующего в британской армии и нисколько не сомневается в правильности назначения Дугласа Хейга в качестве оногo. Историк сообщает, что Хейг одним из первых понял стратегию и тактику ведения боя в условиях совершенно новой войны, изменившей многие стандарты ведения боевых действий, характерных для сражений минувших

дней. После проведенных боев во Франции он понял, что стремительность и импровизация, которые ранее приносили успех в войнах прошлого, теперь не всегда имели основополагающий момент успеха [5, с.307-308]. Лиддел Гарт поддерживает Кигана в его видении внутренних проблем генерального штаба и говорит, что многие члены штаба не были согласны с мнением главнокомандующего, что приводило к непониманию и тем самым приводило к определенным последствиям на полях сражений. Лиддел Гарт сообщает, что Хейг считал основополагающим фактором удачного наступления наличие достаточного количества тяжелой артиллерии и запаса снарядов. Такого же мнения придерживался и Робертсон, начальник штаба британских экспедиционных сил. Однако ни Хейгу, ни Робертсону не удалось повлиять на командующего, так как это делал Генри Вильсон, друг и «доверенный» Френча, который был убежденным сторонником военной стратегии французов. Из-за своего мнения на тактику ведения боя, Робертсона исключили из списка офицеров, приглашаемых на обеды к командующему в его личной столовой [2, с.188]. Киган, Лиддел Гарт и Хейстингс в своих исследованиях настаивают на том, что чрезмерно большая роль французов, косвенно влияла на атмосферу в британском генеральном штабе. Историки указывают на то, что Френч, неоднократно попадал под влияние Жоффра, а не следовал разумным советам своих подчиненных. Мнения многих офицеров британской армии, и самого Хейга, кардинально изменились с начала Великой войны [7, с.253]. Многие старшие офицеры британской армии считали, что Френч более не может занимать пост командующего британскими экспедиционными силами, и данное мнение стало известно в Лондоне [5, с.448]. В результате между Френчем и Хейгом произошла глубокая ссора, что привело к тому, что Хейг написал лично Китченеру о некомпетентности командующего и тем самым способствовал падению Френча и своему собственному назначению на его место [2, с.197].

Гилберт добавляет, что ко всему прочему, примеры безалаберности были характерны, не только для военных, но и для руководства Великобритании. Так, после своего назначения главнокомандующим британскими силами, Хейг хотел выяснить, кто возглавит 1-ю армию, которой ранее командовал он сам, однако ответа так и не последовало. Дело в том, что премьер-министр и военный министр уехали из Лондона на уик-энд, и до понедельника ответа ожидать не следовало [6, с.297].

Вопрос об эффективности функционирования высшего военного руководства эпохи Первой мировой войны является одним из самых острых и спорных в историографии данного периода. Существует многочисленное количество противоречивых точек зрения, относительно степени виновности военных Великобритании, в поражающем количестве потерь, которые понесла британская армия в Великой войне. После окончания Первой мировой войны всех главнокомандующих считали великими людьми, однако Джон Киган отмечает, что в период после Второй мировой войны исследователи, как в популярной литературе, так и в научных исследованиях, начинают говорить о британских генералах «как об ослах, ведущих за собой львов, как о жестокосердных злодеях, посылавших молодежь на смерть в полях Фландрии, или как о людях, занимающих не свое место» [5, с.483]. Следует отметить, что престиж британских высших офицеров периода Великой войны заметно снизился и во многом это объясняется обилием обвинений и упреков, как со стороны историков, так и писателей. Однако, несмотря на такое положение вещей, было бы неправильно судить о деятельности британского военного командования односторонне. Невзирая на тот факт, что чем ближе местонахождение генерала к месту сражения, тем труднее ему было отдавать приказы, в масштабах Первой мировой, 34 британских генерала погибли от огня вражеской артиллерии, и 22 от вражеской пули [5, с.484-485].

Библиографический список

1. Европа и Россия в огне Первой мировой войны. К 100-летию начала войны под ред. В. А. Золотарева. М.2014.
2. Лиддел Гарт Б.Г. Правда о Первой мировой. М.2010.
3. Такман Б. Августовские пушки. М.2014.
4. Такман Б. Европа перед катастрофой. 1890-1914.М.2016.
5. Киган Дж. Великая война. 1914-1918. М.2016.
6. Гилберт М. Первая мировая война. М.2016.
7. Хейстингс М. Первая мировая война. Катастрофа 1914 года. М. 2014.

Сведения об авторе:

Шендыгаев Дмитрий Игоревич – аспирант кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского, shendygaev@inbox.ru

Рецензии

УДК 94(430).041

С.Ф. Блуменау

РЕЦ. НА КН. Д.Ю. БОВЫКИНА: КОРОЛЬ БЕЗ КОРОЛЕВСТВА.
ЛЮДОВИК XVIII И ФРАНЦУЗСКИЕ РОЯЛИСТЫ В 1794-1799 ГГ.
М.: РОССПЭН, 2017, 718 с.

Проблематика идейной платформы и политической активности роялистов во время Французской революции конца XVIII в. не принадлежит к числу разработанных. До последнего времени наука не располагала ни комплексным, ни масштабным исследованием по теории и практике французского роялизма обозначенной эпохи. Между тем, революция и контрреволюция, Республика и роялизм – явления, теснейшим образом взаимосвязанные, и потому плохо понимаемые в отрыве друг от друга. Это делает труд Д.Ю. Бовыкина особенно актуальным и научно значимым, поскольку проливает дополнительный свет на динамику Французской революции и позволяет гораздо полнее осветить её наименее исследованный четвертый период (Термидорианского Конвента и Директории).

Исследование основано на богатейшей источниковой базе. Значительная часть изучаемых документов почерпнута в хранилищах Франции, России, Англии и Ирландии. Речь, в частности, идет о материалах из «Фонда Бурбонов», находящихся в Архиве МИД Франции. В Национальном архиве этой страны отложились бумаги видных роялистов. В хранилище Музея Конде (Шантйи) автору удалось прочесть переписку командующего эмигрантскими силами с Людовиком XVIII. В АВПРИ, в фондах Коллегии иностранных дел исследователь изучил донесения русских дипломатов в европейских государствах о происходившем во Франции и вокруг неё. Д.Ю. Бовыкиным использовалась и богатая коллекция писем английского посланника лорда Макартни, хранящаяся в Англии и Ирландии.

Автором проанализирован большой массив опубликованных материалов. Это сочинения, декларации, проекты, отчеты лидеров и видных деятелей роялистского движения. Изучена их корреспонденция. Просмотрена пресса разных политических направлений. Историк обратился к многочисленным мемуарам, рассказывавшим о том времени.

Одна из особенностей работы Д.Ю. Бовыкина состоит в том, что макроисторическое повествование о борьбе роялистов с Республикой сочетается в ней с интересными микроисторическими исследованиями. Автор воссоздает образы Людовика XVII, его старшей сестры – Марии-Терезы, принца Конде и других значимых персон. Конечно, наиболее полным получился портрет главного героя – Людовика XVIII. Монарх предстает человеком сложным, скрытным, но не лишенным родственных и дружеских привязанностей.

С помощью просопографического метода ученый смог охарактеризовать Людовика XVIII, его окружение, друзей и единомышленников не только как отдельных личностей, но и как определенную социально-политическую группу. Наряду с «абсолютистами» он обратился и к изучению конституционных монархистов – «монаршьенов». В его труде затронуты также связи короля с движениями в Вандее и Бретани, с роялистским подпольем в других

регионах страны. Полнота картины достигается за счет анализа отношений зарубежных государей к Людовику XVIII и их оценки перспектив роялизма во Франции.

Немногочисленные предшественники автора рассматривали труды теоретиков контрреволюции, практически не связанные с непосредственной деятельностью роялистов, с их усилиями в борьбе с Республикой. Он же обратился к работам лидеров роялистского движения, имевшим прикладной характер и содержавшим, в том числе, установки для его активистов.

Еще одна удача Д.Ю. Бовыкина – убедительное оспаривание им интерпретации парижского восстания 13 вандемьера – 5 октября 1795 г. как роялистского. Тщательно рассмотрев документы и изучив историографию вопроса, он вскрывает причины возникновения и закрепления этой версии. Размышляя над тем, кому данное выступление было выгодно, историки часто и справедливо указывали на роялистов. Ведь восстание добивалось роспуска Конвента, жестко противостоявшего возврату королевской власти; открывало широкие возможности для пропагандистской деятельности монархистов; вело к выборам не одной трети, а всего состава Законодательного корпуса, причем в благоприятных для противников Республики условиях. Это способствовало мифу об антиреспубликанском характере движения, хотя среди его участников роялистов было немного и они не играли ведущей роли. Но и Конвенту оказалось выгодным изобразить восставших монархистами, чтобы задним числом обосновать правомерность декрета о «двух третях».

Не все соображения этого масштабного и новаторского труда одинаково убедительны. Имеются спорные, дискуссионные тезисы.

Это обнаруживается при описании взаимоотношений «абсолютистов» с конституционными монархистами. По ходу работы исследователь отмечает и личное неприятие одних другими, и принципиальные расхождения идейно-политического свойства. Но он высказывает излишний оптимизм, концентрируясь на их сближении и забывая об острых противоречиях 1795-1797 гг.

Хочется поспорить с автором в связи с его истолкованием политической платформы короля. Д.Ю.Бовыкин проанализировал большой корпус документов, вышедших из под пера Людовика XVIII и его окружения. Он пришел к мысли о серьезных уступках с этой стороны, о движении к компромиссу с республиканцами. И все же факты нередко свидетельствуют об обратном. Предложения роялистов были, порой, возвратом к дореволюционным временам, одобрением того, что ненавистно народу, осуждено в наказах и обрушилось уже летом 1789 г.

Король намеревался восстановить сословия и даже посословное голосование в Генеральных штатах, от чего отказались еще до 14 июля 1789 г. Он хотел вернуть церковную десятину – тягостный платеж, канувший в лету после «ночи чудес» 4 августа. Людовик XVIII добивался абсолютной власти не только в административной, но и в законодательной сфере, не считая решения Штатов обязательными для себя. Он оставлял в силе дореволюционную титулатуру французских монархов и ссылался на древнюю неписанную конституцию.

Король соглашался на принципиальные перемены только в армейских делах, разрешая доступ простолюдинам к офицерским званиям. Он готов был также возвести офицеров-разночинцев в дворянское достоинство. Это свидетельствовало о понимании им ключевой роли армии в политической жизни страны конца XVIII в. Но, в целом, программа короля носила консервативный характер. Впрочем, известная идеализация автором образа монарха по-человечески понятна: сложно избежать симпатий к главному герою своего труда.

Второй, уже коллективный герой данного исследования, - роялисты. Несомненной заслугой Д.Ю. Бовыкина является то, что он продемонстрировал значительный размах роялистского движения. Оно вовсе не было маргинальным, как часто считали его предшественники. Но можно ли ставить роялистов вровень с республиканцами и тем более полагать, что

они превосходили последних по возможностям. Здесь допускается преувеличение, которое сказывается и на определении причин постоянных неудач контрреволюции. Они связываются с рядом факторов, но все же вторичных и второстепенных.

Французская революция при всей её относительной кратковременности в корне изменила социальные и политические реалии страны, правовые нормы и представления людей. Граждане приняли её важнейшие результаты. Подавляющее большинство из них не догадывалось о поисках роялистами компромисса с республиканцами. Возвращение Бурбонов ассоциировалось у крестьян, буржуа, других французов, по меньшей мере, с потерей обретенных национальных имуществ и необходимостью компенсировать уже безвозмездно отмененные сеньориальные повинности. Такая перспектива при всей усталости от революции и неприятии того или иного революционного режима делала их решительными защитниками Республики.

Нельзя не сказать и о значении побед французской армии. Они укрепляли у сограждан уверенность в правоте революционного дела, а у враждебных европейских держав усиливали неверие в возможности Бурбонов вернуть себе трон, что влекло за собой неблагоприятные последствия для роялистского движения.

Вышеуказанные дискуссионные моменты не снижают общий объём высокой оценки исследования Д.Ю. Бовыкина. Его труд вносит значительный вклад в изучение Французской революции.

Сведения об авторе:

Блуменау Семён Фёдорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: blumenausf@mail.ru

РЕЦ. НА КН.: КРИЗИС И ТРАГЕДИЯ КОНТИНЕНТА. ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА (1618-1648) В СОБЫТИЯХ И КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ ЕВРОПЫ. НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ И СОСТАВИТЕЛИ Ю.Е. ИВОНИН, Л.И. ИВОНИНА. – М.: ТРАНСЛИТ, 2015. 564 с.

Недавние прошедшие и ближайšie годы дарят нам заметные юбилеи знаменательных событий мировой истории. Столетие начала Великой войны, 750-летие английского парламента и 800-летие Великой хартии вольностей, 950-летие завоевания Англии герцогом нормандским, положившего начало феодальной Англии, 400-летие памяти Уильяма Шекспира и 500-летие начала деятельности Мартина Лютера, перевернувшей мир того времени. Через два года – 400-летие начала Тридцатилетней войны, существенного контрапункта европейской истории. В ней сконцентрировались многочисленные события, носившие разнообразный и противоречивый характер, наложившие серьёзный отпечаток на дальнейшую судьбу европейских народов. Об этой войне, её месте и значении в европейской истории идёт речь в книге «Кризис и трагедия континента. Тридцатилетняя война (1618-1648) в событиях и коллективной памяти Европы».¹ Издание осуществлено под научной редакцией Ю.Е. Ивонина и Л.И. Ивониной, они же стали составителями материалов, вошедших в эту книгу. Издатели сумели собрать под одной обложкой отечественных и немецких авторов, специалистов по истории эпохи и самой войны. Заслуживает внимания и контент книги, выраженного, в частности, в точном подзаголовке - «... в событиях и коллективной памяти Европы». По-моему, в отечественной историографии о событиях того времени никто так подробно не говорил, для людей, склонных в истории к фактографии, это удовольствие и приобретение. В частности, назову очерки, рассказывающие о людях эпохи. Среди них – Альбрехт Валленштейн, полководец и политик (солидный очерк Ю.Е. Ивонина), император Фердинанд II (К. Кампманн), «Великий Северный Лев» Густав II Адольф (очерки А.В. Беспалова, а также Ю.Е. Ивонина и А.А. Ходина), Ришелье и отец Жозеф (Л.И. Ивонина). В этот ряд поставим исследования сложных узлов противоречий между европейскими союзниками и противниками основных участников войны, ход военных действий на разных этапах столкновения (исследования М.Н. Артёменкова, М.П. Беляева, А.Тишер, А.А. Ходина, очерки Х. Духхардта).

Однако, как мне представляется, наиболее интересны в книге историографические оценки, новации в этой сфере и переосмысление ряда проблем истории Тридцатилетней войны с позиций новых методологических подходов.

В последние десятилетия получили распространение плюралистические подходы к оценке европейских событий середины XVII столетия. Тем не менее, практически ни один из ныне существующих подходов к изучению европейского кризиса середины столетия, даже в рамках концепции глобального кризиса Д. Паркера, многослойного и мультиполярного конфликта А.Тишер, не может быть признан единственно верным. Исследования зарубежных учёных основываются на различном понимании соотношения общего и особенного в

¹ Кризис и трагедия континента. Тридцатилетняя война (1618-1648) в событиях и коллективной памяти Европы / Научные редакторы и составители Ю.И. Ивонин и Л.И. Ивонина. М.: ТрансЛит, 2015. 564 с.

развитии европейских государств и европейского кризиса XVII столетия. «Но даже верное соотношение различий и дефиниций (сути событий и самой войны – В.З.) не может гарантировать окончательного решения этой историографической проблемы» (С. 48), констатирует Ю.Е. Ивонин. Вероятно, наиболее успешным решением является рассмотрение Тридцатилетней войны как всеобъемлющего конфликта общеевропейского масштаба, прежде всего, системно-структурного кризиса, отразившего все противоречия переходной эпохи на международном уровне. Она была неотъемлемым фактором возникновения синхронных политических потрясений середины столетия Барокко, приведших в итоге к модификации политических структур европейских государств и взаимоотношений между ними. Помимо этого, имевшая общеевропейский охват Тридцатилетняя война явилась ярким выражением системно-структурного кризиса в международных отношениях. В ходе этого кризиса вся система европейских государств пришла в движение и подверглась существенной перестройке, определившей в итоге новое значение каждой из политических структур и приведшей к созданию Вестфальской системы (с. 49).

Тридцатилетняя война в длительной временной перспективе не ограничилась тремя десятилетиями от чешского восстания до Вестфальского мира. В европейском масштабе она стала квинтэссенцией процессов, начавшихся нидерландско-испанскими войнами, более знакомыми нам как Нидерландская революция, она началась в 1566 году, и закончившихся франко-испанским Пиренейским миром 1659 г. Гегемония Испании с 60-х годов XVI в. компенсировалась императорам Священной Римской империи германскими князьями, в числе которых были курфюрсты Бранденбургские и Саксонские, признанием легитимности сначала Фердинанда I (1556-1564), а затем и его преемников. Несмотря на усиление конфессиональных противоречий в империи и одновременно рост авторитета императора как последней посреднической инстанции, император Матиас и кардинал Клезль в канун войны попытались примирить религиозные партии, но императорская власть не обладала внутренней прочностью и не смогла предотвратить начавшуюся войну, особенно когда в неё вступила Испания.

В целом же, на рубеже XVI-XVII вв. в Европе сложился очень запутанный и сложный клубок отношений, из которого в германской историографии выделяют три: династические, конфессионально-политические, государственно-политические (см. с. 52-54). Для Германии война была и европейской, и религиозной, и немецкой. Как представляется, после Аугсбургского религиозного мира 1555 года развитие Германии собственно пошло по пути развития «национальных» обществ в региональных (территориальных) вариантах. В их границах идёт процесс дальнейшей эволюции сословий, «ответственных» за «нацию» в рамках княжества, складываются предпосылки развития модерновой немецкой нации со своими региональными особенностями. Многоплановый же, вплоть до климатических изменений, кризис XVII века был тем «вместилищем», в котором шли названные социокультурные процессы, что вполне характерно и для других государств переходной эпохи.

Коллективная память об этой войне – кажется, о таком говорится в нашей историографии впервые. В большой статье А.В. Лазаревой субъектом этой памяти является немецкая интеллектуальная элита. Так, многоликие образы Тридцатилетней войны оказали важное влияние на становление представлений немцев о немецкой нации. Визуальные впечатления в иллюстрированных листовках в виде самобытных изображений стали символом эпохи. Они пробуждали у современников, живших десятилетия в военном хаосе, чувство гордости за свой народ, напоминали о «славном прошлом» и помогали примириться с тяжёлой действительностью, обосновывая претензии на мощь и политическое лидерство. В доказательствах этих тезисов важную роль играли апелляции к древности происхождения, к высокой духов-

ности немецкого народа, его верности, набожности, целомудрии. В обществе немецких княжеств появляется новый тип патриотизма. Двумя преобладающими ранее типами патриотизма были «земельный», то есть чувство привязанности к конкретной земле, месту рождения, и «имперский» - любовь к Священной Римской империи германской нации. При сохранении этих двух типов в годы Тридцатилетней войны часть немецких интеллектуалов стала вырабатывать представления о третьем – «германском» (или немецком) патриотизме, главной ценностью в котором провозглашалась «вся Германия». Речь шла не о связи с каким-то отдельным княжеством или местностью, не с Империей, с её разнообразными составляющими, а с совокупностью немецких земель, то есть с Германией (С. 503).

Монография заканчивается интересными размышлениями Х. Духхардта в статье «Россия и Вестфальский мир» о связи Вестфальского и Тешенского (1779 год) мира. В своё время для Великого княжества Московского всё то, о чём без его собственного участия договорились в далёкой Вестфалии, оставалось неинтересным – это был не его мир. В то же время, Вестфальский мир – не только основной закон империи, который создал чрезвычайно устойчивый мирный порядок, но он стал и общеевропейским документом. Сто тридцать лет спустя в зените правления императрицы Екатерины II Российская империя во второй раз, теперь уже непосредственно, в отличие от первого раза, столкнулась с Вестфальским миром. Теперь ситуация в корне изменилась. По завершении войны за Баварское наследство российские дипломаты на мирных переговорах между Австрией и Пруссией в силезском Тешене стали претендовать на то, чтобы Россия стала одной из держав-гарантов Имперской конституции наряду с Францией. Дело в том, что Вестфальский договор со всеми его решениями включён в одну из статей Тешенского договора¹. России было важно получить рычаг постоянного давления на политику Империи, при необходимости иметь возможность парализовать политику одной из двух немецких держав. Екатерина, происходившая из Анхальта, добилась благодаря своему упорству признания Священной Римской империей того, что Россия вместе с Францией переняла посредничество в мирном процессе, оба посредника пребывали в союзнических отношениях с воюющими сторонами. Екатерина стала играть важную роль в имперской политике, которая из «Тешена» постоянно должна была напоминать о праве российского посредничества в имперских делах (с. 542, 552-554). Со времён Тешена Империи приходилось считаться с фактически существовавшей функцией контроля российской монархии. Входной дверью для этого стал Вестфальский мир (с. 553). Понятно, почему с началом Французской революции ряд имперских князей обратился к императрице как гаранту имперской конституции за помощью от войск революционеров.

В порядке замечания отметим тяжеловатый язык некоторых очерков, не все тексты достаточно внимательно вычитаны (см., например, с. 346, 438-439; Д. Паркер на с. 45 назван американским историком, на с. 46 – британским, и другое). Такое издание неплохо бы дополнить именованным и географическим указателем.

Коллективная монография подводит итог, на сегодняшний день, научных исследований по истории Западной и Центральной Европы в эпоху коренного поворота европейской истории, знакомит читателя с современными концепциями трагических потрясений раннего нового времени, трудного пути формирования системы международных отношений на исходе средневековья. Книга станет полезным пособием для историков, политологов, социологов, студентов и магистрантов исторических специальностей.

¹ В течение XVIII в. Вестфальский мир, а также многие другие мирные договоры всегда постоянно включались в договорные документы – даже тогда, когда соответствующие партнёры в этих договорах совсем не участвовали. Тем самым Вестфальские договоры становились частью всеобщего правового порядка в Европе для поддержания мира, явно расцениваясь в качестве его первоосновы.

Сведения об авторе:

Золотов Всеволод Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского. Россия, 241036 Брянск, ул.Бежицкая, 14. ta-nic@yandex.ru

РЕЦ. НА КН.: К.Н. ГАВРИЛОВ. ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ БАССЕЙНА ДЕСНЫ. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ В РАЗВИТИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ. – СПБ.: НЕСТОР-ИСТОРИЯ, 2016. – 132 с.

Палеолит Деснинского бассейна – самобытное и яркое явление первобытного мира, заслуживающее не меньшего внимания, чем всемирно знаменитый палеолит Костёнок. Первую обобщающую монографию на эту тему планировал подготовить начальник Деснинской экспедиции М.В. Воеводский, но смерть прервала его работу. Часть материалов использовал в своем, ныне во многом уже ставшем достоянием историографии томе «Палеолит Украины» П.И. Борисковский. За истекшие с той поры десятилетия увидели свет несколько авторских и коллективных монографических исследований по отдельным памятникам региона с разной степенью охвата и глубины анализа археологического материала («посчастливилось» таким стоянкам, как Мезин, Тимоновка, Юдиново, Авдеево, Елисеевичи, Быки, Хотылево 2). При этом обобщающих монографических исследований по Деснинскому палеолиту до сих пор существуют единицы, даже если начать отчет с сильно урезанной по сравнению с первоначальной рукописью работы патриарха белорусской археологии К.М. Поликарповича «Палеолит верхнего Поднепровья» (Минск, 1968).

С той поры минуло полвека, но из обобщающих работ можно назвать лишь англоязычный капитальный труд Ольги Соффер «Верхний палеолит центра Русской равнины» (Орландо, 1985) да исследование рецензента «Древнекаменный век бассейна Десны: проблемы историографии, источниковедения, история исследований» (М., 2005), носящее в первую очередь историографический характер. Справедливости ради следует назвать еще включенную издательством «Наука» в годовой план, но так и не увидевшую свет монографию Л.М. Тарасова, которую все-таки необходимо выпустить уже посмертно.

Именно поэтому новая обобщающая монография известного исследователя деснинского палеолита Константина Николаевича Гаврилова просто обязана была привлечь внимание специалистов и интересующихся археологией древнейшего периода человечества.

Работа состоит из введения, семи глав и заключения, снабжена библиографией и списком иллюстраций.

Во введении Константин Гаврилов обосновывает актуальность работы, обозначает ее методологическую основу и затем дает очень беглый историографический обзор изучения палеолита в проекции на основные методологические принципы своего исследования. Вскользь здесь уже в который раз затронута и проблема «длинных серий» радиоуглеродных дат. Вслед за автором признаем: множественность посещений памятников человеком – наиболее простое и логичное объяснение таких серий. Это объяснение не требует вести разговоры о неких якобы неясных нам процессах накопления и последующего распада изотопа (на самом деле специалистам по физике Солнца и воздействию его излучения на нашу планету этот процесс достаточно ясен, благодаря чему создаются надежные калибровочные шкалы). А вот в том, что радиоуглеродные даты являются относительными, а не абсолютными, с автором согласиться сложно (иначе упомянутые калибровочные шкалы придется признать шарлатанством и выбросить в урну, даже не заглядывая в них). Иное дело, что у любого аб-

солютного измерения имеется определенная аппаратная или имеющая иные причины погрешность, которую следует учитывать. Более того, в ряде случаев (например, в случае с прослойкой вулканического пепла в позднем плейстоцене Донского бассейна) даже стратиграфический метод приобретает черты абсолютного датирования.

Первая глава «Ранняя пора верхнего палеолита Подесенья» (кстати, самая значительная по объему – почти четверть всей монографии), впервые полно и системно вводит в оборот сведения об открытых и частично исследованных экспедицией К.Н. Гаврилова памятниках палеолита, связанных с Брянской ископаемой почвой и, соответственно, с Брянским интерстадиалом. До его полевых работ считалось, что в отличие от бассейна Среднего Дона, где располагается Костенковско-Борщевская группа палеолитических памятников, Подесенья в Брянское время отличается археологической немотой. Такую точку зрения высказывал еще в 1960-х гг. А.Н. Рогачев, не менялась она у палеолитоведов и вплоть до 1990-х гг., искали этому и некие геоморфологические объяснения, но все оказалось проще: культурные слои прятались под значительными напластованиями и требовались тщательные, кропотливые, трудоемкие работы. Теперь К.Н. Гавриловым в районе Хотылевского куста памятников выявлены несколько пунктов, относящихся к ранней поре верхнего палеолита, причем с признаками в разных случаях и ориньякоидного и граветтоидного технокомплексов. Исследование данных памятников по сути дела только начато, поэтому глава, написанная в стиле научного отчета, отражает как бы срез имеющихся на момент написания книги сведений. Автор осторожен в предположениях и не делает в конце главы никаких выводов. И действительно, факт обнаружения ранней поры верхнего палеолита в бассейне Десны говорит сам за себя, а для иных глобальных выводов материала пока что недостаточно.

Поскольку глава названием претендует на освещение всей, пока что малоизученной, ранней поры верхнего палеолита Подесенья, замечу, что находки в Хотылево значимы, но не являются единственными в данном физико-географическом регионе. В этой связи представляется некоторым упущением отсутствие в ней хотя бы кратких, информационных сведений со ссылками на соответствующие публикации о других выявленных памятниках рассматриваемого периода. В предисловии был вскользь упомянут шурф на стоянке Погон у с. Пушкари Черниговской области Украины (работы экспедиции В.И. Беляевой, СПбГУ). Однако ни ссылки на публикацию, ни краткой характеристики инвентаря нет ни в предисловии, ни в первой главе. Совершенно никаких сведений или хотя бы упоминания в тексте не удостоилась и открытая и исследуемая киевским археологом Дмитрием Ступаком стоянка Оболонье с ориньякоидным материалом, датируемая, правда, послебрянским временем.

Вторая глава озаглавлена «Восточный граветт Подесенья». Возможно, к ней требовался бы некий подзаголовок, поскольку речь идет не о региональной характеристике культурно-исторического явления в целом, а исключительно о вариабельности наиболее характерных элементов каменной индустрии – изделий с притупленным краем, наконечников с боковой выемкой, листовидных острий, ножей костенковского типа. Необходимо отметить удачный методический подход автора к такому сравнительно-типологическому обзору: каждая группа орудий рассматривается отдельно по всей совокупности хорошо изученных к настоящему моменту памятников. Выясняется, что в регионе каждый вариант восточнограветтских каменных индустрий, кроме пушкаревского, представлен одним памятником, но при этом практически все варианты имеют продолжение своего культурного круга за пределами Подесенья и Посеймья. К.Н. Гаврилов сближает не только традиционно Пушкари 1 и Ключсы, но и верхний слой стоянки Октябрьское 1, считая его иным, но относящимся к той же культурно-хронологической стадии. Ценным представляется данное автором указание на статус отдельного комплекса и особое стратиграфическое положение так называемого «межобъект-

ного пространства» Авдеевской стонки, исследовавшегося в последние годы жизни нашей коллегой Е.В. Булочниковой.

Третья глава «Восточный эпитаветт на территории Десны» методически построена аналогично предыдущей, но описывает каменные индустрии более позднего периода – позднеледниковья, лежащего между пиком поздневалдайского похолодания и финальным палеолитом. Естественно, что речь идет уже о несколько иных категориях орудий. Заключительная часть главы также посвящена вариантам каменных индустрий. Специфику Подесенья, затрудняющую выделение археологических культур или хотя бы вариантов индустрий (как в восточном граветте) с яркими культуроопределяющими формами инвентаря ранее уже не раз подмечали многие известные палеолитоведы, например С.Н. Лисицын, Г.П. Григорьев, здесь вновь звучит констатация данного положения. Особый статус автор придает лишь памятникам микрорегиона Быки, но отличие Быковских стоянок состоит в почти полном отсутствии на них пластин и микропластинок с притупленным краем, вместо которых имеются серии треугольных острий с притупленным краем и скошенным под острым углом к нему основанием. На наш взгляд данное отличие, как и некоторые другие нюансы, имеет преимущественно хронологический характер: Быки лежат во времени между поздними памятниками восточного граветта и такими характерными памятниками позднеледниковья, как Юдиново, Тимоновка, Чулатово 2, Елисеевичи 2 или Курские стоянки.

Константин Николаевич придерживается той точки зрения, что «восточный эпитаветт» – понятие скорее территориально-хронологическое (памятники, следующие во времени за восточным граветтом на данной территории), чем историко-культурное (впрочем в заключении автор все же именуется его «культурно-историческим явлением» (с.116)). В этом смысле оно совершенно не равновесно, не равновелико по отношению к «восточному граветту», обозначающему вполне определенную (пусть и внутренне вариативную) в культурном смысле группу памятников. Если в противовес «восточному граветту» есть технологически сходный, но культурно иной «классический» граветт Западной Европы, то с «восточным эпитаветтом» подобного не происходит, термин этот остается надуманным, но используется, поскольку его просто не решаются заменить чем-то более определенным. В позднеледниковье Европа, как мне представляется, делится не на Восток и Запад, а зонально – на север и юг. В южной полосе преобладают традиции классического эпитаветта с множеством докальных вариантов, а в северной господствует мадленская «цивилизация». Безусловно, население, даже очень редкое, не может не взаимодействовать в контактной зоне, особенно учитывая постоянные подвижки природной зональности ввиду пульсаций климата. Перспективный путь, на наш взгляд, это выделение названных культурных групп и анализ возможного взаимопроникновения определенных приемов работы и форм изделий.

Четвертая глава «Проявления дезинтеграции восточного граветта на Русской равнине на примере искусства малых форм эпитаветтских памятников Подесенья и Среднего Поднепровья». По сути дела рассмотрение связей по разным признакам (типы и разновидности орнамента, антропоморфная и зооморфная скульптура, гравировка и т.д.) дает различные произвольные группировки памятников, связи эти не образуют каких-то крупных выделяющихся общностей. Напротив, все памятники – как рассмотренные, так и взятые в качестве аналогии из других районов Восточной Европы, а также центральноевропейские и даже западноевропейские оказываются как бы спелёнаты общей ажурной культурной вуалью. Это заставляет задуматься о единстве, по крайней мере, в своих основах, мифологической системы древнего европейского человечества. А коли так – есть смысл смелее привлекать аналогии с удаленных территорий: возможно тогда вуаль станет проявляться чётче.

Есть мелкие замечания, не влияющие на общее позитивное впечатление от проведенного автором многофакторного компаративного анализа. Так, зооморфная скульптура присутствует в т.н. эпиграветте региона на самом деле не на трех стоянках (с.65) – Елисеевичи (мамонт), Быки 1 (носорог или лошадь, сурок, птицы) и Быки 7 (лошадь), а минимум на четырех. В Юдиново (изображение птицы, вырезанное из бивня мамонта и экспонирующееся в Белорусском историческом музее в Минске). Собственно и сам автор позднее (с.73) вспоминает, что А. Маршак выявил изображения рыб на материалах стоянок Тимоновка 1, Юдиново, Елисеевичи, и если в случае с Тимоновкой это гравировка на кости, то в Елисеевичах и Юдиново – фактически плоскостная и объемная скульптура.

При поиске аналогий для фигурки мамонта из Елисеевичей можно было бы опереться на наиболее близкую к ней вариацию сюжета – выделенную нами по материалам Авдеево-Старого фигурку идущего мамонта из мергеля. Аналогию же антропоморфной фигурки из Костенок 2 я предложил бы искать не в граветтийском Гагарино, а, развернув ее предварительно на 180 градусов, в европейском мадлене, например на стоянке Небра в Саксонии.

Справедливо замечание автора о том, что кольцо из бивня, найденное в Быках 7, принципиально не может быть солярным символом. При этом не совсем ясны предназначение и смысл фразы: «Возможно даже, что фигура на кольце изображает не лошадь, а коня» (с.67). Подозреваю, что речь о самке или самце вида *Equus latipes* – но как определить пол животного по весьма стилизованной голове с гривой останется загадкой не только для археологов, но и для зоотехников. Вообще «лошадь» и «конь» с точки зрения лингвистики не половое различие, а обозначение одного объекта двумя словами разных языковых систем, как и в случаях «топор – секира», «пес – собака», «глаз – око». Но в чем изменилась бы трактовка изделия, если бы голова действительно принадлежала жеребцу, а не кобыле?

Три последних главы посвящены отдельному сюжету – структурообразующим элементам культурного слоя – археологическим объектам на палеолитических памятниках Подесенья. Пятая и шестая главы посвящены систематизации имеющихся данных.

Пятая глава – сравнительное исследование углубленных объектов – ям и очагов. Углубленные объекты К.Н. Гаврилов подразделяет на очаги, ямы и жилые западины. Вынесенная на обсуждение типология носит иерархический характер, причем в каждой группе объектов предложен свой набор признаков, по которым ведется классификация. Для наглядности не была бы лишней и общая схема иерархии признаков и типов где-нибудь в конце главы, но и без нее типология воспринимается легко и видится удобной и отражающей реальное разнообразие углубленных структурообразующих элементов.

В шестой главе рассматриваются уже наземные скопления и конструкции. Скопления классифицируются по составляющему их материалу: уголь и зола, расщепленный кремний, кость, минеральная краска и, наконец, сложные скопления. Не совсем понятно, почему вертикально стоящие кости оказались в ряду скоплений, а не в ряду конструкций, как одна из наиболее примитивных версий последних. Собственно конструкций из костей К.Н. Гаврилов выделяет три вида – упорядоченно сгруппированные кости, заслоны и конструкции жилищ аносовско-мезинского типа.

Наконец последняя седьмая глава монографии имеет целиком новаторско-дискуссионный характер. Она посвящена взглядам автора на интерпретацию и происхождение объектов, известных нам как «аносовско-мезинские жилища». Обычно их, вслед за К.М. Поликарповичем, И.Г. Шовкоплясом, И.Г. Пидопличко и А.Н. Рогачевым воспринимают как остатки капитальных архитектурных жилых конструкций. Константин Николаевич предлагает альтернативную гипотезу, представляя скопления костей мамонта не руинами, а, в первую очередь, результатом иррациональной деятельности первобытного человека, связанных, по

всей видимости, с неким культом. Авторская версия достаточно аргументирована и имеет право на существование, как одна из альтернативных научных гипотез. Хотелось бы услышать, конечно, и о возможных причинах, заставлявших наших предков, занимаясь тяжелым физическим трудом складывать пазлы из мамонтовых костей, этакие прообразы пирамид, но эту сторону проблемы автор обходит молчанием. Правда есть оговорка, что это могут быть одновременно и следы жилищ, тем более, что жилище могло быть (и, как правило, являлось) не только местом повседневного обитания, но и, как микровселенная, культовым объектом, моделью Вселенной большой. Можно полагать, ответ на поставленный вопрос будет найден вскоре – либо при тщательном исследовании нового объекта на стоянке Аносовка (Костенки 11) прямо у здания Костенковского музея, либо при раскопках еще одного костно-земляного жилища (или все-таки скопления, созданного иррациональными позывами охотников и собирателей?) в Юдиново, где такой объект был намечен к изучению еще разведками В.Я.Сергина в конце 1970-х гг. Не исключаю варианта, что такие раскопки при наличии должного финансирования решит развернуть сам автор монографии.

В порядке начатой автором дискуссии замечу, что исследованиями Г.А. Хлопачева в Юдиново выявлен в настоящее время верхний культурный слой, а потому на месте руин костно-земляных жилищ нижнего слоя с провалившейся кровлей мог скопиться дополнительный костный материал, принятый при раскопках за часть костяных конструкций перекрытий. Такие же верхние слои, судя по всему, имелись в Мезине и некоторых других поселениях с фундаментальными костно-земляными конструкциями. Что же касается скопления костей в центре малого жилища в Пушкарях 1 – не забудем, что оно сложено над действовавшим очагом. Действительно, кости вряд ли рухнули с верхней точки перекрытия, но преднамеренная их укладка, например перед тем, как покинуть жилище, особенно с учетом распространенности культов почитания очага, тоже вполне возможный вариант, тогда как вкопанные черепа изначально были элементом капитального фундамента. С моей точки зрения основной зоной строительного использования костей, прикрывавшихся суглинком и дёрном, был именно фундамент и низь стен, перекрытие же могло быть достаточно легкой конструкцией. Между прочим, в этнографии известны именно костно-земляные жилые конструкции из костей кита типа «валькар» у приморских чукчей и эскимосов. Впрочем, это не мешало создавать и культовые сооружения типа китовых аллей, так что вопрос действительно остается открытым.

В заключении автор затрагивает дискуссионный вопрос, окончательного ответа на который пока нет, хотя есть некие основные рабочие гипотезы. Это – происхождение местного восточного граветта. Что в корне: мигрировавшее из центральной Европы население или же автохтонный генезис при так называемых культурных импульсах из Центральной Европы (правда, для этого нужно допустить регулярные контакты населения, удаленного на тысячу и более километров, что еще менее вероятно, чем миграция). В принципе и загадочные «культурные импульсы», и вполне реалистичная миграция части населения на восток все непременно дадут в итоге формирование новой синтетической культуры, в которой определенную роль будет играть автохтонный элемент (в данном случае – ориньякоидный, что в очередной раз подтверждают материалы из 1 главы рецензируемой монографии).

Здесь же в заключении автор пытается дать объективное определение дефинициям «стоянка» и «поселение». На поселении, таким образом, мы имеем полный набор структурообразующих археологических объектов, а на стоянке – только некоторые из них. Только вот беда: уровень изученности различных памятников сильно отличается, как по применявшимся методикам изучения и фиксации (памятники исследовались в разное время), так и по раскопанной площади. Не получится ли так, что по мере тщательного и результативного изучения новых площадей стоянки возьмут обыкновение все чаще превращаться в поселения?

Книга имеет обширную библиографию, что так же может быть полезным специалисту и просто просвещенному читателю. Издание богато иллюстрировано (всего 67 иллюстраций), иллюстрации четкие, часть из них дана в цвете, что особенно важно для фотографий стратиграфических разрезов и культурного слоя. Небольшие опечатки (например, на Рис.67 лопаточка с навершием №7 одновременно отнесена к Хотылево 2 и к Авдеево, хотя конечно для специалиста проблемы нет: это комплекс Авдеево-Старое), совершенно не могут изменить впечатление о добротности и высочайшем качестве издания.

Безусловно, несмотря на не покидающее ощущение некоей незавершенности, недосказанности (это ощущение скорее позитивное, и, вероятно, говорит о том, что продолжение следует), мы получили новую фундаментальную исследовательскую работу о палеолите бассейна Десны, а как уже говорилось в начале, число таких работ очень невелико, могу это утверждать как автор нескольких из них.

Мы должны поблагодарить К.Н. Гаврилова за огромный труд по написанию и публикацию яркой, дискуссионной монографии, вводящей в оборот значительный объем новых данных по региональной археологии верхнего палеолита и представляющей вниманию читателей ряд смелых современных гипотез, не всегда лежащих в рамках традиционного отечественного палеолитоведения.

Сведения об авторе

Чубур Артур Артурович – кандидат исторических наук, проф. Российской Академии естествознания, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, директор совместного с ИА РАН НИЦ Комплексного изучения Среднедеснинского региона. 241036 г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. Россия. fennecfox66@gmail.com

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.

Начало издания: декабрь 2016 г.

Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.

Знак информационной продукции 16+

Сетевое издание будет представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Сайт сетевого издания: <http://www.clio-brgu.ru> поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

- 07 – исторические науки и археология;
- 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. *Статьи публикуются на некоммерческой основе.*

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

• Контакты

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru

Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201

Телефон для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45

Адрес в сети Интернет: www.clio-brgu.ru